

ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

INSTITUTO DE LATINOAMÉRICA
ACADEMIA DE CIENCIAS DE RUSIA

ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

INSTITUTO DE LATINOAMERICA
ACADEMIA DE CIENCIAS DE RUSIA

**Институт Латинской Америки
Российской академии наук**

**ИНДЕЙСКИЙ МИР
ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ XXI ВЕКА**

Сборник статей

Москва

2011

**Instituto de Latinoamérica
Academia de Ciencias de Rusia**

**EL MUNDO INDIGENA ANTE
LOS DESAFIOS DEL SIGLO XXI**

Colección de artículos

Moscú

2011

Индийский мир перед вызовами XXI века.

Сборник статей.

Редактор – М.А. Воронина
Макет – Г.П. Колпинская
Обложка – Д.В. Разумовский

За аутентичность фактического материала и библиографии
ответственность несут авторы.

Подписано в печать 15.12.2011.
Бумага офсетная. Формат 60x84/16.
Физ.печ.л. 12,75. Уч.-изд.л. 8,7.
Тираж 200 экз. Заказ 21.

ПЛ ИЛА РАН. 115035 Москва, Б. Ордынка, 21.
Тел.: (495) 951-53-23. Факс: (495) 953-40-70.
E-mail: ilac-ran@mtu-net.ru

**Ответственный редактор – д.полит.н. Чумакова М.Л.,
д.полит.н. Мартынов Б.Ф.**

**Авторский коллектив: д.полит.н. Чумакова М.Л.,
к.полит.н. Воротникова Т.А., к.полит.н. Дьякова Л.В.,
к.и.н. Медведева Т.А., к.и.н. Ракуц Н.В., н.с. Чернышев
А.Л., к.полит.н. Шинкаренко А.А., к.полит.н.
Щербакова А.Д.**

**Индийский мир перед вызовами XX века. Сборник
статей. – М.: ИЛА РАН, 2011. – 204 с.
ISBN 978 – 5 – 201 – 05472 – 4**

Проблема участия коренного населения в социально-политических и культурных процессах государств Латинской Америки приобрела особую актуальность на рубеже тысячелетий. В сборнике на базе комплексного анализа рассмотрены трудности, с которыми сталкиваются различные индейские этносы в ходе процессов модернизации, рассмотрены формы их политического участия и особенности политики государства в отношении коренного населения. Материалы сборника составлены на основе выступлений участников конференций и дискуссий, проведенных в Центре политических исследований Института Латинской Америки РАН.

El problema de la participación de la población nativa en los procesos socio-políticos y culturales de los estados de América Latina ha tomado una particular actualidad en la frontera del milenio. En la colección basándose en un análisis complejo se consideran las dificultades, con las cuales se enfrentan diversos grupos étnicos indígenas en el transcurso de los procesos de modernización, se valoran las formas de su participación política y las particularidades de la política estatal con relación a la población nativa. Los materiales de la compilación han sido elaborados en base de las intervenciones de los participantes de las conferencias y discusiones, llevadas a cabo en el Centro de Investigaciones políticas del Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia.

ISBN 978 – 5 – 201 – 05472 – 4

© Институт Латинской
Америки РАН, 2011.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Шинкаренко А.А. Проблемы политического участия индейских движений	11
Чернышев А.Л. Борьба индейцев Мексики за землю и автономию	38
Шинкаренко А.А. Гватемала: расколотое общество в этническом измерении	58
Ракуц Н.В. Индейский вопрос в Перу	73
Воротникова Т.А. Боливия: становление индейского политического сознания	106
Дьякова Л.В. Индейское население Чили и политика государства	130
Медведева Т.А. Индейский мир Венесуэлы	151
Щербакова А.Д. Аргентина: индейский фактор в национальной мифологии	182
Заключение	195

CONTENIDO

Prefacio	7
Shinkarenko A. A. Problemas de la participación política de los movimientos indígenas	11
Chernyshev A. L. Lucha de los indios de México por la tierra y su autonomía	38
Shinkarenko A. A. Guatemala: sociedad dividida en la dimensión étnica	58
Rakuts N. V. El tema indígena en Perú	73
Vorotnikova T. A. Bolivia: formación de la conciencia política indígena	106
Dyakova L. V. Población indígena de Chile y la política estatal	130
Medvedeva T. A. Mundo indígena de Venezuela	151
Sherbakova A. D. Argentina: factor indígena en la mitología nacional	182
Conclusión	195

ПРЕДИСЛОВИЕ

За последние два десятилетия в политическом ландшафте Латинской Америки произошли важные перемены, затронувшие различные стороны общественной жизни и требующие внимательного изучения особенностей этнополитических процессов, развернувшихся в странах континента. Эпоха демократического транзита и неолиберальных экономических преобразований оказала противоречивое воздействие на положение коренного населения и его отношения с государством. С одной стороны, в условиях демократизации и гражданских свобод объективно расширились возможности защиты интересов индейских народов и народностей, их права на достойную жизнь и избавление от любых форм дискриминации. С другой – экономическая модернизация принесла с собой последствия, пагубно отразившиеся на социально-экономическом положении индейского социума и вызвавшие всплеск его протестной активности.

Начало 90-х годов прошлого века было отмечено индейскими восстаниями в Эквадоре и мексиканском штате Чьяпас. Они явились предвестниками бурных социальных и этнополитических конфликтов, обострившихся в ряде стран региона в начале XXI века. Это обусловило интерес исследователей к изучению динамики этнополитических процессов в странах Мезоамерики и Андского субрегиона. Именно здесь наиболее ярко проявилось участие индейцев в политической жизни, свидетельствующее о пробуждении коренного населения Южной Америки от его векового «летаргического сна» и о его стремлении избавиться от социального угнетения, преодолеть экономическую отсталость и добиться признания ценности их культурного и духовного наследия.

Активизация этнических движений, их борьба за подлинное равноправие и решение давно назревших социальных проблем привлекли внимание общественных и государственных деятелей, представителей академического мира стран региона к

проблемам коренного населения и его борьбы за свои права. Сформировавшийся с тех пор устойчивый интерес экспертного сообщества к вопросам этнополитического развития стал индикатором значимости индейской повестки в общем контексте социально-экономических и политических преобразований в первой декаде XXI века.

Само появление индейских движений и их последующая трансформация – из объектов в *субъекты* политики – стали закономерным следствием политической демократизации стран региона. Индейские марши, восстания и другие формы массовых манифестаций дополнили перечень протестных акций, в ходе которых этнические организации и движения настаивали на соблюдении гражданских прав и политических свобод, отвергали действия властей по силовой стабилизации конфликтных зон, требовали признания государством их прав на достойную жизнь, на получение доступа к образованию и медицине. При этом на первый план выдвигались требования сохранения культурного наследия и земельных угодий в районах традиционного расселения автохтонных этносов. Важным направлением протестной активности явилась защита среды обитания от хищнической деятельности нефтяных, горнодобывающих и лесозаготовительных компаний, наносящей ущерб экосистемам и приведшей к росту числа тяжелых заболеваний у жителей индейских общин.

Повышение протестной активности послужило основанием для популяризации идеи так называемого *индейского ренессанса*, которая была выдвинута интеллектуалами метисного происхождения. Однако эта идея не обрела популярности среди индейцев, больше озабоченных вопросами дальнейшего выживания в тяжелых условиях, созданных в ходе неолиберальной экономической модернизации. В индейской среде большую популярность приобрели идеи антиглобализма и других течений леворадикальной направленности, в которых рецепты кардинального общественного переустройства нередко сочетались с призывами к возрождению традиционализма и архаики.

Все более активное участие индейцев в общественно-политической жизни ряда государств Латинской Америки стало свидетельством пробуждения «воспрянувших народов», что говорило об их стремлении избавиться от расовой дискриминации, отстаивать жизненно важные интересы и права перед натиском во многом чуждой индейцам культуры «белого человека». Отторжение западных ценностей и желание во что бы то ни стало сохранить собственную идентичность подпитывают энергию многих индейских движений, которые отвергают перспективу ассимиляции.

Изменения в самосознании индейских народов, известные в литературе как *этнический парадокс современности*, наиболее четко проявились в Андской зоне и Мезоамерике. Именно здесь жива память о великом прошлом доколумбовых цивилизаций, о богатейшем культурном и духовном наследии коренного населения, внесшего немалый вклад в сокровищницу мировой культуры. Это обстоятельство и определило первичный выбор авторами сборника наиболее характерных стран, которые представляют интерес как с точки зрения изучения специфики этносоциальных и этнополитических процессов в полиэтнических государствах, так и для анализа различий в политике государства в отношении коренных этносов и весьма непростых отношений индейского социума с гражданским обществом. При этом, однако, «индейскую тему» ни в коем случае нельзя считать на этом «закрытой», как нельзя считать «закрытым» и список тех стран региона, где индейские движения если еще не стали, то *готовятся* стать важной частью спектра главенствующих внутривнутриполитических сил (например, Бразилия).

Представленный на суд читателя сборник следует считать первым (но отнюдь не последним) трудом, где авторы ставили задачу проследить основные направления деятельности индейских движений и их приобщения к политической и хозяйственной жизни, с учетом дихотомии *традиции – новации*, характерной для мировосприятия и поведения различных этносов. Обширный эмпирический материал, накопленный за последние

четверть века, потребовал объединения усилий историков, социологов, этнологов и политологов, занимающихся индейской проблематикой. Это обусловило закономерные различия в подходах исследователей к ключевым проблемам этнического и социального развития, к культурному наследию и политическим практикам индейских народов.

Многофакторный анализ позволил авторам вскрыть трудности адаптации коренного населения к реалиям современности, показать существующие различия и наметившиеся сдвиги в мировосприятии и поведении различных индейских народов.

Предлагаемый вниманию читателей сборник призван продолжить линию исследований, начатую в 70-е годы прошлого века учеными ИЛА РАН Т.В.Гончаровой, Ю.А. Зубрицким, В.А.Кузьмищевым и И. К.Самаркиной. Он составлен на основе выступлений участников конференций и дискуссий, проведенных в последние два года в Центре политических исследований Института.

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ИНДЕЙСКИХ ДВИЖЕНИЙ

За последние три декады XX столетия в латиноамериканском обществе произошли серьезные изменения, стимулировавшие зарождение новых социальных движений. Объединения, внимание которых сосредоточено на конкретных политических или социальных проблемах, привели к появлению совершенно нового субъекта политики – индейских организаций и их коллективных действий. Процессы модернизации способствовали тому, что в ряде стран Латинской Америки этот новый политический актор укрепил свои позиции в признании и отстаивании социально-экономических, этнокультурных и политических прав. Данная тенденция особенно была характерна для таких стран Андского субрегиона, как Перу и Эквадор. Специфика этнического состава этих государств заключалась в том, что в них проживает значительная доля постоянно дискриминируемого индейского населения. Именно здесь наиболее ярко проявился потенциал движений коренных народов (кечуа, аймара, ашуар, ашанинка, уорани и др.).

Становление современных индейских организаций восходит к деятельности «официальных» индихенистов. Их работа была особенно плодотворной на протяжении первой половины XX столетия. Именно благодаря подключению к образовательным программам с участием зарубежных антропологов, среди представителей коренного населения начал формироваться круг собственной интеллектуальной элиты. Часть ее вошла в структуры правительственных индихенистских организаций, активно участвовавших в реализации проектов развития этносов на локальном уровне. Интеллектуальная верхушка «индейского айсберга» заложила идеи, впоследствии ставшие основой современных движений коренных народов Латинской Америки.

Вместе с тем деятельность «официального» индихенизма лишь отчасти сводилась к восстановлению исторической памяти коренных жителей, культурных традиций и пробуждению этнического самосознания. Основной упор государственной политики в вопросе развития этнических общностей был сделан на их интеграцию в современное общество. В частности, такая позиция органично ложилась в русло интеграционистских инициатив *Межамериканского индихенистского института* (МИИ), который функционирует при ОАГ.

Ассимилятивные методы были негативно восприняты и интеллектуальной элитой аборигенов, появившейся во второй половине XX в., и крестьянами-общинниками. Основными причинами подобной реакции на «благие» начинания правительств стали этническая неоднородность и различные темпы интеграции индейских масс в общество, еще более ускорившиеся с формированием индейской интеллигенции¹. Параллельно с этим исследователи отмечали процесс разрушения традиционных социально-политических и культурных институтов, существовавших еще с доколумбовой эпохи². Стремление к сохранению этнической идентичности, индейских традиций, истории и культуры стимулировало появление у аборигенов собственных правозащитных объединений.

Выдвижение требований национально-этнического характера указывало на особый культурный статус коренных этносов в государстве. Отсюда происходила идея самоопределения и культурной автономии индейских общин. Такая концепция предполагала получение права контроля над районами компактного расселения традиционных общностей и распоряжения природными ресурсами на их территории. Она принимала во внимание необходимость экономического развития общин-айлью³, с учетом их социокультурной специфики, рассчитывая на содействие государственных институтов. Представители коренных народов понимали, что для получения помощи со стороны правительства их действия должны быть более организованными. Именно эти тенденции четко прослеживались на протяжении последних трех десятилетий.

Вместе с тем некоторые представители индейской элиты приняли во внимание идеи разного рода ирредентизма (воссоединения) и возрождения былого величия, которые сводились к тому, что коренные народы снова должны стать хозяевами собственной земли⁴. Несмотря на радикализм подобных точек зрения, широко распространенных среди зажиточных общинников, большая часть автохтонного населения стремилась наравне с метисами интегрироваться в современное общество.

Схожего мнения придерживались и американские антропологи, которые много рассуждали о «дуализме рас и культур», который остается и по сей день одной из характерных особенностей ряда латиноамериканских стран. По их мнению, в будущем этническая пестрота должна была постепенно сойти на нет в результате процессов метисации и аккультурации коренных жителей⁵. Вместе с тем начавшиеся по всему миру процессы «пробуждения» больших и малых этносов не могли не проявиться на латиноамериканской почве. В политической науке они получили название *этнического парадокса современности*.

Благодаря аграрным преобразованиям конца 60-х годов, а также внутренней политике националистических военных режимов стал возможен рост числа коалиций коренных этносов. Параллельно усилившееся наступление западных ценностей на традиционный уклад и жизненное пространство автохтонного населения Латинской Америки стимулировало формирование новых социальных движений и организаций. Рост национального самосознания индейского населения в таких странах, как Перу и Эквадор, сопровождался активизацией деятельности различных организаций и образованием политических партий, выражающих его интересы. По сути, их появление, характерное для последней трети XX столетия, стало логическим продолжением и организованной формой индейского противостояния центральным властям, возможной благодаря их давнему участию в профсоюзах и различных ассоциациях.

С одной стороны, усиление этнической направленности было предопределено результатами аграрных преобразований, не отвечавших требованиям коренных народов. С другой – воз-

никновение феномена индейских движений, расцветших на почве недовольства индейского населения своим низким социальным статусом и политикой властей, стало характерной чертой демократического транзита в странах андской зоны, в каждой из которых эти процессы обладали своей спецификой⁶.

Расширение политических и гражданских свобод, сопровождавшее процесс демократизации, создало новые возможности для деятельности индейских организаций и артикуляции их требований, касающихся, прежде всего, восстановления ущемленных прав коренного населения. Об этом все чаще стали заявлять лидеры автохтонных движений. За долгие годы постоянной конфронтации с представителями чиновничьего аппарата и армейских структур индейцы накопили внушительный опыт общения с властями. Неизбежное при модернизации наступление на традиционный общинный уклад, усиление ассимиляционных процессов вызвали закономерное стремление «воспрянувших народов» (термин бразильского социолога Д. Рибейру) к самосохранению⁷.

Коренные народы издавна осознавали свою «отрезанность» от белого или смешанного населения в этих государствах. По мере развития организационных структур начал раскрываться их политический потенциал⁸. Участниками движений стал делаться акцент на получение социальных и политических прав. Параллельно шла регионализация индейского движения. Она заключалась во взаимодействии и обмене опытом с представителями коренных этносов андских государств. В этом плане характерен созыв I Встречи индейско-крестьянских организаций Боливии, Перу, Эквадора и Колумбии, состоявшейся в 1987 году. На ней обсуждались вопросы возвращения общинных земель и предоставления индейцам прав местного самоуправления.

На развитие индейских организаций особое влияние оказали негативные последствия экономических преобразований, усиливших социальное неравенство и приведших к ухудшению условий жизни индейских крестьян Мексики, сельскохозяйственных рабочих и горняков Перу, Боливии, Гватемалы и Эк-

вадора. Выход из бедственного положения лидеры индейских организаций видели в прекращении практики дискриминации и акциях сопротивления политике властей. Об этом убедительно свидетельствовали вспышки индейских волнений в Эквадоре в 1990, 1992, 2000 и 2005 гг., восстание в мексиканском штате Чьяпас (1994) и создание там Сапатистской армии национального освобождения (Ejército Zapatista de Liberación Nacional – EZLN)⁹.

Качественно новым явлением в последнюю декаду прошлого века стала совместная деятельность организаций коренных народов, выступавших с четкими требованиями социально-экономического, этнокультурного и политического характера. Подобные изменения явились следствием тех социокультурных сдвигов, которые произошли в латиноамериканском обществе в последней трети XX столетия в результате реализации образовательных программ в сельских районах, развития коммуникационных систем и миграционных процессов. Все вышеперечисленные факторы помогли покончить с традиционной географической и культурной изоляцией индейских общностей.

Мощным толчком к развитию национального самосознания коренных жителей и развитию различных форм индейского движения послужили широкие общественные дебаты, сопровождавшие празднование 500-летия открытия Америки. Именно тогда тема бедственного положения автохтонного населения зазвучала на международных форумах, привлекая внимание политических деятелей и НПО. День открытия Америки – 12 октября (Дня Колумба) – индейские организации стран континента стали отмечать массовыми манифестациями, в ходе которых наряду с требованиями социального и политического характера звучали призывы покончить с исторической несправедливостью, принесенной конкистой. Следует отметить, что протесты автохтонного населения против празднования Дня открытия Америки с середины 90-х годов стали постоянным элементом политической панорамы континента.

К началу нового тысячелетия концепции американских антропологов, полагающихся на процессы ассимиляции, уже никак не принимались всерьез. Да и сама политика американских гуманитарных миссий была во многом дискредитирована. Теперь эту нишу пытаются занять представители экологических обществ и антиглобалистских организаций Европы. Они стремятся привлечь на свою сторону и материально поддержать коренное население, надеясь достичь компромисса между индейским миром и западной цивилизацией. Однако едва ли такие попытки будут успешнее американских. Прежде всего потому, что индейские общины при выработке проектов адаптации к внешним вызовам предпочитают опираться на собственные внутренние механизмы развития, воспринимая и отторгая при этом внешнюю помощь как нечто навязываемое.

Отличительной особенностью большинства современных этнопроектов является идеализация ими доколумбова прошлого Америки. Идеологи движений индейских народов нередко ставили под сомнение перспективу этнокультурного синтеза. Настаивая на своей культурной самобытности, они все чаще заявляли о возможности их автономного развития. Это, по мнению ряда исследователей, может быть чревато в будущем вспышками расовой нетерпимости¹⁰.

Нарастающая активность коренного населения сопровождается стремлением выработать единую идейно-философскую платформу паниндеанизма. Речь идет о таком альтернативном проекте общественного устройства, который предоставил бы коренным этносам больше возможностей и прав на достойную жизнь. Однако на этом пути участников этнического движения подстерегает опасность скатиться на позиции крайнего радикализма и национализма. Активисты индейских ассоциаций отвергают присущий европейскому мировидению антропоцентризм. Они ищут собственную модель развития, делая акцент на тесную связь с природой¹¹.

Активизация организаций коренных этносов на рубеже XX–XXI вв. (с блокированием транспортных артерий, осадой городов) показала их возросший мобилизационный потенциал.

Новыми характеристиками этих объединений стали возросшая организованность и массовый характер протестных акций. В последнее десятилетие голоса индейского электората становятся все весомее, они начинают непосредственно влиять на результаты электоральных процессов. Индейские движения конца XX в. приобрели новое качество, превратившись в один из важнейших социальных феноменов латиноамериканского общества. Эта тенденция демонстрирует смену акцентов в деятельности организаций коренных этносов, когда от спорадических вспышек недовольства они перешли к выработке собственной политической стратегии на национальном и субрегиональном уровнях.

Участие коренного населения в политическом процессе и его адаптация к меняющимся условиям внешней и внутренней среды стали неперенными составляющими общественной жизни Перу и Эквадора. Признание за перуанским и эквадорским государствами их многокультурного и полиэтнического статуса оказало огромное влияние на данные процессы. Однако ни позиция правительств, ни соответствующие нормативные акты национальных и международных законодательств не смогли предотвратить расовой и гендерной дискриминации в периферийных районах андской зоны и Амазонии¹². Во избежание дальнейшей маргинализации коренные жители стали активнее выступать с требованиями политического участия.

На рубеже столетий признаки нестабильности в государствах андского пояса сопровождалась массовыми волнениями индейцев против экономических реформ, проводимых в рамках неолиберальной модели. Это существенно ограничивало возможности государства претворять намеченные преобразования в области национальной политики. Вопреки ожиданиям истеблишмента, происходившие в субрегионе реформы не стали панацеей в борьбе с бедностью. Более того, в результате происходящих в обществах процессов повысилась вероятность возникновения этнополитических конфликтов и рост общей напряженности.

По мере реализации экономических преобразований сбои в функционировании местной модели неолиберализма в государствах с высокой долей коренного населения становились все более очевидными. Реформы работали на руку, прежде всего, крупному бизнесу. Вследствие монополизации власти в руках традиционной политической элиты этнические организации оставались в роли политических аутсайдеров¹³. Этому способствовала и существующая социально-экономическая и политическая система, которая выталкивала коренных жителей на обочину общественного развития¹⁴.

Недовольство последствиями экономических реформ привело к усилению протестных акций и возрастанию роли индейских организаций. Основные акценты в их требованиях сводились к устранению неравенства в распределении доходов и реализации социально ориентированных программ. Акты расовой дискриминации, социальная исключенность и низкий уровень правовой культуры в государствах андской зоны постоянно подпитывали деструктивный потенциал этих ассоциаций. Участие в политической жизни союзов коренного населения и новых общественных организаций часто сопровождалось протестными акциями. В результате этих процессов стиралась разница между этническими и политическими объединениями коренных жителей. Ведь, по сути дела, они отстаивали одно и то же. Примечательно и то, что на современные методы их деятельности и формы организации также наложили отпечаток давние традиции борьбы индейских народов.

Трудности формирования единой нации и поиска идентичности принимали различные очертания в зависимости от этнокультурной специфики государства¹⁵. Политические элиты, оказавшись неспособными преодолеть кризис управляемости и обеспечить стабильное развитие обществ, не могла найти адекватный ответ на постоянно возникавшие социальные вызовы. Правящие круги подвергались жесткой критике за крайнюю бедность, на которую они обрекли индейские этносы. Все это не только привнесло в Андский субрегион серьезные проблемы экономического и политического характера, но и очень

скоро вылилось как в традиционные, так и качественно новые формы социального протеста.

В среде коренного населения широко распространились радикальные идеи сторонников антиглобализма. На политическом пространстве субрегиона подобные тенденции стали приобретать все более четкие очертания¹⁶. В условиях гражданских и политических свобод, привнесенных процессом демократизации, различные организации гражданского общества получили возможность агрегировать и выражать свои интересы, не опасаясь жестких репрессий, характерных для эпохи военных режимов.

Наиболее наглядно модель активного участия на политической авансцене может быть прослежена на примере индейского движения Эквадора. Оно представлено Конфедерацией коренных народов страны (КОНАИЕ) и является одним из наиболее мобилизованных в регионе. Его современное состояние в корне отличается от начала 90-х годов прошлого века, когда оно располагало большим мобилизационным потенциалом и поддержкой широких слоев общества. В частности, об изменениях в среде этнических организаций упоминал бывший лидер КОНАИЕ Л. Макас¹⁷. Рассуждая на тему политического представительства коренных жителей, он отмечал, что «индейское присутствие в рамках существующих государственных институтов не принесло никаких ощутимых результатов»¹⁸. Даже при наличии с 1996 г. парламентариев от Движения Пачакутик в Национальном конгрессе при принятии решений по ключевым вопросам национальной политики к их голосам попросту не прислушивались.

Несмотря на возросшую организованность этнополитического движения в Эквадоре, его участники оказались ограничены в политических средствах. Это объяснялось низким уровнем социально-политической активности индейского населения¹⁹. Автохтонные этносы, как правило, не считали возможным изменить существующий порядок к лучшему, в рамках деформированного и фрагментированного гражданского общества²⁰. Отсутствие соответствующего образования и политической

культуры нередко подталкивало индейских активистов к протестным акциям. Их модель партисипации в условиях представительной демократии была отмечена, прежде всего, отсутствием каких-либо конструктивных предложений по общенациональной повестке. Кроме того, вероятность формирования альянсов с другими участниками политического процесса оставалась весьма низкой²¹.

Несмотря на то, что этнические общности ранее практиковали политический абсентеизм, все же они стремились утвердиться в качестве полноправного члена политического пространства. В частности, о подобных интересах индейцев упоминал президент ЭКУАРУНАРИ (фракции КОНАИЕ) У. Чоланго. Он подчеркивал, что «на сегодняшний день коренное население – политический актор, стремящийся трансформировать существующее государство»²². Согласно мнению Л. Макаса, подобная активная позиция объяснялась тем, что «действительность, меняясь слишком быстро, не позволила коренному населению органично инкорпорироваться в общественный порядок»²³. Поэтому в рамках имеющегося индейского движения в Эквадоре протестные акции сочетались с методами политического участия.

После установления в стране переходного правительства А. Паласио (2005–2006) его первые шаги были положительно восприняты руководством Конфедерации. Индейские лидеры высказались за открытый диалог с новым кабинетом и призвали к отмене всех декретов кабинета Л. Гутьерреса (2004–2005) по национальной политике. Речь шла о восстановлении государственных структур, отвечающих за национальную политику, ликвидированных за время его пребывания у власти. В частности, это касалось Совета по развитию народов Эквадора – КОДЕНПЕ (Consejo de Desarrollo de las Nacionalidades y Pueblos del Ecuador) и Проекта развития индейских и негритянских народов – ПРОДЕПИНЕ (Proyecto de Desarrollo de los Pueblos Indigenas y Negros del Ecuador), а также советов индейского здравоохранения и двуязычного образования, курируемых Федерацией индейцев-евангелистов (ФЕИИНЕ). Важно и то,

что в 2005 г. партии Движение Пачакутик удалось сохранить свое представительство в Конгрессе (10 депутатов) и в местных органах власти (27 алькальдов). По справедливому замечанию эквадорского обозревателя Ф. Бурбано, в сложившихся условиях «было трудно себе представить политическую систему государства без участия в ней индейского сегмента»²⁴.

В ходе избирательной кампании 2006 г. индейские организации поддержали платформу левой коалиции «Альянс Страна». Однако в 2007 г. спустя несколько месяцев после прихода к власти президента Р. Корреа (вступил в должность 17 января 2007 г.) число индейских парламентариев сократилось почти вдвое. Фракция Пачакутик была представлена 6 депутатами от провинций Имбабура, Морона-Сантьяго, Самора-Чинчипе, Котопахи, Чимборасо и Каньяр²⁵.

Партия Пачакутик столкнулась с серьезной проблемой установления конструктивных отношений с остальными секторами общества. Из-за акцента только на этнических требованиях индейские парламентарии рисковали потерять своих сторонников из среды белых и метисов. По мнению обозревателей, такая позиция была бы равнозначна уходу партии с авансцены эквадорской политики²⁶. Росло и недоверие индейцев к правительству Р. Корреа. Это подтолкнуло коренное население к поиску региональных союзников. О чем свидетельствует солидарность, высказанная индейскими лидерами страны с действиями президента Боливии Э. Моралеса²⁷.

Администрация Р. Корреа утверждала, что эквадорцы – это «единая нация и необходимо уважать культуру и традиции коренного населения»²⁸. Президент неоднократно заявлял, что в дальнейшем его правительство будет использовать все имеющиеся ресурсы для кодификации норм обычного права²⁹. Так, в рамках решения аграрного вопроса правительством Корреа 20 сентября 2007 г. было легализовано 7 тыс. га для трех общин народа шуар³⁰. На юго-востоке страны, в провинции Морона-Сантьяго права собственника земли общей площадью 150 тыс. га получили 400 индейских семей этой же группы. Кроме того, титулы на землю были выданы амазонским этносам ауа и ко-

фан³¹. Благодаря таким мерам был сокращен растянутый на годы процесс рассмотрения, легитимации и внесения в национальный регистр собственности крестьянских и общинных земель.

Положительные тенденции в национальной политике государства не позволили правительству Р. Корреа избежать роста оппозиционных настроений. Одним из поводов протестной кампании индейских общин стало решение эквадорского руководства о начале нефтеразработок в национальном парке Ясуни. В его защиту были проведены протестные акции, привлечшие внимание не только местных правозащитников, но и европейских экологов³². Другим поводом протестов стал Закон о водных ресурсах, а также положение в горнодобывающей и нефтяной промышленности. В связи с этим следует учесть и недавние кадровые перестановки в руководстве влиятельной КОНАИЕ в начале 2008 года. За ними последовало изменение ее политики. На место сторонников умеренного курса бывшего президента Конфедерации Л. Макаса пришли молодые активисты во главе с новым руководителем М. Санти³³. Нынешний глава альянса активно выступал за охрану окружающей среды в родной амазонской общине Сараяку, благодаря чему стал популярен среди местных индейцев. Поддержка его кандидатуры руководителями традиционных организаций на III Конгрессе Конфедерации в Санто-Доминго де Тсачилас 12 января 2008 г. не было случайностью. Об этом упоминал лидер Движения Пачакутик Х. Гуаман³⁴. Прежде всего такое назначение преследовало цель увеличить процент выходцев из амазонских районов (среди представителей ЭКУАРУНАРИ). После чего стал все больше заметен крен в сторону учащения протестных акций.

Целью индейцев явилось проведение широкой общественной кампании против эксплуатации нефтяных скважин в амазонской сельве и акцентирующей внимание на экологических проблемах. Следует подчеркнуть, что эта кампания все больше набирает свои обороты³⁵. Помимо вопросов экологического развития, индейские правозащитники высказались против

строительства автомагистрали по линии Манта – Манаус, которая должна пройти по территории сельвы, связав тихоокеанское побережье Эквадора с северными штатами Бразилии³⁶.

С 2008 г. индейские организации стали менять стратегию своего политического поведения и перешли в оппозицию к правительству Корреа. Недовольство грозило вылиться в очередное восстание, о котором предупреждал М. Санти. Примечательно, что отсутствие каких-либо конструктивных предложений по дальнейшему развитию других туземных групп у кабинета Корреа обусловило обострение протестных выступлений активистов индейского движения. Индейский марш на столицу страны Кито в марте 2008 г. стал тому свидетельством.

Все это осложнило и без того напряженные отношения между этнополитическими организациями и правительством. Действия же последнего были направлены на ослабление позиций и даже фрагментацию координационного центра коренных народов, а также сокращение их представительства в парламенте. Об этом говорит тот факт, что в настоящее время за индейскими парламентариями закреплено всего три места в Конгрессе³⁷. Представительство Движения Пачакутик среди префектов и алькальдов все еще сохраняется в провинциях Чимборасо, Риобамба, Котопахи, Морона Сантьяго, Орельяна, Тунгурауа и Амбато.

Камнем преткновения интересов аборигенов и правительства стала Конституционная ассамблея в Монтекриси. После восьми месяцев функционирования она закончила свою работу 24 июля 2008 г. принятием новой конституции. В поддержку Основного закона из 444 статей проголосовало 94 депутата, 32 – против. Было решено, что он будет вынесен на референдум 28 сентября. Однако уже после принятия законопроекта некоторые парламентарии высказали резкие замечания. Буквально перед самой публикацией проекта новой конституции была внесена поправка о признании наряду с испанским официаль-

ными языками кичуа^{*}, шуар и других туземных языков в районах их распространения.

В качестве субъекта права (ст. 71) отдельно были выделены природные богатства или, как их еще называют, Пача-мама (на языке кечуа – Мать-Земля)³⁸. Это стало заслугой видных индейских лидеров во главе с У. Чоланго. Однако в нынешней конституции Эквадора права коренного населения в сравнении с прежней еще не были достаточно проработаны. Практически все положения о полиэтничности и культурном многообразии государства, бывшие предыдущим завоеванием индейских лидеров, не вошли в ее текст.

В силу этих причин недовольство эквадорских индейцев продолжает расти. В ноябре 2008 г. они уже устраивали массовые манифестации в 50 км от Кито против принятия нового закона о добыче полезных ископаемых. В недавних заявлениях М. Санти промелькнула информация о том, что аборигенные организации готовы провести масштабное восстание в духе протестных акций 90-х годов. В сложившейся ситуации пути решения этих вопросов во многом зависят от позиции правительства: сможет ли оно удовлетворить требования туземных этносов.

Иная ситуация сложилась в индейском движении Перу. На пороге XXI в., столкнувшись с трудностями институционализации, оно практически не было представлено в политической жизни страны. Это объяснялось не только определенными моментами перуанской истории, но и памятью индейцев о сендеристском терроре 80-х. Метаморфозы политического развития в период авторитарного правления А.Фухимори (1990-2000) и трудности переходного периода наглядно показали нехватку в обществе действенных механизмов защиты коренного населения от преследований властей³⁹. Это не могло не повлиять на социально-политическое поведение участников индейских организаций. Все их требования, включая и политическое представительство, блокировались правительством. Позиция госу-

* Само название народа кечуа в Эквадоре.

дарственных институтов основывалась на мнении о недопущении участия индейцев в политическом процессе и сохранении status-quo. На наш взгляд, объяснение этому лежит в опасениях правящей элиты, связанных с вероятностью возникновения сепаратистских тенденций в преимущественно «индейских» департаментах страны.

Ситуацию «сверху» пытался выправить президент А. Толедо (2001–2006), использовавший в период избирательной кампании индейскую карту. Его советники с 2002 г. стали принимать активное участие в работе форумов по вопросам сохранения мирового культурного наследия. Однако деятельность созданной Толедо Национальной комиссии народов Сьерры и Амазонии (CONARAA) не принесла заметных результатов. В ее составе находились слишком разные по исторической памяти и архетипам этносы. Единство отсутствовало даже у самых крупных народов – кечуа и аймара. К примеру, только у кечуа насчитывается до 18 диалектов, что осложняет их внутриэтническую коммуникацию⁴⁰. Подобные факты поставили под сомнение возможность «индейского возрождения», о котором так любят рассуждать метисные интеллектуалы. Уже после истечения срока президентских полномочий А. Толедо вновь обратился к индейской теме. В своих публичных выступлениях он, как и ранее, стал ратовать против бедности, идентифицируя себя с коренными жителями Сьерры⁴¹.

Пришедший к власти в 2006 г. лидер апристской партии А. Гарсиа, чтобы завоевать симпатии индейского населения, также стал предпринимать шаги, демонстрирующие интерес правительства к индейской культуре. Отдавая дань вкладу коренных этносов в национальную культуру, он предложил провозгласить 7 июля Днем Мачу-Пикчу⁴². Кроме того, 5 июля 2007 г. в Лиме провели Международную встречу по вопросам сохранения мирового культурного наследия. Целью подобного форума была разработка программы по охране исторических и культурных памятников. Такие мероприятия, касающиеся вопросов сохранения индейской культуры и идентичности, проходили при непосредственном участии активистов коренных

общностей. Тем не менее политическое участие их организаций в Перу, по сравнению с соседним Эквадором, оказалось незначительным. Антропологи, в том числе Р. Монтойя Рохас, даже констатировали фактическое отсутствие индейского движения в Перу⁴³.

В действиях перуанского государства доминировала линия на недопущение трансформации автохтонных объединений в полноценных политических акторов. Из-за этого индейские общины могли участвовать лишь в программах, затрагивающих проблемы развития традиционной культуры и сохранения идентичности. Исходя из проведенного анализа документов и данных отчетов международных правозащитных организаций, можно прийти к выводу, что в Перу активисты коренных этносов находились в статусе политических аутсайдеров.

Общей в повестке эквадорских и перуанских организаций индейского населения стала озабоченность проблемой прав человека, что являлось серьезным препятствием на пути реализации программ, ориентированных на социально-экономическое и политическое развитие коренного населения. И в Перу, и в Эквадоре зафиксированы серьезные просчеты государственных чиновников и правоохранительных органов в деле соблюдения гражданских свобод. Как правило, они были связаны с неразрешенным аграрным вопросом, с территориями компактного проживания и ухудшением экологии⁴⁴.

Тревожным симптомом явились насильственные действия органов правопорядка. Довольно часто акты государственного насилия применялись против членов общин, которые выдвигали свои требования местной администрации. Жертвами подобных инцидентов становились активные деятели индейских организаций, а также их сторонники из НПО. Экспертами ОАГ неоднократно фиксировались акты насилия, убийства и нанесение физических увечий лидерам индейских и негритянских организаций, активно выступавших за целостность и неотчуждаемость территорий традиционного расселения этногрупп, их самобытность и культурную автономию, в период 2000-2007 годов.

Согласно данным перуанской Конфедерации общин, пострадавших от деятельности горнорудных компаний КОНАКАМИ (Confederación Nacional de Comunidades del Perú Afectadas por la Minería – CONACAMI), только в 2004 г. преследованиям со стороны административных органов⁴⁵ подвергалось 600 индейских землевладельцев. При этом два лидера были убиты⁴⁶. Нередко от беззакония страдали и метисы, выступавшие за права коренных жителей. В дополнение ко всем экономическим и политическим вызовам, с которыми сталкивались правительства, ситуация усугубилась в связи с социальными контрастами и крайней бедностью. В Эквадоре ее уровень заметно возрос с началом процесса макроэкономической стабилизации и последующей долларизации страны. Доходы коренного населения таяли в арифметической прогрессии, а доля бедных в стране, по данным Всемирного банка (ВБ), достигла 65% в 2003 году⁴⁷.

Кризисы управляемости и коррупционные скандалы, в которых были замешаны представители политической элиты, высшие военные чины, а также сотрудники органов безопасности, способствовали снижению уровня доверия к государственным институтам. Согласно докладу Института Всемирного банка, в Эквадоре в 2000 г. 70% респондентов назвали коррупцию «бичом гражданского общества»⁴⁸.

Коррупционность государственного аппарата и падение доверия к правящей элите привели к появлению радикально настроенных общественных движений. К примеру, в Перу низкий уровень одобрения действий правительства в обществе в период администрации А. Толедо (8% в 2005 г.) служил «индикатором перманентного социально-политического кризиса»⁴⁹. Данные социологических опросов свидетельствовали о накоплении в обществе конфликтного потенциала. Это же подтверждал и разрыв интересов индейских общин и государственных учреждений. Возникали опасения дальнейшей радикализации социально-исключенных слоев общества и как следствие риски дестабилизации государства⁵⁰.

В таких условиях в Перу активизировало свои действия националистическое Этнокасеристское движение под руководством О. Умалы. Это движение и его лидер не останавливались перед применением насилия. В 2005 г. 150 боевиков захватили полицейский участок в городе Андуайялас, что привело к гибели четырех заложников. О. Умала мотивировал поведение своих сторонников тем, что президент А. Толедо «не оправдал доверия своих граждан». Кроме требований об отставке главы государства, индейский лидер высказался за разрыв дипломатических отношений с Чили⁵¹. Обвиняя перуанских чиновников в коррупции и симпатиях к чилийскому бизнесу, он занял позицию крайнего национализма⁵². Однако впоследствии, в процессе поиска точек соприкосновения с интересами электората он перешел на более умеренные позиции.

О. Умала вновь выдвинул свою кандидатуру на президентских выборах 2011 г. в составе альянса *Gana Perú*. В него вошли Перуанская националистическая партия (ПНП), Социалистическая партия, Коммунистическая партия и Революционная социалистическая партия. С самого начала лидер ПНП считался фаворитом первого тура выборов. Во время своей предвыборной кампании он делал акцент на более справедливое распределение доходов, единую систему бесплатного здравоохранения, борьбу с коррупцией, взвешенную внешнюю политику и отказ от изменения существующей неолиберальной экономической модели. Несмотря на все свои предвыборные заявления, Умала в то же время стремился дистанцироваться от идей Уго Чавеса⁵³. По словам некоторых обозревателей, трансформация О. Умалы в более «умеренного» лидера была связана с привлечением бразильских советников и политтехнологов, ранее работавших с Луисом Инасиу Лулой да Силвой. Сам лидер националистов заявил, что в течение своего президентского срока намеревается следовать бразильской модели развития. Примечательно, что на прошедших выборах поддержку Умале оказал известный писатель и общественный деятель консервативно-либерального толка Марио Варгас Льоса, который его ранее критиковал. Во второй тур выборов, состоявшийся 5 июня

2011 г., Умала вышел, набрав относительное большинство голосов — 31,76 %. В борьбе за президентское кресло ему пришлось сразиться с кандидатом от правых сил Кейко Фухимори, дочери экс-президента П.А. Фухимори. При итоговом подсчете голосов стало ясно, что фаворитом выборов стал кандидат-националист Умала, за которого проголосовали 51,548 % перуанцев⁵⁴.

Объединяющую роль в вопросах политического участия коренных этносов сыграл экологический фактор. Строительство водных каналов и увеличение предприятий горнодобывающей промышленности выявили негативное воздействие крупного бизнеса на положение индейских общин. К примеру, размер горнорудных территорий ТНК в Перу за 14 лет (1992-2006) увеличился более чем в шесть раз (с 15 тыс. кв.² до 100 тыс. км²)⁵⁵. В результате подобных процессов резко возросло число перемещенных лиц и были зафиксированы случаи сокращения значительной части территорий традиционного расселения аборигенов⁵⁶. Так, в перуанских СМИ появлялись заявления жителей индейских районов Тамбогранде близ г.Икитос (департамент Лорето) об отравлении производственными отходами водоемов. Согласно данным ЭКОСОС ООН, практически во всех бедных индейских общинах Перу и по сей день отсутствует надлежащее водоснабжение и не соблюдаются нормы санитарии.

В Ла Оройя, расположенной в центральных Андах, местное население столкнулось с серьезными угрозами здоровью, вызванными деятельностью металлургических компаний. Последствиями их активности стали заражение акватории, эрозия почв, выбросы свинца в атмосферу⁵⁷. В 2006 г. разгорелся конфликт между крестьянами Комбайо и золотодобывающей компанией Янакоча в 560 км севернее Лимы⁵⁸. Главным организатором протестных выступлений стала КОНАКАМИ. Ее активисты говорили об угрозе экологическому равновесию района.

После принятия правительством А. Гарсии закона-декрета № 1015 от 20 мая 2008 г. о возможности продажи общинных земель и инвестирования в них отношения между индейским

населением и правительством резко обострились⁵⁹. Этот проект противоречил конституционному закону № 26 505 о статусе крестьянских земель. Согласно последнему, решение о продаже территорий могли приниматься 2/3 общинников. Данный закон базировался на ратифицированной государством Конвенции МОТ № 169. По новым же правилам устанавливалась практика принятия решений простым большинством голосов членов общины. Данный факт вызвал негодование среди амазонских племен и их главного защитника – АИДЕСЕП. По ее оценке, это является покушением на общинную собственность, закрепленную Основным законом. Отсутствие реакции со стороны перуанских властей лишь усугубило конфликтную ситуацию.

Ярким примером массовой мобилизации коренного населения стали события в перуанской Амазонии весной-летом 2009 года. Они свидетельствовали о том, что индейские общины больше не хотят мириться с наступлением на их территории. Начиная с 9 апреля 2009 г. представители 64 амазонских племен в департаменте Амасонас стали проводить кампанию против Закона о сельве № 1092, так как он открывал доступ ТНК к ресурсам общинных земель, которые ранее считались неотчуждаемыми. В рамках закона была упрощена процедура взаимодействия ТНК и туземных общин. Такое наступление на индейскую автономию, по замыслу правительства А. Гарсиа, должно было существенно расширить район добычи нефти и других полезных ископаемых в регионе⁶⁰. Заметим, что на сегодняшний день до 70% территорий перуанской Амазонии уже находятся в концессиях⁶¹.

Протестные акции аборигенов, хотя и имели мирный характер, сопровождались блокированием дорог, водных каналов, а также перекрытием нефтепроводов. Руководящую роль в организации акций взяла на себя ассоциация АИДЕСЕП во главе с А. Писанго. Примечательно, что действия индейцев были поддержаны правозащитниками и рядом иерархов церкви, которые после известных событий потребовали от перуанского правительства заморозить соглашения с нефтяными ТНК.

Решение Конгресса вернуться к обсуждению закона о разработке полезных ископаемых в Амазонии встретило яростное сопротивление индейских общин. В начале июня 2009 г. находящиеся в амазонском городе Багуа полицейские силы в составе 600 человек предприняли попытку очистить участок Пан-американского шоссе, блокированного индейцами. Этот отрезок транспортной артерии был оцеплен 5000 членами племен авахун, уампис и уамбиса⁶². В ответ на использование силовиками слезоточивого газа и огнестрельного оружия общинники применяли стрелы. Ситуация резко обострилась после того, как полицейские и военные начали использовать вертолеты и БМП против фактически безоружного населения.

В результате столкновений индейцев с силами безопасности в Багуа погибло до 40 человек, в том числе трое детей, и около 150 получили ранения различной степени тяжести. Эти события стали крупнейшими за 20 лет протестными акциями с применением насилия. В столкновениях погибло, по меньшей мере, 23 полицейских.

Все случившееся привело к правительственному кризису и поставило под вопрос дальнейшую судьбу миллиардного контракта на разработку нефтяных месторождений в Амазонии. Глава кабинета министров И. Симон был вынужден уйти в отставку. От лица правительства он принес извинения индейским лидерам за попытки администрации провести данные нормативные акты о добыче полезных ископаемых в амазонской сельве⁶³. Заметим, что наибольший интерес к ресурсам Амазонии тогда проявили англо-французская *Perenco* и испанские *Repsol* и *Cepsa*.

Иной была позиция лидера страны А. Гарсиа, который назвал протестные акции в г. Багуа «подрывной деятельностью против основ демократии»⁶⁴. При этом он подчеркивал факты жестокого обращения индейцев с пленными полицейскими, проводя параллели со зверствами сендеристов, и намекал на «след вмешательства» АЛБА на основе того, что после подавления восстания один из его руководителей – А. Писанго попросил политического убежища в посольстве Никарагуа и вы-

ехал в эту страну. Именно он обвинялся в организации протестных акций, которые привели к кровопролитию⁶⁵.

Представляется вполне очевидным, что для современного Перу регион Амазонии стал центром социальных и этнических волнений. Коренные общины, населяющие его, стали оказывать сопротивление, защищая свои земли. Это создает определенные трудности при налаживании диалога, поскольку для индейцев понятие автономии связывается с неприкосновенностью территорий компактного расселения. Любые попытки проведения законопроектов о разработке полезных ископаемых вызвали и будут вызывать в дальнейшем социальную мобилизацию населения перуанской Амазонии. На наш взгляд, властям в сложившихся условиях наряду с нефтедобычей следует уделить больше внимания сбалансированному развитию региона.

Менее трагичными были события в амазонской части соседнего Эквадора. Поводом для волнений стал Закон о воде 2008 г., предусматривающий приватизацию водных ресурсов. В провинции Марона-Сантьяго – «нефтяном сердце» страны и ряде соседних районов в конце сентября 2009 г. начались столкновения полицейских сил со сторонниками КОНАИЕ. Однако на волне борьбы за сохранение экологии появились заявления против нефтедобычи в Орьенте. Прежде всего это касалось деятельности ТНК в провинции Марона-Сантьяго. На этот раз действия протестующих не были скоординированы, так как КОНАИЕ завершила свои выступления еще 21 сентября, тогда как представители амазонских племен продолжали блокаду Панамериканского шоссе еще неделю⁶⁶.

Протестная кампания, развернутая в нескольких районах эквадорской Амазонии, широко транслировалась телеканалами страны. Представители Конфедерации коренных народов эквадорской Амазонии (КОНФЕНИАЕ) заявили, что вследствие насильственных действий было убито двое индейцев шуар, а 9 получили ранения. Однако официальная статистика сообщает об одном погибшем и 40 раненых, которые получили травмы различной тяжести⁶⁷. Президент Р. Корреа призвал этнических

лидеров во главе с М. Санти сел за стол переговоров с правительством⁶⁸.

Все эти проявления конфликтности свидетельствовали о том, что власти не справились с социальными вызовами бедности, от которой страдает большинство коренного населения региона. Отсутствие социально-экономического, политико-правового и этнокультурного диалога тормозит обновление общества. Процессы децентрализации и перераспределения финансовых ресурсов в государствах субрегиона также не отвечают интересам индейцев.

Смена социальных ролей стимулировала трансформацию этногрупп во влиятельного актора процесса модернизации общественных институтов⁶⁹. Изменения национальной политики государств, а также существенные сдвиги в общественном мнении дали импульс наметившейся тенденции. Коренные народы стали ориентироваться на участие в принятии решений по насущным проблемам. Координированная деятельность индейских организаций, четкая формулировка их требований и возможность масштабной социальной мобилизации стимулировали развитие этнополитического движения в государствах андской зоны. Этому способствовала также поддержка НПО, экологических объединений и гуманитарных миссий.

Однако изменение политической стратегии правительства Эквадора в рамках проекта «гражданской революции» привело к снижению мобилизационного потенциала индейского движения. В контексте социальной трансформации, внутри коренных этносов произошли значительные перемены в осознании собственной идентичности. Они оказали воздействие на переоценку ценностей и появление новых требований, что способствовало созданию расширенной повестки, коррелирующей с интересами остальных участников гражданского общества⁷⁰. Тем не менее, несмотря на положительные изменения, попытки создания в Перу и Эквадоре союза коренных народов натолкнулись на различную степень их готовности к социальной и политической мобилизации. Разобщенность этнических организаций по ключевым вопросам и методам политического участия

не позволила им выработать четко обоснованной стратегии. Не в последнюю очередь это было обусловлено многообразием их организационных форм, культурных и конфессиональных традиций.

Блокирование участия туземных объединений в политическом процессе на примере Перу во многом объяснялось позицией правящей элиты. Призная культурные объединения индейцев, она в тоже время стремилась не допустить их представительства в органах власти. Характерной чертой индейских движений андской зоны на современном этапе стало их тяготение к протестным акциям. Так, по данным социологических опросов Латинобарометро, среди представителей коренного населения за возможность участия в массовых выступлениях высказались в Перу 93%, а в Эквадоре 95%, соответственно⁷¹. Несовпадение интересов государства и жителей индейских общин по вопросам развития территорий традиционного расселения в ближайшей перспективе может повлечь возникновение новых конфликтных ситуаций, подрывающих стабильность государств субрегиона.

* * *

¹ Fernández J.M. Indigenismo. – <<http://www.ucm.es/info/>>

² Гончарова Т.В. Индеанизм: идеология и политика. Боливия, Перу, Эквадор. 50–60-е гг. XX века. М., 1979, с. 57.

³ Традиционная крестьянская община в Андах. В переводе с языка кечуа Ayllu обозначает «община».

⁴ Гончарова Т.В. Индейское движение в Латинской Америке. – История Латинской Америки: вторая половина XX века. М., 2004, с. 503.

⁵ Fernández J.M. Movimientos Indígenas. – <<http://www.ucm.es/info/>>

⁶ Ibidem.

⁷ Латинская Америка. Политические партии и социальные движения. М., 1994, т. 2, с. 204; См. также: Perú: Identidad Nacional. Lima, 1979, p. 49.

⁸ Fernández J. M. Op. cit.

⁹ См.: Кондрашева Л. Штат Чьяпас, 1994. – Латинская Америка, 1994, №11.

¹⁰ Lee Van Cott D. 500 Years of Confrontation. – <<http://www.ndu.edu/inss/McNair/mcnair53/m53c1.html>>

¹¹ Гончарова Т. В. Указ. соч., с. 504.

¹² Pacheco Silva F.J. La Pobreza en Latinoamérica: Factor de Violencia y de Inestabilidad Social. Su Proyección para Fines del Siglo como Amenaza para Seguridad del Continente Americano. Washington, 1999, p. 4.

¹³ Политические режимы в ряде стран Латинской Америки искусственно внедряли концепцию «внутреннего колониализма». Она (концепция), согласно мнению английского исследователя М. Хэтчера, концентрирует свое внимание на «политическом конфликте между ядром и периферийными этногруппами». При этом «отсталость» последних лишь усугубляется «по мере расширения трансакций с центром». Рассуждая на эту тему, он подчеркнул, что привязанность периферии к центру настолько сильна, что это дает возможность рассматривать ее как «внутреннюю колонию». В свою очередь доминирующая прослойка практикует дискриминацию к народам, сохранившим элементы своей самобытности. – Hetcher M. Internal Colonialism. The Celtic Fringe in the British Development, 1536-1966. London, 1975, p. 30.

¹⁴ Pacheco Silva F.J. La Pobreza en Latinoamérica: Factor de Violencia y de Inestabilidad Social. Su Proyección para Fines del Siglo como Amenaza para Seguridad del Continente Americano. Washington, 1999.

¹⁵ Forero J., Rother L. Native Latins Are Astir And Thirsty for Power. – The New York Times, 22.III.2003.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Macas L. Volver a lo Nuestro. – BBC, 16.IX.2006.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Los indios en su Laberinto. – El Hoy. Quito, 29.VI.2006. – <<http://www.hoy.com.ec>>

²⁰ Sanchez A., Asper A. Scoop Ecuador Likely to Become the «Sick Man» of America. – COHA Research Associate, 10.III.2005.

²¹ Montoya Rojas R. Cultura y Poder. – <<http://www.ecoportel.net/content/view/full/15781>>

²² Цит. по: Josephs L. Grupos Indígenas Andinos en Perú Buscan Unidad Regional. – El Nuevo Herald, 4.VII.2006.

²³ Ibidem.

²⁴ Burbano de Lara F. Los Dilemas de Pachakutik, 6.VI.2006. – <<http://hoy.com.ec>>

²⁵ Congreso Nacional del Ecuador. – <http://es.wikipedia.org/wiki/Congreso_Nacional_del_Ecuador>

- ²⁶ Burbano de Lara F. Los Dilemas de Pachakutik, 6.VI.2006. – <<http://hoy.com.ec>>
- ²⁷ El Nuevo Heráld, 11.IX.2007.
- ²⁸ Gobierno Nacional de la Republica del Ecuador. La Nueva Constitución fortalecerá los derechos de los pueblos indígenas. Sábado, 3.XI.2007. – <<http://www.presidencia.gov.ec/>>
- ²⁹ Ibidem.
- ³⁰ El Nuevo Heráld, 20.XI.2007.
- ³¹ Ibidem.
- ³² Yasuni Rainforests Campaing. – <<http://www.saveamericasforests.org/Yasuni/News/>>
- ³³ Marlon Santi Asumió la Presidencia de la CONAIE. – <http://www1.elcomercio.com/solo_texto_search.asp?id_noticia=108864&anio=2008&>
- ³⁴ Marlon Santi, el Nuevo Titular de la CONAIE. – <http://www1.elcomercio.com/solo_texto_search.asp?id_noticia=106478&anio2008&>
- ³⁵ Movimiento Indígena Prevé Posible Levantamiento. – <http://www1.elcomercio.com/solo_texto_search.asp?id_noticia=108275&anio=2008&>
- ³⁶ Ibidem.
- ³⁷ Elecciones Generales. Documento informativo. Mision de Observasion electoral Republica de Ecuador. Quito, 2009, p. 74.
- ³⁸ Constitución de Ecuador de 2008. – <http://issuu.com/restrella/docs/constitucion_del_ecuador?mode=embed&document>
- ³⁹ Чумакова М.Л. Эквадор: анатомия нестабильности. – Латинская Америка, 2003, № 6, с. 20-24.
- ⁴⁰ Zibechi R. Indigenous Movements: Between Neoliberalism and Leftist Governments. – <<http://www.americas.irc-online.org/am/3257>>
- ⁴¹ Alejandro Toledo Rebelde Contra la Pobreza. – Associated Press. 27.IV.2007.
- ⁴² El Nuevo Herald, 11.VII.2007.
- ⁴³ Ibidem.
- ⁴⁴ Castellanos J. Tupac Amaru Uprising and the Environment. – ICE. Case Studies, 23.VI.1997.
- ⁴⁵ Inter-American Commission on Human Rights. Report on the Situation on Human Rights Defenders in the Americas (/OEA/Ser.L/V/II.124.Doc.5.rev.1.7 March 2006/). Washington, 2006, p. 58.
- ⁴⁶ Zibechi R. Indigenous Movements: Between Neoliberalism and Leftist Governments. – <<http://www.americas.irc-online.org/am/3257>>
- ⁴⁷ Ecuador: An Economic and Social Agenda in the New Millenium. Washington, 2003, p. 203.
- ⁴⁸ Ibidem.

- ⁴⁹ Цит. по: Чумакова М. Л. Латинская Америка: власть и политика в зеркале общественного мнения. – Латинская Америка, 2005, №8, с. 14.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Он также неоднократно заявлял, что правительство выказывает собственную недееспособность в диалоге с чилийцами по проблеме спорных 35 тыс. км морского пространства в Тихом океане. – Humala Muestra Cobardia ante Chile en Tema Marítimo. – El Nuevo Herald, viernes de marzo del 2007.
- ⁵² Ibidem.
- ⁵³ <http://ria.ru/world/20110606/384709837.html>
- ⁵⁴ <http://www.elecciones2011.onpe.gob.pe/resultados2011/2davuelta/>
- ⁵⁵ Zibechi R. Indigenous Movements: Between Neoliberalism and Leftist Governments. – <<http://www.americas.irc-online.org/am/3257>>
- ⁵⁶ Yuluila Ontiveros A. Perú: Racismo y Discriminación Racial Latente. – <<http://www.agrentina.indymedia.org/news/2004/11/235864.php>>
- ⁵⁷ Из доклада Милуна Котари, специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достойный жизненный уровень. – E/CN.4/2004/48/Add.1, 11 February 2004.
- ⁵⁸ Peru: Finaliza Conflicto entre Mina Yanacocha y Campesinos. – Nuevo Herald, 3.IX.2006.
- ⁵⁹ Alan Garcia Se Enfrenta a Indigenas en Peru. – El Nuevo Herald, 4.VI.2009.
- ⁶⁰ Alto a la Venta de las Tierras de las Comunidades Campesinas del Peru. – <<http://www.landaction.org/spip.php?article341>>
- ⁶¹ Orta M., Martinez Alier J. Matanza de Indigenas en Peru. – Le Monde Diplomatique, julio 2009.
- ⁶² More than 30 Killed During Protests in the Peruvian Amazon. – <http://www.panamanews.com/pn/v_15/issue_11>
- ⁶³ Ibidem.
- ⁶⁴ Alan Garcia Se Enfrenta a Indigenas en Peru, 4.VI.2009.
- ⁶⁵ Orta M., Martinez Alier J. Op. cit. – Ibidem.
- ⁶⁶ Indigenas de Ecuador «Indignados» por Actitud del Gobierno y Muerte de Shuar. – <http://www.univision.com/contentroot/wirefeeds/lat/8043323_p.html>
- ⁶⁷ Ibidem.
- ⁶⁸ Cercano un «Consenso» con Indigenas Ecuatorianos. – El Nuevo Herald, 20.X.2009.
- ⁶⁹ Martínez Castilla D. Mensaje del Kuraka. – <[http://www.ciberayllu.com/CiberaylluMensaje de kuraka enero de 2006. htm](http://www.ciberayllu.com/CiberaylluMensaje%20de%20kuraka%20enero%20de%202006.htm)>
- ⁷⁰ Becker M. My Land is Cayambe. The Roots of Ecuador's Modern Indian Movement. – <<http://www.yachana.org/research/prospectus.html>>
- ⁷¹ Latinobarometro. Informe 2009. Santiago de Chile, 2009, p. 64.

БОРЬБА ИНДЕЙЦЕВ МЕКСИКИ ЗА ЗЕМЛЮ И АВТОНОМИЮ

Возникновение в Латинской Америке индейских движений – относительно новое явление. Несмотря на расовую дискриминацию и социальную исключенность, политическая активизация индейцев в регионе наметилась только в последней четверти XX века. Среди ее факторов – демократизация политических режимов, открывшая новые возможности для мобилизации и протеста, и либерализация экономических отношений, которая еще более обострила существовавшие культурные и социальные противоречия. Индейские организации и движения сегодня играют заметную роль на политической арене в Боливии, Эквадоре, Перу, Гватемале. Основные тенденции их борьбы определяются как внутривнутриполитическим контекстом каждой отдельной страны, так и особенностями конкретных этнических групп. В этой статье мы рассмотрим факторы и формы политической активизации индейского населения в Мексике.

Согласно второй статье мексиканской конституции, к индейскому населению относятся «потомки жителей, населявших территорию современной Мексики к моменту начала колонизации, и которые сохраняют свои общественные, экономические, культурные и политические институты»¹. В 2005 г. индейцы составляли около 13,5 млн. человек, или 12,6% от общей численности мексиканцев. Штаты с наибольшей концентрацией коренных жителей – Оахака (1,9 млн., 55,7%), Чьяпас (1,17 млн., 30,9%), Веракрус (1,16 млн., 16,9%), Юкатан (1,08 млн., 65,5%), Пуэбла (1 млн., 20,9%), Герреро (569 тыс., 18,6%)².

Индейцы исторически жили в более тяжелых условиях, чем остальная часть общества, а снижение уровня бедности, отмеченное в Мексике на рубеже XX и XXI в., практически не затронуло автохтонное население (см. табл. 1). Несмотря на

очевидную взаимосвязь тяжелого социально-экономического положения и этнической принадлежности, культурные особенности индейцев не признавались в конституции до 1992 г., а патерналистская политика индихенизма, проводимая государством во второй половине прошлого века, имела своей целью исчезновение индейских культур, «не приспособленных к современности»³. В то же время проекты по аккультурации и модернизации индейских общин зачастую еще больше усугубляли их маргинальность. При этом положительная динамика роста коренного населения сохранялась (см. график 1).

Таблица 1

Снижение уровня бедности среди индейского и неиндейского населения Мексики (1992–2002)

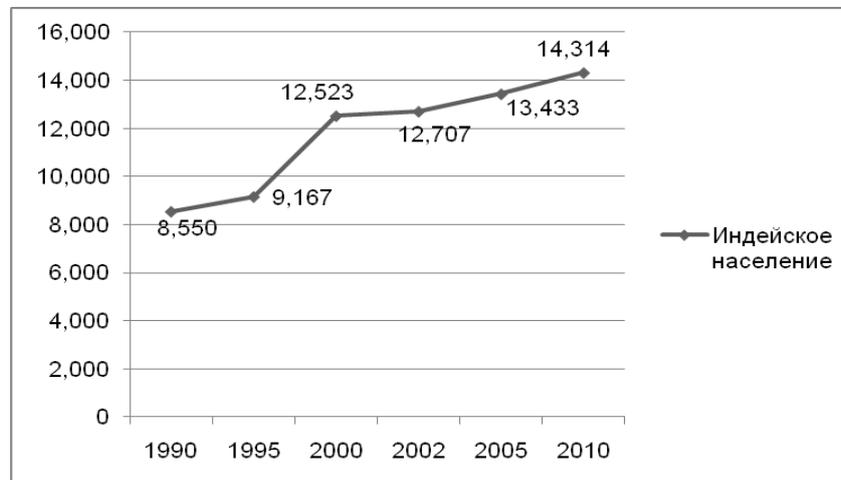
Год	Индейское / неиндейское население	
	Бедность, %	Крайняя бедность, %
1992	90/49	71/19
2002	90/47	69/15

Источник: Damman S. La pobreza indígena en América Latina y el primer objetivo de desarrollo del Milenio. – <http://bibliotecavirtual.clacso.org.ar/>

Как ни парадоксально, но индейцы, сохраняя этническую идентичность и демонстрируя потенциал для выживания и мобилизации, в течение долгого времени оставались относительно пассивными в условиях обострения своих социально-экономических проблем и фактически направленной на *этноцид*⁴ государственной политики. Эту пассивность, на наш взгляд, можно объяснить различными причинами. Во-первых, формированием у дискриминируемой группы особой ментальности и системы ценностей, которые выражались в неверии в свою способность улучшить положение и фаталистическом принятии

своей участи. Мексиканский антрополог А. Фабила называл это сознание «философией бедности и покорности», веками вырабатывающейся у поколений индейцев⁵.

График 1
Динамика роста индейского населения,
млн. чел. (1990–2010)

Источники: CONAPO. La situación demográfica de México. México, 1997; CONAPO. La población de México en el nuevo siglo. México, 2001; CONAPO. Proyecciones de indígenas de México y de las entidades federativas, 2000–2010. México, 2005.

Кроме того, важную роль здесь играло такое завоевание Мексиканской революции 1910–1917 гг., как система выделения земельных участков в коллективное пользование индейских общин (эхидо). Хотя этот процесс осуществлялся медленно и не был в достаточной степени эффективным, надежда на получение земли долгое время была одним из главных факторов поддержания стабильности в сельских районах⁶.

Наконец, социальную инертность индейского населения можно было объяснить особенностями мексиканской политической системы, которая путем установления клиентелистских отношений и с помощью чисто бюрократических средств сужала пространство для деятельности независимых организаций, ограничивая ее приемлемыми для себя рамками. В 1970-е годы замедление аграрной реформы и постепенный отказ государства от инвестиций в сельскохозяйственное производство грозили обернуться волнениями среди индейцев и крестьян. Правительства Луиса Эчеверрии Альвареса (1970–1976) и Хосе Лопеса Портильо (1976–1982) неоднократно предпринимали попытки установить контроль над коренным населением, создавая государственные индейские организации. Однако эти меры не приносили желаемого эффекта.

Анализируя происходившие тогда процессы, можно выделить две тесно связанные, но все же различные по своему характеру тенденции. Первая – это радикализация и стремление к независимости организаций, созданных правительством с целью контролировать настроения индейских масс, а вторая – появление низовых крестьянских индейских организаций.

Тенденция к радикализации правительственных индейских организаций представлена, прежде всего, деятельностью Национального совета индейских народов (Consejo Nacional de Pueblos Indígenas – CNPI) и Национального альянса двуязычных индейских специалистов (Alianza Nacional de Profesionistas Indígenas Bilingües A.C. – ANPIBAC)⁷. Параллельно с ними в Герреро, Оахаке, Чьяпасе и других штатах со значительным процентом индейского населения появлялись независимые организации. Среди них – Рабоче-крестьянская студенческая коалиция перешейка (Coalición Obrero Campesina Estudiantil del Istmo – COCEI), Комитет защиты человеческих, культурных и природных ресурсов михе (Comité pro-Defensa de los Recursos Humanos y Culturales Mixe – CODREMI), Союз общинников «Эмилиано Сапата» (Unión de Comuneros Emiliano Zapata – UCEZ), Движение объединения и борьбы трики (Movimiento de

Unificaci3n y Lucha Triqui – MULT) и др. Их основные требования были связаны с решением аграрных проблем, но в борьбе этих крестьянских движений проявилась новая черта – политизация этничности и обращение к этнокультурной индейской идентичности. Таблица 2 дает представление о требованиях некоторых индейских организаций того периода.

На наш взгляд, именно использование этничности и ее политизация наряду с предъявлением социальных требований предопределили относительный успех борьбы индейцев, открыли новые, ранее не учитывавшиеся перспективы для решения их проблем. Во-первых, этничность, безусловно, выступала как фактор консолидации индейских масс. Важно отметить, что политизация этничности происходила на фоне формирования и укрепления единой идентичности различных индейских этнических групп Мексики, основанной на общем чувстве угнетенности. В Пакте Темоайя 1979 г., к примеру, говорилось: «Мы, индейцы, чувствуем себя членами единой цивилизации, несмотря на различие языков и культур»⁸.

Во-вторых, этнический аспект политической активизации индейцев обеспечивал легитимность их борьбы: значительная часть общества поддерживала культурные требования индейских организаций, сочувствовала борьбе этнических меньшинств за свои права и против вековой дискриминации. Во многом это связано с особым, новым подходом к этничности и культуре, характерным для конца XX века. По словам мексиканского исследователя Ф. Эскаланте Гонсальбо, борьба индейцев за сохранение идентичности – это «только одно из проявлений интеллектуальной атмосферы того периода, в которой право на отличие было общепризнанным»⁹. В последней четверти XX в. «взрыв этничности» был общемировым явлением, и индейская активизация в Мексике стала еще одним эпизодом борьбы за культурный плюрализм в мире.

Кроме того, для понимания значения, которое играла политизация этничности в деятельности индейских организаций Мексики, следует учесть, что именно на этнокультурной иден-

Таблица 2
Крупнейшие индейские организации Мексики (1973–1990)

Организация	Этническая принадлежность	Штат, год создания	Требования и цели
COCEI	сапотеки	Оахака, 1973–1974	Борьба за земли, политическая автономия, этнические требования
Quiptic Ta Lecubtesel	тохолабали, цельгали, цоцили и чоли	Чьяпас, 1975	Защита земель индейских общин, улучшение жизненных условий
CODREMI	михе	Оахака, 1979	Защита земель и природных ресурсов, социальные требования
UCEZ	пурепеча	Мичоакан, 1979	Защита интересов крестьян
ODRENASIJ	сапотеки и чинантеки	Оахака, 1980	Защита прав на использование природных ресурсов, защита лесов
MULT	трики	Оахака, 1981	Возвращение земель, захваченных крупными землевладельцами, возвращение к традиционным формам выборов местных органов управления

UCIZONI	михе, соке, сапотеки, миштеки, чинантеки	Оахака, 1985	Решение аграрных проблем индейских общин, признание культурных и политических прав индейцев
SER	михе	Оахака, 1988	Защита прав индейцев, всестороннее развитие и достижение единства народа михе
UNOSJO	сапотеки	Оахака, 1990	Защита общинных земельных владений, природных ресурсов, политических и культурных прав индейцев
CPNAB	науа	Герреро, 1990	Защита земель, автономия

Источники: Acosta Márquez E. Zapotecos del Istmo de Tehuantepec. México, 2007; Weinberg B. Homage to Chiapas: The New Indigenous Struggles in Mexico. New York, 2002; Historia del MULT. –Zárate Vidal M. En busca de la comunidad: identidades recreadas y organización campesina en Michoacán. Zamora, 1998.

тичности основывалось требование индейцами автономии – альтернативной модели социально-экономического развития коренных народов и механизма их политического участия.

Конкретные очертания идея автономии приобрела в середине 1990-х годов в процессе консолидации широкого индейского движения и выработки общей политической платформы. Тогда было разработано два проекта автономий. Первый – проект мультиэтнических автономных регионов (Regiones Autónomas Pluriétnicas – RAP) – предложен индейцами тохолабаль. Согласно этому проекту, различные этнические группы должны были проживать на исторически заселенных ими территориях, подчиняясь региональным органам управления.

Второй проект автономии, разработанный индейцами михе, напротив, был основан на идее о том, что индейскую идентичность лучше всего сохранять внутри местной общины. В этом случае ключевыми элементами для построения альтернативного политического и правового порядка считались традиции и обычное право.

Различия в двух проектах можно объяснить историческим опытом индейцев тохолабаль (Чьяпас) и михе (Оахака). Если индейская борьба в Чьяпасе была в первую очередь направлена против эксплуатации со стороны ладино*, то в Оахаке частыми были конфликты между соседними индейскими общинами. Кроме того, перед лицом общего врага индейцы Чьяпаса исторически находили компромиссы для мультиэтнических альянсов, так как там в 1970-х годах государственные репрессии против крестьянских движений были сильнее, чем в Оахаке¹⁰.

Правительство негативно отреагировало на оба проекта, особенно на проект мультиэтнических региональных автономий, предвещая угрозу сепаратизма и *балканизацию* индейских

* Ладино – прослойка населения в некоторых странах Латинской Америки, включающая главным образом лиц смешанного происхождения, ведущих образ жизни, свойственный белому населению.

регионов. В то же время индейские лидеры утверждали, что самоуправление не предполагает сепаратизма, не угрожает целостности государства, но должно создать условия для политического участия индейцев с учетом их культурных традиций. В декларации Национального индейского конгресса (Congreso Nacional Indígena – CNI) от 1996 г. говорится: «Мы будем защищать нашу автономию и свободу самостоятельно принимать решения о своей судьбе и требуем юридического конституционного признания нашего существования как народов и нашего права на свободное самоопределение, выраженное в автономии в рамках мексиканского государства»¹¹. Эти установки подтверждаются и реальностью десятилетий борьбы: индейские движения не только не стремятся к отделению, но и начали организовываться в континентальном масштабе.

Мощный импульс борьбе за автономии задало восстание Сапатистской армии национального освобождения (Ejército Zapatista de Liberación Nacional – EZLN) 1 января 1994 года. Многие исследователи справедливо отмечают, что первоначально, по крайней мере, в своем первом публичном заявлении – в Декларации Лакандонской сельвы – EZLN не позиционировала себя как этническое движение, но как «революционная армия»¹². По словам Эскаланте Гонсальбо, «в своих первых заявлениях EZLN была герильей марксистского толка, в ее программе и риторике не было ничего индейского»¹³. Впоследствии индейская тема заняла центральное место в риторике и борьбе сапатистов. Интересно проследить, насколько «аутентичной» является EZLN и какова ее социальная база.

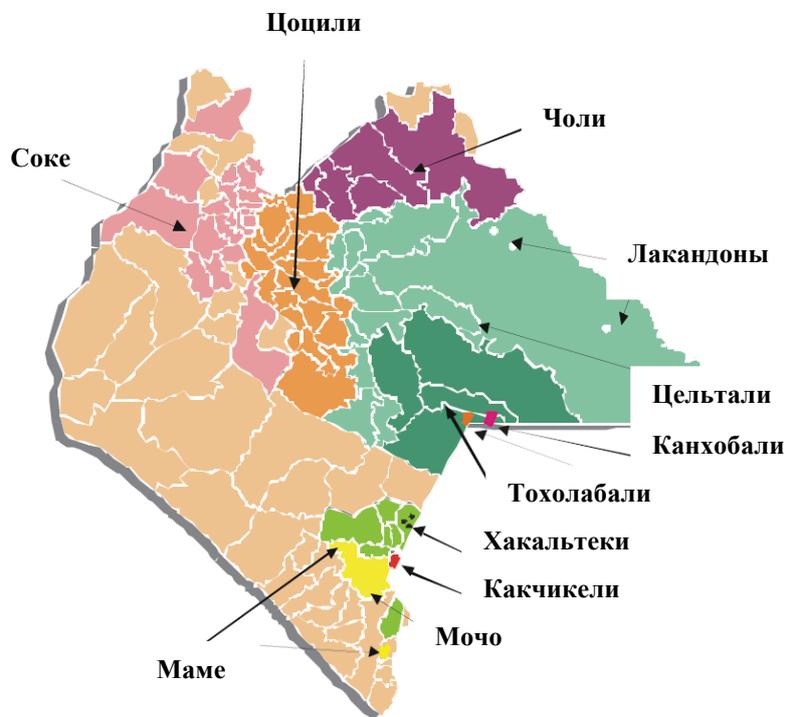
Этот вопрос чрезвычайно важен, так как индейская идентичность герильи с самого начала стала предметом споров в научных кругах. Правительство старалось принизить масштабы и оспорить обоснованность причин восстания, приписывая происходящее иностранному влиянию из Гватемалы и других частей Центральной Америки. Еще одним поводом для дискуссий относительно индейской идентичности EZLN является фигура лидера сапатистов, известного с января 1994 г. как Субкоманданте Маркос. Его личность была установлена мексикан-

скими властями в 1995 г.: им оказался Рафаэль Себастьян Гильен Висенте, метис, представитель среднего класса, бывший преподаватель университета. Это обстоятельство в некоторой степени разрушило иллюзии о низовом, народном характере индейского движения в Чьяпасе. Мексиканский антрополог Артуро Уорман, член правительства президента Карлоса Салинаса де Гортари (1988–1994), утверждал, что события в Чьяпасе не имеют ничего общего с индейским движением и что «это – военно-политический проект, навязанный индейцам и не представляющий их интересы»¹⁴. Однако следует признать, что такая позиция, во-первых, снимала с правительства ответственность за социальные причины восстания и, во-вторых, оправдывала силовую реакцию властей, лишая борьбу сапатистов легитимности и увязывая ее с международным терроризмом.

Сами сапатисты утверждали, что «EZLN – преимущественно индейская организация»¹⁵. Социальную базу герильи составили индейцы цоцили, цельтали, тохолабали, соке и чоли (см. рис. 1)¹⁶. По одним оценкам, в самом начале конфликта партизанская армия насчитала до 5 тыс. чел., по другим – численность сапатистов и их сторонников на удерживаемых территориях достигала 12 тыс. человек. Зона политического влияния сапатистов охватила районы, в которых проживало более 200 тыс. индейцев. По свидетельству исследователя Н. Бармейера, в некоторых общинах жители «единодушно поддерживали EZLN»¹⁷.

Чем можно объяснить такую поддержку сапатистов? Причины для социального негодования в Чьяпасе, безусловно, были. Он с одними из самых низких по стране показателей человеческого развития¹⁸. Признавая это, представители власти объясняли вспыхнувший конфликт тем, что данный регион «характеризуется тяжелой исторической отсталостью, которую не удалось полностью преодолеть, несмотря на большие усилия, предпринимаемые в течение пяти лет действующим правительством»¹⁹.

Рис. 1. Расселение индейских этнических групп Чьяпаса

Исторически одним из основных факторов социальной нестабильности и конфликтности в штате был земельный вопрос. Он еще более обострился – и это следует учесть для понимания значительной поддержки сапатистов населением штата – после 1992 г., когда в рамках подготовки к вступлению в силу Североамериканского соглашения о свободной торговле (North American Free Trade Agreement – НАФТА) правительство осуществило реформу статьи 27 конституции. На основании этой реформы земли, находящиеся в общинном владении индейских общин, теперь могли подлежать купле-продаже и приватизации, что ранее было запрещено. Государство также снимало с себя обязательство по дальнейшему распределению земель. В Чьяпасе после реформы многие из безземельных крестьян лишились надежды на получение хотя бы небольших участков земли²⁰.

Говоря о значении событий в Чьяпасе, известный американский политолог Самюэль Хантингтон отмечал, что восстание EZLN само по себе не было проявлением серьезного сопротивления «североамериканизации», но то «сочувствие, с которым отнеслись мексиканские интеллектуалы, журналисты и другие люди, формирующие общественное мнение, говорит о том, что североамериканизация в целом и НАФТА в частности могут встретить активное неприятие мексиканской элиты и общественности»²¹. Присутствие в зоне конфликта многочисленных активистов и наблюдателей, в том числе международных, не позволяло федеральным войскам вести войну на уничтожение партизан и вытесняло противостояние в политическую плоскость²².

В апреле 1995 г. мексиканский конгресс принял Закон о диалоге, примирении и достойном мире в Чьяпасе²³, среди условий которого были прекращение боевых действий и мирные переговоры. В феврале 1996 г. при президенте Эрнесто Седильо EZLN и федеральные власти подписали Соглашения Сан-Андреса. В соответствии с ними правительство взяло на себя обязательство признать в конституции право индейских народов

на свободное самоопределение, которое должно быть реализовано в рамках автономии, не нарушающей целостности государства и соответствующей нормам конституции²⁴. Однако вскоре EZLN прервала дальнейший диалог, предъявив правительству ряд требований, среди которых: освобождение из тюрем всех заключенных сапатистов, формирование комиссии по контролю над выполнением уже подписанных соглашений, прекращение деятельности полувоенных формирований.

Чем могли быть вызваны такие действия EZLN? Первоначально правительство Седильо демонстрировало политическую волю к мирному разрешению конфликта²⁵, но на протяжении 1995 и 1996 гг. в Чьяпасе наблюдалась эскалация насилия, по большей части со стороны группировок «парамилитарес», таких, как «Мир и справедливость» (*Paz y Justicia*), *Los Chinchulines*, Антисапатистское революционное индейское движение (*Movimiento Indígena Revolucionario Antizapatista – MIRA*). Мексиканский исследователь Г.Кастро Сото утверждал, что с 1996 г. вооруженные столкновения в зоне конфликта все чаще происходили не между федеральными войсками и EZLN, а между «парамилитарес», с одной стороны, и базами поддержки сапатистов, представителями гражданского общества, с другой²⁶. По некоторым данным, «парамилитарес» получали помощь от правительства и вооруженных сил, а их деятельность была частью стратегии войны низкой интенсивности против EZLN, направленной на снижение поддержки сапатистов индейскими общинами региона²⁷. Эту же мысль подтверждает и известный мексиканский антрополог Х.Лопес-и-Ривас²⁸.

В 1998–1999 гг. также возрос уровень милитаризации Чьяпаса: контингент вооруженных сил в зоне конфликта – в 4 из 9 регионов штата – составил, по разным оценкам, от 45 до 70 тыс. солдат²⁹, т.е. почти 1/3 от вооруженных сил Мексики³⁰. В 1996 и 1997 гг. были созданы Аэромобильные группы сил особого назначения (*Grupos Aeromóviles de Fuerzas Especiales – GAFFE*) – элитные боевые единицы, специализирующиеся на противо-

повстанческих операциях и борьбе с наркотрафиком. По словам мексиканских исследователей Х.М.Сандовал Паласиоса, этот проект осуществлялся под контролем США в рамках сближения между военными кругами двух стран³¹.

До окончания президентского мандата Седильо в разрешении конфликта не только не было достигнуто существенных успехов, но и не удалось сойти с мертвой точки и возобновить переговоры, а обязательства, взятые на себя правительством в Сан-Андресе в 1996 г., так и не были выполнены. С момента прекращения диалога на удерживаемых EZLN территориях началось построение сапатистских автономий *de facto*. Так EZLN решила самостоятельно и в одностороннем порядке претворить в жизнь положения Соглашений Сан-Андреса, создавая т.н. «автономные муниципалитеты».

С 2000 г., когда к власти пришла оппозиционная Партия Национальное действие (Partido Acción Nacional – PAN), правительство только однажды попыталось выполнить обещания, данные индейцам в 1996 году. Но принятый в 2001 г. Закон о правах и культуре индейских народов, в котором должны были отразиться положения Соглашений Сан-Андреса, вызвал недовольство большинства индейских организаций страны, так как существенно искажал суть заключенных договоренностей.

EZLN тогда разорвала отношения с партийным истеблишментом и сосредоточилась на реализации собственного политического проекта, в котором сегодня можно выделить две тенденции. Первая носит локальный характер и направлена на решение проблем индейских общин в зоне влияния сапатистов. Вторая ориентирована на укрепление связей EZLN с мексиканскими и международными антиглобалистскими движениями. Исследователи отмечают, что в некоторых регионах штата EZLN власти штата и федеральные власти фактически соперничают в решении социальных проблем, в первую очередь в области здравоохранения и образования. При этом ситуация с образованием, по некоторым данным, демонстрирует существенные улучшения в муниципалитетах и регионах, контро-

руемых сапатистами³². В рамках второго направления деятельности в сентябре 2008 г. сапатисты провели в Мехико и г. Сан-Кристобаль-де-Лас-Касас Международный фестиваль достойного гнева.

Альтернативой автономным муниципалитетам EZLN являются мультиэтнические автономные регионы. В начале 2000-х годов в Чьяпасе насчитывалось шесть таких регионов, которые, по сути, являются координационными центрами индейских, крестьянских социальных и политических организаций, борющихся за автономию. RAP, как и сапатистские муниципалитеты, стремятся к независимости от правительства, но при этом признают партийную систему. Тот факт, что RAP принимают правительственную помощь, вызывает неприятие сапатистов, однако конфронтации между ними нет³³.

Движение за индейские автономии также сильно в Оахаке, где с 1995 г. действует закон, разрешающий индейским муниципалитетам проводить выборы местных властей на основе традиционных индейских практик и без участия политических партий³⁴. Эта реформа стала важным шагом на пути признания прав индейцев на автономию. Кроме того, в 2003 г. в Оахаке была создана первая «индейская» партия – Партия народного единства (Partido de Unidad Popular – PUP).

Таким образом, начавшаяся с 1970-х годов политическая активизация индейцев в Мексике имела в своей основе борьбу за решение аграрных проблем, актуальных для подавляющего большинства коренного населения. Одним из инструментов консолидации индейских масс и легитимации их сопротивления стала политизация этничности, однако нельзя говорить об исключительно утилитарном и функциональном ее значении. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что признание этнических и культурных прав коренных народов стало самостоятельной, если не главной, целью многих индейских организаций. В программах большинства из них центральное место заняла концепция автономии, которая рассматривается как инструмент, во-первых, защиты прав индейцев на заселенные

земли, а во-вторых, политического участия с учетом культурных особенностей.

Правительство пока не готово признать право индейцев на автономии, и, учитывая сложность и относительную новизну проблемы, мы полагаем, что ее решение в скором будущем маловероятно. Формирование автономных регионов может создать трудности для развития государства по неолиберальному пути, в частности для осуществления таких мегапроектов, как План Пуэбла–Панама (Plan Puebla Panamá – PPP), или Проект Месоамерика, цель которого – развитие и интеграция девяти южных штатов Мексики, Центральной Америки и Колумбии путем строительства и модернизации инфраструктуры (авто-трасс, аэропортов, морских портов, электростанций и т.п.) и стимулирование торговых отношений в регионе.

Нынешний президент Фелипе Кальдерон, пришедший к власти на выборах 2006 г., в своем первом президентском докладе отметил, что «признание культурного разнообразия и борьба с социальной отсталостью индейских народов и общин являются одной из важнейших задач государственной политики и важным условием для гармоничного развития Мексики»³⁵. В качестве главного инструмента решения проблем индейцев рассматривались финансовые вливания и строительство инфраструктуры в индейских регионах с целью удовлетворения основных потребностей их населения. Одновременно правительство утверждает, что разрешение конфликта в Чьяпасе не является обязательным условием для преодоления нищеты индейского населения и не проявляет интереса к диалогу с EZLN³⁶.

Волна насилия, захлестнувшая Мексику в последние годы в связи с активизацией наркомафии, неизбежно отодвигает индейский вопрос на второй план. Вместе с тем многие индейские организации собственными силами пытаются реализовать свои инициативы, и отказ правительства от диалога с ними в будущем может привести к ослаблению контроля государства над целыми регионами и обострению этнических противоречий в обществе. Выходом из этой ситуации должен стать конструк-

тивный диалог на принципах культурного плюрализма и с учетом опыта других стран Латинской Америки и мира.

* * *

¹ Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos. Constitución publicada en el Diario Oficial de la Federación el 5 de febrero de 1917, p. 1. – <http://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/1.pdf>

² Partida Bush V. CONAPO. Proyecciones de indígenas de México y de las entidades federativas, 2000–2010. México, 2005, p. 44.

³ См.: Stavenhagen R. Un mundo en el que caben muchos mundos: el reto de la globalización. – Gutiérrez Martínez D., Balslev H. (coords.). Revisar la etnicidad: Miradas cruzadas en torno a la diversidad. México, 1998.

⁴ Термин «этноцид» предложен французским антропологом Р. Жолином в 1970 г. для обозначения политики, ведущей к уничтожению этнической или национальной идентичности коренных народов.

⁵ Fabila A. Las tribus yaquis de Sonora. Su cultura y anhelada autodeterminación. México, 1940, p. 150.

⁶ На протяжении XX в. сельское хозяйство играло важную роль в мексиканской экономике: в период 1930–1960 гг. площадь возделываемых земель увеличилась с 14,5 до 23,8 млн. га, т.е. на 64%, а численность экономически активного населения (ЭАН), занятого в сельском хозяйстве, выросла с 3,6 млн. человек в 1930 до 6,1 млн. в 1960 г., т.е. на 70%. Эта тенденция также была фактором поддержания стабильности в селе. – Подробнее см.: Agrarian Problems and Peasant Movements in Latin America. Ed. by Stavenhagen R. New York, 1970, p. 242.

⁷ CNPI был создан при президенте Эчеверрии как структурное подразделение Национальной крестьянской конфедерации (Confederación Nacional Campesina. – CNC), близкой к правившей тогда Институционно-революционной партии (Partido Revolucionario Institucional. – PRI). ANPIBAC – возникший в 1977 г. профсоюз учителей-индейцев, получивших образование в индихенистских учреждениях. В их задачи входили аккультурация и модернизация их родных общин.

⁸ Pacto del Valle Matlazinca Temoaya. Estado de México, 8 de julio de 1979. – http://www.iidh.ed.cr/comunidades/diversidades/docs/div_docpublicaciones/Derecho%20Indigena/Cap.%206.%20Apendice.pdf

- ⁹ См.: Escalante Gonzalbo F. La transición al indigenismo del EZLN. – Tribuna Americana, 2004, № 4.
- ¹⁰ Mattiace S. Indian Autonomy in Mexico: Alternative Nationalisms and the Politics of Difference. – Meeting of the Latin American Studies Association. Chicago, 1998, p. 11.
- ¹¹ Declaración «Nunca más un México sin nosotros» del Congreso Nacional Indígena. 11 de octubre de 1996. – <http://www.toltecayotl.org/>
- ¹² См.: López Oropeza M. Zapatismo en México y la CONAIE en Ecuador: convergencias y divergencias de dos modelos de resistencia contrahegemónica-étnica. – Nómadas. Revista Crítica de Ciencias Sociales y Jurídicas, № 27, 2010; Escalante Gonzalbo F. Op. cit.
- ¹³ См.: Escalante Gonzalbo F. Op. cit.
- ¹⁴ Warman. A. Chiapas hoy. – La Jornada. México, 16.I.1994.
- ¹⁵ Ejército Zapatista de Liberación Nacional, Monsiváis C., Poniatowska E. EZLN: documentos y comunicados. La Marcha del Color de la Tierra. México, 2003, p. 85.
- ¹⁶ Ronfeldt D., Arquilla J. Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy. Santa Monica, 2001, p. 174.
- ¹⁷ Barmeyer N. The Guerrilla Movement as a Project: An Assessment of Community Involvement in the EZLN. – Latin American Perspectives, 2003, p. 122.
- ¹⁸ Índice de desarrollo humano municipal en México. México, 2004. – <http://www.undp.org.mx/desarrollohumano/eventos/images/CuadernilloIDHMM.pdf>
- ¹⁹ Volpi J. La guerra y las palabras. Una historia intelectual de 1994. México, 2004, p. 221.
- ²⁰ Латинская Америка: испытания демократии. Часть 1. Отв. ред. Чумакова М.Л. М., 2009, с. 245.
- ²¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003, с. 230.
- ²² Activistas НПО сужали пространство для вооруженной борьбы, предъявляя обеим сторонам конфликта такие требования, как соблюдение прав человека, прекращение огня и вывод войск из Чьяпаса, мирные переговоры, свобода информации, уважение к деятельности НПО и свободный доступ в зону конфликта для мониторинга ситуации.
- ²³ Ley para el Diálogo, la Conciliación y la Paz Digna en Chiapas. Nueva Ley publicada en el Diario Oficial de la Federación el 11 de marzo de 1995. – <http://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/>

²⁴ Los Acuerdos de San-Andrés. Gobierno del Estado de Chiapas, 2003, p. 26–27.

²⁵ Среди действий правительства в период с декабря 1994 по февраль 1995 г., свидетельствующих о политической воле к решению конфликта мирным путем, можно выделить: несколько попыток установить диалог с EZLN, попытку начать распределение земель в штате, одностороннее прекращение огня, создание комиссии для диалога и посредничества, присутствие «Красного креста» в зоне конфликта.

²⁶ Castro Soto G. Las etapas de la militarización en Chiapas y sus consecuencias. San Cristóbal de las Casas, 1997. – <http://www.otromundoschiapas.org/analisis/LAETENCI.pdf>

²⁷ El ejército entrenó a paramilitares en Chiapas. SISPE. 20 de agosto de 2009. – <http://www.sipse.com/noticias/9669--ejercito-entreno-paramilitares-chiapas.html>

²⁸ Лопес-и-Ривас утверждает, что те миссии, в которых федеральные войска не могут участвовать открыто, государство поручает отрядам парамилитарес, но при этом оно не признает их существование как элемента монополии на узаконенное государственное насилие. – López y Rivas G. Paramilitarismo e insurgencia en México. – Memoria, № 133. México, 1999, p. 2.

²⁹ См.: Pau Pérez S., Santiago C., Álvarez R. Ahora apuestan al cansancio. Chiapas: fundamentos psicológicos de una guerra contemporánea. México: Grupo de Acción Comunitaria – Centro de Derechos Humanos «Miguel Agustín Pro Juárez», A.C. 2002. – http://www.psicosocial.net/es/centro-de-documentacion/doc_view/132-ahora-apuestan-al-cansancio-chiapas-fundamentos-psicologicos-de-una-guerra-contemporanea?tmpl=component&format=raw

³⁰ Численность вооруженных сил в 1995 г. составляла 225 тыс. человек. – Benítez Manaut R. Las fuerzas armadas mexicanas a fin del siglo. – Fuerzas Armadas y Sociedad, año 15, № 1, 2000, p. 16.

³¹ Sandoval Palacios J.M. Militarización, seguridad nacional y seguridad pública en México. – Espiral, Estudios sobre Estado y Sociedad. Vol. VI, № 18, 2000, p. 199.

³² Carrasco Vargas T., Benítez Manaut R., Rodríguez Luna A. Chiapas: Negociaciones de punto muerto y gobernabilidad político social. – Facultad de trabajo social. Vol. 23, № 23. Medellín, 2007, p. 32.

³³ См.: Pau Pérez S., Santiago C., Álvarez R. Op. cit.

³⁴ См.: подробнее Código de instituciones políticas y procedimientos electorales de Oaxaca (CIPPEO), p. 48. – http://americo.usal.es/oir/legislatura/leyesestados/Mexico/Cd_Elec_Oaxaca.pdf

³⁵ Primer Informe de Gobierno, Presidente Felipe Calderón Hinojosa. – <http://primer.informe.gob.mx>

³⁶ Tejeda A.G. Para el gobierno, el EZLN dejó de ser interlocutor. – La Jornada, 2.IV.2007.

ГВАТЕМАЛА: РАСКОЛОТОЕ ОБЩЕСТВО В ЭТНИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Одной из характерных черт сегодняшней Гватемалы является глубокий этнокультурный «раскол» общества, который усиливается не только историческими и демографическими, но и социально-экономическими причинами.

Этнический состав гватемальского государства отличается крайней пестротой. Хотя на долю коренного населения приходится около 40% всех жителей страны, они не являются этнически однородной общностью¹. Большая часть из 22 этносов, проживающих в стране, относится к индейским народам майя. Наиболее многочисленными из них остаются представители группы киче. Она составляет около 11,7% населения (1270 тыс.чел.). За ними следуют общности кекчи – 7,6% (850 тыс.чел.), какчикель – 7,4% (830 тыс. чел.) и мам – 5,5% (620 тыс. чел.). Остальные майяские группы не превышают 1,5%. Также в Гватемале проживают немайяские племена – афро-карибов гарифуна – 5 тыс. чел. и шинка – 16 тыс. человек².

На непростые отношения между коренным населением и остальными социальными группами повлиял вооруженный конфликт в Гватемале (1960–1996). В ходе его жители индейских районов страны оказались наиболее уязвимой частью общества, постоянно подвергавшейся насилию со стороны военных. За время вооруженного конфликта, по данным Межамериканской комиссии по правам человека, погибло свыше 200 тыс. человек, из них большая часть (83%) – представители майяских общностей. Как отмечали обозреватели, деятельность военизированных формирований в сельских районах Гватемалы сводилась к насильственному перемещению индейского населения, подозреваемого в пособничестве партизанским отрядам Гватемальского национального революционного единства (УРНГ)³. Наиболее пострадавшими районами были Киче,

Уэтенанго, Чимальтенанго, Верхний и Нижний Верапас, а также южное побережье и столица страны – Гватемала.

Постоянное противостояние индейского населения представителям гватемальского истеблишмента послужило отправной точкой для политической мобилизации коренных народов. Общинная элита стала предпринимать попытки создания панмайяской идеологии. Будущее майя, по их мнению, должно формироваться в рамках альтернативной модели развития, в основу которой были бы заложены традиции автохтонных этносов. Отчасти это стало возможно благодаря концепции «этноразвития», предложенной индихенистами «новой волны» в 70-х годах XX века. Так, получили свое оформление «права майя», включившие право на собственную культуру и язык, справедливое распределение земель, общинную собственность, на территории традиционного расселения, бережное отношение к природе и многое другое.

После подписания мирного договора в 1996 г. гватемальское правительство признало за государством полиэтнический и поликультурный статус. Согласно основному закону страны, объявлялась защита всех майяских общностей. За коренными народами были закреплены права на собственную языковую и культурную самобытность (ст.66-70)⁴. Немаловажным фактом юридического признания коренного населения стала ратификация 5 июня 1996 г. правительством страны Конвенции МОТ №169 по правам коренных народов и народов, ведущих полуплеменной образ жизни в независимых государствах. Однако чтобы отстаивать свои требования в диалоге с административными структурами было необходимо консолидировать потенциал индейских организаций.

Достаточно окрепшие к моменту подписания мирных соглашений, они в то же время столкнулись с трудностями формирования единой позиции⁵. Основным препятствием на пути у индейских лидеров стал этнолингвистический раскол в майяской общности. Внутри нее языковедами выделяется три под-

семьи – уастекская, юкатекская и ядерно-майяская^{*}, которая в свою очередь распадается на западную и киче-мамскую (восточную) надветви. Основной внутримайяский разрыв проходит между западными и восточными майя. К последней группе относятся: киче, кекчи, какчикель, мам, покомчи, покомам, ачи, ишиль, цутухиль, сакапультеки, сипакапа, успантеки и текитеки. Их совокупная численность около 4050 тыс. человек. Представители западной группы менее многочисленны, племена канхобаль, чух, хакальтеки, акатеки и чорти составляют лишь около 350 тыс. человек. Уровень понимания между носителями различных индейских языков может варьироваться, однако, как правило, остается традиционно низким, как и между представителями одной языковой надветви (киче и мам). Кроме того, историческая память о давней вражде между различными ветвями майяской общности осложняет процесс консолидации коренного населения.

Объединение племен майя проходило первоначально в общественно-культурной сфере. Его инициаторами выступили восточные майя, среди которых выделялись киче. Этот процесс был ускорен мобилизацией автохтонных жителей в годы гражданской войны. Так, более мелкие индейские организации в 1986 г. объединились в Академию майяских языков Гватемалы (АМЛГ). Целями данного альянса стали продвижение культуры и языков коренных народов, а также стандартизация майяской письменности. Подобные индианистские инициативы способствовали сокращению неграмотности среди туземных этносов и были направлены на сближение их представителей.

Среди неправительственных организаций (НПО) выделилось и созданное в 1992 г. британским волонтерами во главе со С. Даденхофером (США) и общинными лидерами майя объединение Ак' Тенамит (в переводе с кекчи – «новая деревня»).

^{*} Устоявшийся лингвистический термин. См. подробнее: Ершова Г.Г. Майя киче языки. – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990, с. 278–279.

Группа единомышленников поставила перед собой цель улучшить условия жизни в общинах народа кекчи, расположенных в сельве на востоке Гватемалы⁶. Сотрудники Ак' Тенамит проводили работу с жителями многих майяских деревень, в которых отсутствовали электроэнергия и проточная вода.

Организация действовала по нескольким направлениям. В частности, к ним относились предоставление необходимого медицинского обслуживания на территории 35 майяских деревень кекчи с населением свыше 6 тыс. человек⁷. Для этих целей на постоянной основе стали привлекаться волонтеры. Кроме того, их деятельность позволила жителям индейских деревень наладить сбыт предметов народного промысла и тем самым немного улучшить свое бедственное положение. Все это повысило интерес к собственной культуре и среди представителей коренного населения.

Позднее, по инициативе лидеров киче в 2003 г. был образован Союз майяских ассоциаций Ахб' атц' (Association Ajb'Atz' Enlace Quiche). Его первоначальной целью стало увеличение помощи коренному населению путем участия в американской программе USAID. Еще до создания данного альянса его участники совместно с Министерством образования основали первый Образовательный центр межкультурных двуязычных технологий (СЕТЕВИ). На его курсах учителей из индейских общин обучали современным методам преподавания с использованием мультимедиа программ. Кроме того, были выпущены дидактические материалы на майяских языках киче и ишилль. На этом сотрудники Ахб' атц' не остановились. Проект получил дополнительное финансирование, и в последующие годы преподаватели киче продолжили открывать новые центры обучения, в которых велось преподавание на шести индейских языках.

После прекращения финансирования активисты проекта создали частную инициативную группу, которая продолжила дальнейшую образовательную работу⁸. Ее главой стала гватемальская правозащитница К. Перес Медрано. Основная цель — успешное применение информационных технологий в процессе

обучения коренного населения. По мнению авторов данного проекта, это необходимо для дальнейшего развития и продвижения майяской культуры. В целом основные программные моменты данного объединения сводились к всестороннему изучению традиций и языков майяских народов и их популяризации⁹.

Несомненно, важную роль в движении панмайянизма сыграли организация «Новый рассвет» (она же – Координационный центр майя Махауиль К'ухиль-Coordinacion Maya Majawil Q'ujil) и Фонд Ригоберты Менчу Тум. Помимо поддержания и возрождения индейских обрядов, они также пропагандировали участие коренных народов в политике как на местном, так и на национальном уровнях. Также в русле данных инициатив действовали Совет гватемальских майяских организаций, Координация майяского единства и согласия, Майяский совет Тукум Умам, следившие за неукоснительным соблюдением мирных соглашений 1996 года. Темпы их реализации были крайне замедлены. Возвращение коренного населения в районы традиционного проживания для восстановления разрушенных деревень тормозилось из-за сопротивления формально распущенных патрулей гражданской обороны. Во многом это объяснялось более скромными масштабами демилитаризации государства в Гватемале, которые отставали от соседних Сальвадора и Никарагуа. Кроме того, одной из причин активизации коренного населения стала проблема дискриминации в гватемальском обществе. Согласно опросам социологического агентства Латинобарометро, около 25% граждан страны относили себя к дискриминируемым социальным группам¹⁰.

Благодаря подобным начинаниям были значительно сближены позиции представителей западных и восточных майяских общностей. Не менее важным результатом стало вовлечение коренного населения в политическую жизнь страны. Хотя уровень их политической культуры повысился, абсентеизм у майяских этносов был все же значительно выше, чем среди остальных жителей. Впервые в истории Гватемалы в 2007 г. в электоральном цикле приняло участие индейское политическое дви-

жение Винак (Wihaq) во главе с нобелевским лауреатом Р. Менчу Тум. Известная правозащитница киче Менчу Тум объединилась с предпринимателем Л. Ф. Монтенегро¹¹. Ее поддерживали около 10,3% населения. Однако незадолго до выборов она сняла свою кандидатуру на пост главы государства. Что же касается коалиции «Винак – Встреча за Гватемалу», то ей на парламентских выборах досталось лишь 4 места в конгрессе страны. Представителями фракции стали А. Санчес Гомес, Р. Гарсиа, Н. Монтенегро и О. Лукс¹². В настоящее время Менчу Тум прилагает все усилия, чтобы трансформировать «Винак» в самостоятельную политическую партию. Примечательно, что данная фракция, выступавшая в защиту прав коренного населения страны, не отвергала идей межкультурной коммуникации. Показателен также и логотип данного объединения. На нем был изображен красный круг с четырьмя зелеными точками, что символизировало идущих вместе майя, гарифуна, шинка и ладино¹³.

Вовлечение представителей коренного населения в политическую жизнь страны благотворно сказалось на интеграции индейских этносов в гватемальское общество. Это создало площадку для дискуссий между майя и остальными социальными группами. Однако низкая явка на выборы показывает, что интересы автохтонного населения все еще не представлены политическими силами. Тем не менее с момента избрания в 1995 г. на пост мэра Кетцальтенанго (второй по численности город Гватемалы) кандидата майя коренные жители неоднократно становились главами различных муниципалитетов. Это способствует постепенному преодолению многолетней изоляции индейцев, когда их деятельность была сведена лишь к локальному общинному самоуправлению. Об этом свидетельствовал опыт Ассоциации алькальдов и индейских руководителей Гватемалы (AGAAI, осн. в 1996 г. в Индейской управлении муниципии Солола). Ее создание было вызвано потребностью в форуме для обмена опытом между активистами коренного населения. Таким образом, представители AGAAI стремятся

проанализировать возможные варианты усиления индейской автономии в границах отдельных муниципий.

По мнению ее сторонников, рост индейцев в институтах власти со временем укрепит позиции Ассоциации. Также ожидается, что данная тенденция будет продолжена и в дальнейшей политической практике объединения. В настоящее время AGAAI проводит обмен мнениями не только на национальном, но и на региональном уровнях. В своей деятельности индейские алькальды опираются как на мирный договор, так и на местные нормативные акты. Среди них – Муниципальный кодекс, общий закон о децентрализации, закон о советах по развитию городских и сельских территорий. В целом деятельность Ассоциации затронула многие вопросы быта коренного населения, что позволило им высказывать свое мнение на местах.

Стоит отметить, что в задачи ассоциации вошли стимулирование автономии и развития индейских муниципий, а также поиск альтернативных моделей оптимизации собственной эффективности как в административных вопросах, так и в сфере обслуживания. Стратегия данного объединения была сведена к усилению партисипативной демократии с учетом мультиэтнических и поликультурных особенностей страны. Для этого, по мнению сторонников Ассоциации, необходимо было внедрять представителей коренных этносов в муниципальные структуры.

Несмотря на положительные сдвиги в национальной политике, представители индейского населения Гватемалы стали охотнее участвовать в протестных акциях, если затронуты их интересы, не останавливаясь перед блокированием транспортных артерий и захватом земельных угодий. Хотя, по данным агентства Америкас Барометро, лишь 8,6% гватемальцев за последний (2010) год принимали участие в протестных акциях¹⁴. Социальная поляризация, характерная для городского населения, была менее заметна в сельских районах, где проживало большинство индейцев (около 52%)¹⁵. По статистике ООН, 90% сельского населения все еще проживает в бедности, из них 69% испытывает крайнюю нужду¹⁶. Кроме того, на мобилиза-

цию майяского населения влияет состояние здравоохранения. Оно усугубляется ухудшением экологической ситуации и тяжелыми условиями труда¹⁷. На здоровье индейских жителей сказывается и отсутствие во многих районах страны практикующих врачей. Почти 80% все медицинских работников проживает в столичном регионе¹⁸. Их обязанности на местах выполняют волонтеры и младший медицинский персонал.

В то же время коммуникации между коренными общинами остались затрудненными ввиду их дисперсного расселения. Артикуляцию социальных и этнокультурных требований осложняет языковой барьер. Представители коренного населения остаются наиболее бесправной частью общества. В Гватемале, где до суда доходит лишь 2–4% уголовных дел, фиксируются частые нарушения прав коренного населения, особенно в административных и земельных вопросах¹⁹.

Недовольство низким социальным статусом, незащищенностью и отсутствием политического представительства в административных структурах стало возрастать в начале XXI века. Не последнюю роль в активизации индейского населения Гватемалы сыграл опыт движения коренных народов в андском субрегионе. Так, приход к власти Э. Моралеса в Боливии послужил стимулом к участию индейского кандидата на пост главы государства в предвыборной кампании 2007 года²⁰. Индейские организации с 2006 г. отошли от традиционной поддержки левых партий. Тогда же наметилась тенденция к автономной позиции альянсов коренного населения, в частности в вопросах политического участия. В 2007 г. Менчу Тум вступила в диалог с представителями левых фракций, которые предложили ее на пост главы государства²¹. В том же году визит боливийского лидера Моралеса в Гватемалу и его переговоры с президентом О. Берже (2004–2007) были восприняты коренными общностями как знак надежды на существенные перемены во внутренней политике.

Вместе с тем партия Менчу проиграла голоса избирателей в индейских районах страны А. Колому – кандидату от левоцентристского «Национального единства надежды» (УНЕ). В

качестве своей электоральной базы Колом выбрал гватемальскую периферию – традиционную базу движения «Винак». Его успех среди майя был обусловлен в значительной степени апелляцией к интересам коренного населения, а также популярностью кандидата от УНЕ у общинников. Он заслужил большое уважение индейских старейшин, которые в 1996 г. назвали его «посредником» между западным миром и автохтонными жителями.

Приход к власти 14 января 2008 г. лидера УНЕ А. Колома прервал полувековую традицию доминирования в гватемальской политике правых партий и ознаменовал курс на ликвидацию последствий 36-летнего вооруженного конфликта. Хотя само содержание политической программы не устраивало бывших союзников Колома из числа левых и индейских организаций и профсоюзов, ее главный упор был сделан на постепенное обновление государства и общества. Восприимчивость президентской команды к новым идеям привела к созданию Совета социального сплочения, который должен был способствовать преодолению раскола общества. Для интеграции майяских групп в современный социум администрация Колома стала предпринимать ряд шагов, которые касались проблем культуры и образования²². Совместными усилиями был разработан проект Университета Майя, который получил статус государственного высшего учебного заведения. По мнению авторов проекта, в учебном процессе должны участвовать преподаватели и ученые майя, а местом его расположения стал департамент Киче²³. Также местные власти стали реализовывать проекты по улучшению инфраструктуры в ряде индейских селений (Покохиль, Чихтинимит).

В 2009 г. во время визита в западные индейские департаменты А. Колом попросил прощения за действия властей у семей погибших во время затяжного вооруженного конфликта. Помимо этого, он вручил 196 пострадавшим денежную компенсацию в размере более 3 тыс. долларов. Колом подчеркнул, что «денежное возмещение – это лишь малая часть, потому что не забыта ни одна жертва трагедии». В рамках национальной

программы в том же году получателями данной финансовой помощи стало свыше 3 тыс. человек из разных регионов страны²⁴.

Празднования Международного дня коренных народов – 9 августа органично вписались в политическую палитру гватемальского общества, во время которых индейские этносы отправляют церемонии своих предков. Помимо туземных жителей, в них участвуют активисты НПО, курирующие форумы по насущным проблемам автохтонного населения. В 2010 г. к одной из таких встреч, по инициативе Совета майяских организаций Сакатепекеса, присоединились общинные старейшины департаментов Верхний Верапас, Кетцальтенанго и Киче. На форуме также присутствовали уполномоченные из Министерства культуры и спорта и Министерства образования. По словам координатора С. Сатика, «именно на таких мероприятиях коренные жители получают возможность обратиться к местной и национальной администрациям»²⁵

В то же время другой праздник – 12 октября – День открытия Америки – все еще остро воспринимается коренным населением Гватемалы. Его празднование стало сопровождаться стычками крестьянских активистов, пикетирующих административные здания с городскими жителями. Социальные движения осознали тот факт, что подобные даты вызывают общественный резонанс: день Колумба превратился в средство привлечения внимания к нуждам индейских крестьян. В 2009 г. Национальный координационный центр индейцев и крестьян Гватемалы (КОНИК) мобилизовал свыше 20 тыс. человек, чтобы обратиться к правительственным чиновникам с требованием выполнения достигнутых договоренностей с майяскими общинами. В основном это касалось решения конфликтных ситуаций, связанных с земельными участками²⁶.

В декабре 2010 г. президент Колом получил от лидеров майя, шинка и гарифуна совместно подготовленную декларацию. В ней индейские старейшины подробно изложили свою точку зрения на климатические изменения, высказав ряд рекомендаций, как можно ослабить их воздействие на флору и фау-

ну²⁷. Один из индейских активистов, С. Перес, призвал власти «прислушаться к окружающей среде», справедливо отметив, что изменения климата – это плата за разрушительную деятельность человека. На основе данной декларации между Координационным центром по предотвращению катастроф и различными индейскими лидерами было достигнуто соглашение о формировании соответствующей структуры²⁸. Кроме того, участники индейских организаций представили правительству Гватемалы собственную социально-экологическую повестку, согласно которой современное общество должно жить в гармонии с окружающей средой. Она затрагивала такие темы, как представление майя о мире, вопрос о реформе государства и вызовах современному обществу. Координатор организации Охлахух Ахпоп Ф. Гомес отметил, что данная стратегия нашла бы эффективное применение в сфере защиты биоразнообразия Гватемалы. В декабре 2010 г. документ был обнародован на церемонии майя на святилище Каминал Хьюу в присутствии чиновников Министерства окружающей среды и природных ресурсов (MARN)²⁹.

Удручающее состояние общественной безопасности и высокий уровень организованной преступности не могли не сказаться на положении коренного населения. Проблему общественной безопасности затронул вице-президент Национального совета старейшин майя, шинка и гарифуна (Ишим Улев – Ixim Ulew) Д. Коти на встрече с президентом А. Коломом 11 ноября 2010 года в г. Чичастенанго³⁰. Согласно данным социологических опросов, 35% жителей назвали ее решение задачей номер один для руководства страны³¹. При этом 77% опрошенных высказали мнение, что проблема криминалитета все больше усугубляется, и лишь 22% гватемальцев поддерживали действия властей в области безопасности³². Согласно данным Прокуратуры по правам человека (ППЧ – PDH), в начале 2011 г., по крайней мере, на 140 из 333 муниципальных участках были отмечены случаи насилия. Правозащитники заявили, что данные нарушения наблюдались в 42,04% муниципий. Только в январе текущего года в Гватемале произошло около 500 убийств, сре-

ди жертв были сотрудник Высшего избирательного трибунала (ВИТ – TSE) и экс-депутат парламента. Как справедливо отметил директор департамента прокуратуры по управлению и предотвращению конфликтов Р. Йок, в случае дальнейшей эскалации актов насилия они могут затронуть 18 из 22 департаментов страны, население которых составляет 6,24 млн. человек³³.

В начале 2011 г. на встрече в святилище Гумарках в департаменте Киче индейские лидеры представили общественности собственные предложения по вопросам безопасности и правосудия. Они были направлены президенту, а также председателю Конгресса и руководителю Высшего трибунала. Как справедливо заявил глава Национального совета майя, шинка и гарифуна Т. Кальво Матео, в истории страны это первый случай, когда они обратились к трем ветвям власти³⁴. Индейские представители выступили также с инициативой адаптировать правовую систему майяских общностей к существующему законодательству. Они передали главе Верховного суда Л. Арчилье документ, в котором детально изложены 60 случаев эффективного применения юридических норм майяского правосудия. По мнению старейшин, преступников следует использовать на общинных работах или в любой другой форме деятельности, чтобы возместить нанесенный ими ущерб. Как отметил активист Ишим Улев Х. Макарио на недавней встрече индейских властей в департаменте Киче, майяская система правосудия основана на возмещении и отработке ущерба, а не на тюремном заключении.

Помимо этого, А. Колому, а также министру образования Д. Алонсо был представлен проект модели образования, предложенный народами майя. Он состоял из шести томов, в которых отражены космогония и нумерология древних майя. На этой дискуссии также присутствовали главы судебной и законодательной ветвей власти, а также Министерства культуры и спорта. Предложенная индейскими организациями модель образования предполагает, что все без исключения гватемальцы обязаны знать историю майяской культуры, традиции и умения

коренного населения. По распоряжению президента, в ближайшее время в одном из департаментов должен стартовать пилотный проект этой образовательной программы³⁵. Кроме того, по инициативе Министерства культуры и спорта были предприняты усилия обучить майяскую молодежь Сучитепеке-са языку киче. Данное начинание затронуло жителей муниципий Сан-Пабло Хокопилас, Сунилито, Самайяк, Сан-Бернардо и Масатенанго. Как отметил пресс-атташе Академии майяских языков Р. Санчес, это должно возродить интерес к культуре коренного населения.

В то же время в адрес правительства Колома слышится критика со стороны отдельных групп коренного населения. Так активисты общности гарифуна утверждали, что они не задействованы в политической жизни. В качестве примера они назвали президентскую Комиссию по противодействию расизму (создана в 2006 г.), отмечая, что ее работники не учли индейские общины в муниципии Ливингстон, в департаменте Исабаль. Общинные лидеры заявили, что власти урезали финансирование программы сохранения культуры гарифуна. По данным правозащитника общности М. Эллингтона, бюджет, отведенный для этих целей был сокращен вдвое с 125 тыс. долларов (2010) до 62, 5 тыс. в 2011 году. Кроме того, майя, шинка и гарфуна обратились к правительству с требованиями соблюдения их прав и предотвращения дальнейших случаев расизма и социальной дискриминации.

В начале XXI в. коренное население Гватемалы стало уделять больше внимания своему политическому участию. Во многом это произошло благодаря деятельности организации «Новый рассвет» и Фонду Ригоберты Менчу Тум. В то же время уровень абсентеизма индейских избирателей в электоральных процессах все еще остается высоким. Выработке единой стратегии коренным народам традиционно мешает этнокультурный и языковой раскол внутри майяской общности. Низкий уровень политической мобилизации объясняется тем, что большинство индейских объединений сформировано для защиты и сохранения лишь своей культуры, что ставит под сомне-

ние возможность действовать единым фронтом. Низкие темпы реализации мирных соглашений 1996 г. также усложняли деятельность индейских альянсов. В то же время команда Колома предпринимает ряд шагов по нормализации отношений с майяскими общинами и преодолению социальной фрагментации. Однако отсутствие зримых результатов в «индейском вопросе» побуждает коренные этносы выступать с критикой действующей администрации. В силу вышеизложенных причин этнокультурный «раскол» гватемальской нации в ближнесрочной перспективе вряд ли будет преодолен.

* * *

¹ CIA. The World Factbook. Guatemala. 2010. – <<https://www.cia.gov/guatemala>>

² Гватемала. – <<http://ru.wikipedia.org/wiki/>>

³ Guatemala: Memory of Silence. Report of the Comission for Historical Clarification. Conclusions and Recommendations. – <<http://shr.aaas.org/guatemala/ceh/report/english/toc.html>>

⁴ Constitucion Politica de la Republica de Guatemala. – <<http://www.acnur.org/biblioteca/pdf/0134.pdf>>

⁵ Jackson J.E., Warren K.B. Indigenous Movement in Latin America, 1992-2004: Controversies, Ironies, New Directions. – Annual Review of Anthropology, p. 549-573.

⁶ <http://www.aktenamit.org/about_us/history.php>

⁷ Ibidem.

⁸ <<http://www.enlacequiche.org/>>

⁹ Ibidem.

¹⁰ Latinobarometro. Informe 2009. Santiago de Chile, 2009, p. 44.

¹¹ Menchu seeks Guatemala presidency. – <<http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/6384845.stm>>

¹² Crime, immigration issues dominate Guatemala debate. – <<http://edition.cnn.com/2007/WORLD/americas/08/31/guatemala.debate/>>

¹³ Ладино – название испано-индейских метисов в Латинской Америке.

¹⁴ Political Culture of Democracy. Democratic Consolidation in the Americas in Hard Time. Vanderbilt University, 2010, p. 151.

¹⁵ Fifth Report On The Situation of Human Rights in Guatemala. Washington, 2001, p. 175.

¹⁶ Ibid., p. 187.

¹⁷ IDIES, 1995.

¹⁸ Pan-American Health Organization. Health Profile 1999, 2000.

¹⁹ UN-backed Investigators Shake Up Guatemala. – The Washington Post, 14.XI.2010.

²⁰ По данным социологических опросов Americas Barometro на последних президентских выборах в Гватемале приняли участие 69%. – The Political Culture of Democracy. Democratic Consolidation in the Americas in Hard Time. Vanderbilt University, 2010, p. 153.

²¹ Чумакова М.Л. Гватемала – Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. Ч.2. М., 2009, с. 334.

²² Celebrarán Día Internacional de los Pueblos Indígenas. – <http://guatemala.gob.gt/noticia_busqueda.php?codigo=1034&titulo2=>

²³ Ibidem.

²⁴ Colom recompensa a víctimas de la Guerra. – <http://www.bbc.co.uk/mundo/america_latina/2009/05/090519_2315_guatemala_resarcimiento_colom_mf.shtml>

²⁵ Conmemoran Día de los Pueblos Indígenas. – <<http://guatemala.gob.gt>>

²⁶ <<http://www.infolatam.com>>

²⁷ Incluyen visión de los pueblos indígenas en la gestión de riesgos. – <http://guatemala.gob.gt/noticia_busqueda.php?codigo=10752&titulo2=Nacionales>

²⁸ Ibidem.

²⁹ Indígenas Entregan Agenda Socioambiental. – <<http://www.sigloxxi.com>>

³⁰ Líderes Indígenas Critican Inseguridad. – <<http://www.sigloxxi.com>>

³¹ Latinobarometro. Informe 2010. Santiago de Chile, p. 17.

³² Ibid., p. 94.

³³ Guatemala: Procuraduría Advierte Peligro Para Violencia Electoral en 140 Municipios. – <<http://www.infolatam.com>>

³⁴ Pueblos indígenas presentan propuestas en seguridad y justicia. – <http://guatemala.gob.gt/noticia_busqueda.php?codigo=11378&titulo2=Quiche>

³⁵ Ibidem.

ИНДЕЙСКИЙ ВОПРОС В ПЕРУ

Перу и Боливия образуют южную часть так называемой зоны высоких цивилизаций Нового Света (куда входят также юг Мексики, Центральная Америка, Колумбия и Эквадор). На протяжении тысячелетий (человек проник в перуанские Анды не позднее 11700–10500 лет назад) здесь сменяли друг друга различные культуры, складывались и рушились государственные образования (Мочика, Чиму, Тиауанако, Уари и др.)¹. Независимое развитие населения Перу завершилось формированием в XIV–XV вв. империи инков, разрушенной вторжением испанских завоевателей. Территория Центральных и Центрально-Южных Анд² четко делится по традиции на три географические зоны, специфичные и в культурном отношении: Коста (побережье), Сьерра (горные районы собственно Анд) и Монтанья (тропические леса восточных горных склонов) – составляющая часть огромного региона Амазонии.

В целом в Перу выделяется несколько групп населения, которые специалисты относят к «индейцам». Однако само понятие «индеец», возникшее в период открытия Америки, но отмененное при военном правительстве в Перу после 1968 г., стало вновь общепринятым лишь с 2002 г., в том числе и среди тех, кого определяют как коренных жителей лишь в перуанской Амазонии³. Индейцы Косты – это испаноязычные мучик, добивающиеся восстановления своей индейской идентичности (точнее – мучикской, аборигенной), которые предпочитают называть себя «коренным народом», достаточно распространенным сегодня термином, принятым после крушения их попыток быть признанными в качестве «креолов», относительно недавние мигранты с гор (временные или уже осевшие на постоянное жительство) – кечуа и отчасти аймара, а также отдельные представители амазонских индейских групп. Индейцы Сьерры – это кечуа и аймара по преимуществу, называемые обычно крестьянами и часто (особенно это характерно для ке-

чуа) сами себя позиционирующие именно как крестьяне или серранос (горцы), но ни в коем случае не «индейцы». Значительная их часть уже перешла на испанский язык даже в быту (и этот процесс идет невиданными прежде темпами)⁴. Монтанья является территорией обитания так называемых «лесных» индейцев, принадлежащих к различным языковым семьям, которые сегодня практически все находятся под угрозой вытеснения более крупными языками, в первую очередь испанским и кечуа⁵.

Коста, в прошлом населенная многочисленными индейскими народами, говорившими на разных языках, но после испанского завоевания почти полностью исчезнувших на протяжении XVI–XVII вв., сегодня по преимуществу испаноязычна. Поселяясь на Косте главным образом в поисках заработка индейские мигранты вынуждены переходить на господствующий там испанский язык⁶. Поэтому в дальнейшем мы будем говорить в основном о ситуации в Сьерре и Монтанье. Необходимо пояснить, что, хотя последнее слово по-испански означает горную местность, оно прилагается к так называемой перуанской Амазонии, т.е. восточным склонам Анд, занятым тропическими лесами.

Крупнейшим индейским этносом и языком Перу считается кечуа. Сложность языковой ситуации – в крайней диалектной дробности кечуа (даже при всей разности мнений относительно того, что понимать под диалектом). В прошлом язык кечуа целенаправленно распространялся в качестве «общего» сначала инками, а затем испанскими миссионерами. При этом он активно взаимодействовал с языками, которые вытеснял. Такие обстоятельства при практически поголовной неграмотности крестьян колониального времени в немалой степени повлияли на формирование упомянутой диалектной дробности кечуа. Уже во времена инков этот язык не был единым – о наличии «двух языков кечуа» писали и испанские миссионеры XVI–XVII веков⁷. Именно поэтому индейскими активистами была выдвинута задача унификации языка кечуа⁸, поскольку понятно, что без создания некоей общей языковой нормы в совре-

менных условиях приостановить процесс вытеснения кечуа испанским практически невозможно. Но это – задача, прежде всего, преподавания языка, с чем далеко не все благополучно.

Относительно того, что собой представляет кечуа, до сих пор нет согласия даже среди изучающих его лингвистов. Например, американские специалисты Летнего лингвистического института (ЛЛИ) в Далласе насчитывают 46 диалектов/языков кечуа. В статье отечественного ученого А.Н. Натарова приводится мнение о наличии в кечуа более чем 30 диалектов, подразделяемых на три, а не на две, как у других лингвистов, группы. Крупнейший перуанский лингвист, специалист по кечуа, А. Тореро насчитывал 7 больших «супралектов» – групп диалектов, понимаемых между собой, тогда как за пределами территории каждого супралекта степень понимания резко снижается. В итоге сегодня кечуа обычно рассматривают (по крайней мере, лингвисты) как отдельную языковую семью того же названия. В ее состав входят две большие группировки (кечуа А и кечуа В), упрощенно говоря – разные, хотя и близкородственные «супер-языки», образованные группами вышеупомянутых супралектов и т.д. Есть и другие классификации кечуа. Провозглашение в Перу языка кечуа (фактически же лишь его кусканского диалекта) официальным после прихода к власти военных во главе с генералом Х. Веласко Альварадо в 1968 г. автоматически оставило «за бортом» прочие 6 «языков» кечуа, носители которых подчас совершенно не понимают кусканский диалект (сравнивая его на слух с русским, английским или японским, но никак не со своим собственным языком)⁹. То, что мы столь подробно остановились на данном вопросе, оправдано, на наш взгляд, тем, что он наглядно демонстрирует сложность проблемы кечуа в Перу. К тому же, даже будучи объявлен официальным, он, как и аймара, не был поставлен в равные условия с испанским, ибо индейские языки вообще, согласно перуанской конституции 1993 г. (статья 48), являются вторыми официальными лишь в зонах их широкого распространения, а не на всей территории страны. Но сегодня в Перу нет ни одного департамента, где бы отсутствовало насе-

ление, говорящее на том или ином «диалекте» кечуа или других индейских языках¹⁰.

При такой ситуации с определением, что же такое, например, тот же язык/языки кечуа, неудивительно, что она ничуть не лучше, чем положение со статистикой относительно количества людей на этом языке говорящих. Впрочем, вся статистика в андском регионе вообще (а языковая и этническая в особенности) может приниматься лишь в качестве ориентира, ибо расхождения по одному и тому же вопросу в источниках подчас огромные¹¹. Так, например, антропологи США в большинстве случаев учитывают лишь количество говорящих на данном индейском языке, а не численность этнической группы в целом. Между тем сегодня для Перу уже достаточно характерна ситуация, при которой быть индейцем и говорить на одном из индейских языков – это далеко не одно и то же¹².

Аймара также в прошлом считался одним языком. Ныне же признается существование языковой семьи аймара/хаки. Она значительно менее дробная в диалектном отношении, нежели кечуа (собственно аймара включает лишь два диалекта, к которым надо добавить два малых языка той же группы – хакару и кауки), что отчасти может быть связано с более компактной территорией расселения и меньшим количеством носителей¹³.

Индейские этносы, по языку относимые к кечуа и аймара, образуют абсолютное большинство коренного населения Перу, но истинную численность индейцев, составляющих эти народы, определить при нынешнем состоянии статистики практически невозможно, равно как и очень трудно говорить о том, каков процент индейского населения от общего числа жителей Перу. Так, различные статистические источники дают следующие варианты: согласно одному, индейцев в Перу 12 млн. человек (50% населения страны); согласно другому – 6 млн. (из них: 5,0 млн. кечуа, 0,5 млн. аймара, 400 тыс. амазонские группы); согласно третьему, имеется 5,5 млн. перуанских кечуа и 600 тыс. аймара; согласно четвертому – около 3,5 млн. кечуа и 0,5 аймара; согласно пятому, индейцев от 30 до 40% населения

страны¹⁴. Если же исходить из данных только по языкам, то этих самых индейцев окажется всего 13-18%. Последние из доступных нам данных, основанных на подсчетах индейских организаций, определяют численность индейского населения страны в 8,9 млн. чел., т.е. 30% от общего числа жителей, независимо от того, говорят ли они на индейских языках или уже нет. Из них к говорящим на аймара относятся порядка 500 тыс., кечуа – 3,5–4 млн. (причем среди них есть и люди, по происхождению не являющиеся кечуа, но активно этим языком пользующиеся!¹⁵). Надо еще учитывать, что кем себя человек назовет при переписи – зависит от множества обстоятельств. Живущие на Косте и в городах кечуа, как уже упоминалось, в большинстве своем не только быстро теряют язык (и сами стремятся к этому, чтобы их скорее воспринимали как «настоящих», по их же понятиям, перуанских граждан), но и индейцами себя в переписях и опросах не признают. Впрочем, аналогичный процесс полным ходом идет и в Сьерре¹⁶. Многие индейцы при переписях относили себя к «чоло» («аккультурированным» или «интегрированным» индейцам) или метисам и отрицали владение кечуа, что являлось следствием определенного отношения к индейцам как «низшим» в перуанском обществе¹⁷. Дополнительную путаницу вносит нередкое расхождение между самоидентификацией конкретной группы и тем, кем ее представители считают соседи. Так, люди, категорически определяющие себя как чоло или метисы, в глазах соседей часто могут оказаться лишь индейцами¹⁸.

Кечуа в Перу расселены наиболее широко, хотя и неравномерно. Сегодня это – крупнейший индейский народ Америки, если мы можем считать его таковым, с учетом того обстоятельства, что общее этническое самосознание у кечуа отсутствует, его общая численность, по разным оценкам, достигает от 7 до 10–15 млн. человек. Из них в настоящее время в Перу, если опираться только на языковой критерий, живет более 4 млн. человек. Кечуа населяют многие области в Сьерре, они же составляют основное число мигрантов на Косте. Большинство кечуа живут в южных департаментах Сьерры, но есть отдель-

ные «острова» кечуанского населения и в северных районах. Есть также кечуа и в зоне тропических лесов (бассейн р. Напо в департаменте Лорето, департамент Мадре-де-Дьос), где они – недавние переселенцы.

Таким образом, сегодня уже не существует сплошного, как в прошлом, ареала расселения кечуа от южной Колумбии до северо-западной Аргентины.

Аймара живут в департаменте Пуно и соседних, прибрежных департаментах Мокегуа и Такна, хакару и кауки – в провинции Яуйос близ Лимы.

В целом в Андском регионе Перу постулируется наличие семи индейских этнических групп, но необходимо учитывать, что часть из них составляют те, которые в основном расселены в Монтанье с учетом современных административных границ (например авайюн/агуаруна в департаменте Кахамарка).

Численность единственного сохранившегося коренного народа Косты, мучик (20 общин) нигде в известных нам материалах не приводилась. Однако, исходя из данных крупного американского археолога-перуаниста Р. Шеделя, подсчитавшего, что мучик насчитывают 20 общин, и средней численности общины (600 чел.)¹⁹, можно предположить, что мучик всего порядка 12–15 тыс. человек. Некогда один из крупнейших на севере Косты (район г. Трухильо) этот народ считался исчезнувшим вместе с языком, последние записи слов которого относятся к 40-м годом XX века.

Что касается этносов и языков Монтаньи или перуанской Амазонии, то по статистике там обитает 65 индейских этнических групп, общей численностью то ли 350-400, то ли даже всего 130 тыс. человек²⁰. Расхождения отчасти можно объяснить тем, что часть современного населения в тех местах или пришлая, испаноязычная, или кечуаязычная. Процесс кечуанизации в отдельных районах происходит вместо более частой испанизации (так что ряд языков на сегодня уже утрачен), цифра же в 130 тыс. чел., явно заниженная по неизвестным причинам, относится, скорее к носителям собственно амазонских языков, входящих в ряд особых языковых семей. Крупнейшими из ин-

дейских народов перуанской Амазонии являются агуаруна (авайюн) – более 45000 человек, 189 общин; ашáнинка – более 30000 чел.), амазонские кечуа и шипибо – более 10000 каждый, чайауита и уамбиса – более 4000 каждый, остальные – значительно меньшей численности (обычно от нескольких десятков до нескольких сотен человек). Языки амазонских индейцев относятся к языковым семьям хибаро, аравакской, пано, тупигуарани и др., некоторые же лингвисты включают их в понятие «неклассифицированные» языки.

При рассмотрении вопроса об уровнях грамотности (на родном и испанском языке на различных территориях) следует более подробно остановиться на вопросе владения индейцами испанским языком. К сожалению, данные на этот счет редки, но определенные выводы позволяет сделать даже информация по кечуа, содержащаяся в материалах упомянутого альманаха Ethnologue Летнего лингвистического института.

Уровень грамотности на родном языке, например, у кечуачанка в Аякучо достигает от 5 до 10% населения, у остальных групп кечуа – 1–5% или даже менее 1%. Таков результат всех некогда имевших место мероприятий по ликвидации неграмотности (оговоримся, что это – результаты за разные годы и в сумме – на рубеж 90-х годов XX в.).

Уровень грамотности на испанском языке заметно отличается в лучшую сторону. Так, он относительно редко не достигает 5%, а в отдельных группах этот показатель значительно выше. Кечуа-уанка, согласно этим данным, все двуязычны, у кечуа-панао число знающих испанский достигает 15–25%, у кечуа-пуно – 25–50%, а у кечуа-сан-мартин – даже 50–75%. Неясно, однако, что следует понимать под «грамотностью» на испанском языке в конкретных случаях. Так, необходимо учитывать, что американцы выделяют шесть уровней владения языком: 0 – незнание языка (в данном случае испанского), т.е. монолингвы; 1 – умение вести лишь очень простой разговор; 2 – знание на уровне повседневного общения; 3 – владение языком достаточно для общения в большинстве жизненных ситуаций; 4 – способность бегло и правильно говорить на всех уровнях

повседневного общения; 5 – знание языка на уровне образованных носителей его). Среди аякучанских кечуа, например, к категориям 3–5 относилось всего 29% населения (к 5-й категории – 1%), у кечуа-сан-мартин 41% жителей входит в категорию 3–4, но нет никого в категории 5, у кечуа-кахамарка 55% составляли представители категорий 3–5 (но только 10% относились к пятой). Таким образом, можно констатировать, что двуязычие кечуа, согласно этим данным, часто было (и надо полагать, остается) весьма относительным, количество монолингвов среди них в некоторых местах довольно значительно и до сих пор. Это объясняется не только нехваткой школ и т.п., но и слабым развитием средств массовой информации.

Законодательство и индейская политика определяются, прежде всего, положениями конституции 1993 г., согласно которой Перу является поликультурным и многоязычным государством, однако официально не признается существование индейских народов как таковых, но лишь наличие крестьянских общин в Сьерре и аборигенных в Амазонии²¹. Общины приписаны к занимаемой ими территории, но недра, воды и воздух являются собственностью государства²². Есть и еще одна важная оговорка относительно прав общин на землю: если земля не покинута. Но в Сьерре поля по необходимости должны оставаться несколько лет под паром (иногда до 10 лет, учитывая, что использовать удобрения крестьяне почти не могут по причине отсутствия денег, а орошаемые земли невелики по площади). Однако по закону, если земля более двух лет не обрабатывается, ее можно объявить брошенной²³! В реальности, к тому же, земли общин часто недостаточны, но и они находятся под постоянной угрозой отчуждения. Есть также непризнанные общины (таких сотни), мигранты, их покинувшие, но сохраняющие с ними связь (их в числе общинников просто не учитывают, при переписях или когда речь идет, например, об общинном голосовании, но зато учитывают пришлых жителей, в общины не входящих, как их членов). Постоянно возникают также конфликты на почве несовпадения государственных законов и обычного индейского права – последнее обычно просто не

принимается во внимание, хотя его применение официально декларировано.

Если говорить о культурной политике, то, по конституции, Перу является «поликультурным государством, в котором уважаются языки и традиции коренного населения». Двуязычное образование в общинах на практике часто не реализуется (а при А. Фухимори и вовсе практически отсутствовало), поскольку для этого недостаточно ни школ, ни учителей, да и ограничиваются все в основном начальным образованием. В индейских районах реально двуязычным образованием было на 2007 г. охвачено 10% учеников начальных школ. Кроме того, крестьяне в Сьерре часто и не понимают смысла двуязычного образования, так как в общине грамотность на родном языке необязательна²⁴.

Конституция остается конституцией, но традиционно индейское население рассматривалось и рассматривается правящими элитами прежде всего как помеха, как нечто, подлежащее по возможности скорейшей ассимиляции. Достаточно вспомнить в связи с этим высказывания президента А. Гарсии об индейцах Амазонии, сопротивлявшихся вторжению частного капитала на свои земли в 2009 г., как «собаках на сене», мешающих модернизации Перу²⁵. При этом для ликвидации такого «тормоза развития» допускались и допускаются практически любые формы, способствующие быстрейшему уничтожению индейской архаики, вплоть до геноцида, т.е. прямого истребления населения (не говоря уже об этноциде, как уничтожении этнических культур).

Еще в 1964 г. американские летчики из зоны Панамского канала по просьбе перуанского правительства бомбардировали напалмом селения индейцев матсэ (на р. Укаяли) в ответ на их нападение на комиссию правительственных чиновников²⁶. 6 июля 2002 г. перуанское министерство здравоохранения принесло публичные извинения за проведенную в период президентства Фухимори (1990–2000) кампанию по насильственной стерилизации по меньшей мере 200000 индейских женщин в беднейших сельских районах страны (прежде всего в департа-

менте Аякучо), что делалось, как утверждал министр, с ведома и одобрения президента. Даже уже будучи арестован, А. Фухимори не ответил за эти действия, поскольку в 2003 г. дело было сдано в архив²⁷. Впрочем, аналогичные акции, хотя и не в таких масштабах, проводились и ранее в рамках тех же самых программ. Какие последствия в демографическом плане и в отношении возможностей сохранения традиционной общинной жизни будет иметь эта варварская акция, еще предстоит выяснить. Но тогда же правительство запретило СМИ распространять информацию о вспышке эпидемии гепатита среди индейцев, живущих на границе Перу и Эквадора, чтобы не отпугивать туристов. СМИ послушались и промолчали²⁸.

Мнение о необходимости скорейшего уничтожения индейской архаики подпитывается еще и тем фактом, что индейское население – беднейшее в стране. В итоге кое-кто в правительственных кругах начал считать, что если индейцев ассимилировать, то и нищета пропадет сама собой.

Такое отношение к индейскому населению со стороны правящих кругов легко объяснимо. Среди чиновников распространено, например, мнение, что индейцы (общины) захватили большую часть страны и что национальные интересы должны быть выше каких-то там общинных и пр. Некорректность таких утверждений доказывается перуанской статистикой. Общины владеют реально не более 11% территории страны, причем это – самые малопродуктивные земли. Но у государства есть оговоренные конституцией права на недра, воду и воздух. А именно на землях общин часто обнаруживаются нефть, газ, руды, ценная древесина. И потому со стороны государства часты действия, прямо противоположные конституционным гарантиям: вторжение на общинные земли добывающих компаний разного рода, которые угрожают самому существованию общин. В реальности почти нет средств, позволяющих легально добиться соблюдения конституции, кроме крайних, таких, как столкновения индейцев с полицией (о столкновении в Багуа в 2009²⁹ см. статью А.А. Шинкаренко «Проблемы политического участия индейских движений» в настоящем сборнике), которые

привлекают внимание не только правительства, но и международных организаций.

В целом же в Перу положение индейского населения можно сегодня оценить как критическое, поскольку наряду с сохраняющейся дискриминацией на него оказывают влияние такие факторы, как миграции, торговля наркотиками, антипартизанские операции военных и колонизация (особенно в районах Амазонии). Все это создает реальную угрозу исчезновения традиционных форм жизни.

По своим хозяйственным занятиям как кечуа, так и аймара – прежде всего крестьяне: земледельцы и скотоводы. В Перу поэтому все еще очень значительна роль общинного сектора независимо от его реального вклада в сельскохозяйственное производство, который составляет всего 5% от общенационального³⁰.

Основной набор сельскохозяйственных культур варьируется в зависимости от территории. На Косте, ставшей зоной активного плантационного хозяйства, выращиваются маис, бобовые, рис, хлопок. В Сьерре главное место занимают наряду с маисом бобовые, клубнеплоды (картофель, ока, ульуку и др., а также киноа, так называемый «перуанский рис» – разновидность съедобной лебеды). В Амазонии выращивают, прежде всего, маниоку, но в отдельных районах получили распространение рис и другие культуры³¹. Орудия труда в Сьерре зачастую остаются, с европейской точки зрения, примитивными – чакитакля (сажальный кол, теперь снабженный металлическим наконечником), реже – плуг, что объясняется часто не отсталостью, а просто непригодностью современных инструментов для обработки земли в горных условиях. Впрочем, зажиточные крестьяне используют и современную технику – трактора и другие машины, что не везде возможно, учитывая условия горной местности.

Все большее значение приобретает деятельность, направленная на добывание денег. Так, для многих общин перуанских кечуа и аймара стали обычными сезонные (или, как их еще называют, кольцевые) миграции на промышленные предприя-

тия и плантации Косты. Миграции в Монтанью, т.е. собственно переселение, также происходят, но многие кечуа и аймара неохотно идут на это из-за неподходящего климата и практического отсутствия правительственной поддержки семьям переселенцев.

Помимо этого, индейцы традиционно сбывают на местных рынках продукцию домашних ремесел – тканые пончо и другие предметы одежды, сосуды из тыкв, керамику и др. Операции по сбыту урожая и товаров домашних производств совершаются либо самими производителями, либо, что чаще, перекупщиками или же представителями общинной верхушки. В определенной степени в эту систему могут быть задействованы семьи мигрантов, осевших в городах, но сохраняющих связи со своими общинами. Впрочем, по мнению американского исследователя Т. Левеллена, изучавшего положение аймарских общин в Перу, подсобные занятия общинников мало влияют на их благосостояние³². Миграции могли бы носить иной характер, если бы индустриализация затронула и Сьерру, но там промышленность практически отсутствует.

В Амазонии индейские общины ориентированы, прежде всего, на сохранение традиционного образа жизни: земледелие в сочетании с охотой, рыболовством и собирательством, что в принципе, если в жизнь общин никто не вмешивается, создает условия для самообеспеченного существования. Но многие из общин уже вовлечены в дополнительные виды деятельности – туризм, обслуживание газопроводов, проходящих по их территории (как у агуаруна), разработку золота (например, харакмбут в департаменте Мадре-де-Дьос), продажу сувениров и тканых изделий³³.

Важная роль в организации хозяйственной и в целом общественной жизни в Амазонии до сих пор принадлежит шаманам (духовным и политическим руководителям общин), которые определяют, например, сроки охоты на тот или иной вид животных и распорядок других видов деятельности, влияющих на сношения с «внешним миром». Достаточно сказать, что глава АЙДЕСЕП (*Asociación Interétnica de Desarrollo de la Selva*

Peruana – Межэтническая ассоциация по развитию перуанской сельвы), крупнейшей индейской организации перуанской Амазонии, Альберто Писанго тоже шаман (что не мешает быть ему по профессии школьным учителем)³⁴.

В отличие от общин Сьерры, амазонские общины в своем большинстве подвижны, так как земледелие в условиях сельвы не дает возможности долго оставаться на одном и том же месте, им требуется гораздо бóльшая территория для хозяйственной деятельности.

Традиционная организация труда и распределения, точнее – некоторые их формы, в Перу все еще живы во многих районах (например, в департаменте Пуно и ряде других) благодаря существованию там значительного числа общин. В частности, это касается взаимопомощи при сельскохозяйственных работах, при постройке дома и т.п., и совместной обработки земли, а также коллективных работ, которые ведет община в целом (расчистка каналов и т.д.). С усилением расслоения в общинах, в результате которого общинная «аристократия» поставила в зависимость от себя остальных крестьян, обычным делом стали такие формы, как отработки на полях богатых односельчан в «благодарность» за покровительство или иную помощь. Кроме того, именно общинная верхушка достаточно активно занимается коммерцией, ей чаще всего принадлежат имеющиеся средства транспорта и т.п. Как более образованные, эти представители общин имеют и свои связи в близлежащих городах, пользуются влиянием среди переселившихся туда в поисках заработка общинников.

Прежние нормы общинного землепользования сохраняются лишь частично. Так, в общинах земля считается общинной собственностью, что выражается, в частности, в запрете продажи общинных земель чужакам³⁵, хотя в реальности семейные parcelлы обычно не подвергаются перераспределению и фактически прочно закреплены за отдельными семьями. В коллективной собственности находятся только пастбища и прочие угодья. Правда, есть особенности в использовании земель в зависимости от их местоположения. Например, в Центральном и

Южном Перу общинные земли образуют как бы три круга, первый из которых составляют семейные парцеллы (их может быть много в разных местах, в зависимости от высотной зональности), второй (более засушливые земли) – поля под паром, пастбища и т.п., где парцеллы даются семьям только на время их обработки (впрочем, и на эту зону уже начала распространяться приватизация), и третий – общинные пастбища³⁶.

Кооперирование между семьями облегчают такие связи, как брак, кумовство, соседские отношения. Брак нередко до сих пор заключается по старой системе, предусматривающей достаточно длительное (до года и более) совместное добрачное сожителство, призванное помочь будущим супругам «притереться» друг к другу. За триста лет все попытки католической церкви изжить этот обычай ни к чему не привели. Достаточно вспомнить визит в Перу Папы Римского Иоанна Павла II, который призывал отказаться от такой практики, как не соответствующей христианству, и нередко брак заключается людьми, уже имеющими детей в результате совместного проживания³⁷.

Сохраняются старые формы и в других сферах общинной культуры. Так, еще встречаются круглые жилища с конической крышей, расположение домов женатых сыновей рядом с домом отца. Достаточно устойчиво среди индейцев предпочтение одежды собственного производства перед фабричной и традиционный рацион питания, хотя влияние городской культуры постепенно начинает проявлять свое воздействие и здесь.

Пожалуй, более стойкими, хотя и сильно изменившимися под влиянием христианизации, оказались религиозные представления. В реальности они давно уже далеко не только собственно индейские. Смешавшись с христианством, они породили весьма своеобразную местную форму католицизма, в котором божество земли Пачамаму отождествили с Девой Марией, а образы иных древних божеств (например, Пачакамака, оракул которого это будущее даже в свое время «предсказал») слились с образом Христа. Последнее время внимание ученых привлек обычай паломничества (причем отнюдь не только индейцев) на пик Аусангате в южном Перу: официально люди

идут поклоняться ипостаси Христа – «Господину Койльюр Рити», в облике которого фактически слились Христос и дух указанной горы. Причем сегодня, как символ уже не «индейской отсталости», но «перуанизма», эта ипостась Христа имеет своих почитателей и за пределами страны, например, среди перуанцев, осевших в Нью-Йорке³⁸.

Постоянную угрозу существованию общин создает хроническая нехватка земель. Если признать справедливыми расчеты, приведенные Т. Левелленом еще в 1978 г. для аймара Пуно (где крестьянских общин наибольшее количество), семья из 5 человек в общине должна иметь для нормальной жизни, по меньшей мере, 2 га земли, то на деле уже в 60-х годах на семью в среднем приходилось менее 2, а часто и менее 1 га. Участки непрерывно дробятся при традиционном наследовании, и никакие аграрные реформы тут ничего не изменили. Отток населения из общин лишь частично решает эту проблему. Некоторые специалисты даже считают, что механизация вызовет разорение общин, ибо создаст массовую безработицу без значительного увеличения урожаев. Другие смотрят на внедрение техники более оптимистично, но это ничего не дает, так как серьезных капиталовложений в сельское хозяйство перуанское правительство не делает³⁹.

В Амазонии, в отличие от Сьерры, традиционная организация труда сохранилась лучше хотя бы потому, что как такового расслоения общин здесь, как и в амазонских районах соседних стран, не происходит, и именно монолитность общины является залогом ее существования. Поэтому «богатых» в привычном смысле здесь нет, но есть «авторитетные» (прежде всего, те же шаманы, люди, получившие образование и вернувшиеся в общины, учителя и др.). Существует активная кооперация между отдельными семьями, которые достаточно автономны в составе общин, тем более что способ расселения во многих местах уже изменился: традиционную малоку (общинный дом) сменили отдельные семейные жилища.

Для Амазонии главной проблемой является постоянный натиск на земли общин разного рода добывающих компаний и

активная колонизация (с 1980-х годов), в результате которой общинники по факту во многих местах оказались меньшинством на своей собственной земле, тогда как колонисты со Сьерры заняли лучшие территории. Например, харакмбут в Мадре-де-Дьос лишились доступа к двум третям участков золотодобычи, расположенных на их землях⁴⁰.

Если обратиться к социальной организации, то ее основу у индейцев Сьерры составляет сегодня, прежде всего, нуклеарная, т.е. малая семья, хотя встречаются и так называемые расширенные семьи⁴¹. Поэтому нередки случаи уклонения от общинных мероприятий, для чего (чаще других именно зажиточные общинники) даже прибегают к смене религиозной принадлежности. Например, у тех же аймара Пуно они переходят в секту адвентистов седьмого дня, которая запрещает употребление спиртного, курение и исполнение целого ряда обычаев. На практике это приводит к концентрации в семейной сфере традиционных религиозных обрядов и ритуалов, и роль семьи в таких условиях только повышается.

Семьи кечуа и аймара вирилокальны (т.е. жена переходит в дом мужа), но рост отходничества мужчин (на плантации и промышленные предприятия Косты) приводит, с одной стороны, к появлению неполных семей, возглавляющихся женщинами, а с другой – при так называемой кольцевой/сезонной миграции, когда общинники часть года живут в городе, а часть в общине, к росту фактического двоеженства. В общинах и вообще в сельской местности отходничество способствует росту женского труда, поскольку теперь женщина не только занимается домашним хозяйством, но нередко еще и выполняет основную работу в поле. В современных условиях на женщинах лежит еще и роль сохранения общинной культуры и особенно языка. Отмечен такой факт: при кольцевых миграциях мужчины достаточно быстро становятся двуязычными, женщины же, не покидающие свои общины и часто остающиеся монолингвами, способствуют тому, что и их мужья не могут позволить себе роскошь забыть родной язык⁴².

Общины Сьерры имеют свои особенности в организации в зависимости от принципа их образования. Одно дело общины традиционные, имеющие документы на землю и свою историю⁴³, другое – общины, образованные в результате аграрных реформ, когда между крестьянами делились земли бывших латифундий. Однако достаточно характерным для всех остается наличие главы, совещательного органа при нем и определенной группы людей, ответственных за проведение общинных мероприятий. Остается также и определенное стремление к замкнутости, выраженное в предпочтении внутриобщинной эндогамии. Доступ к власти в общине основан на престиже, который добывается работой в пользу общины, спонсировании общинных ритуалов и способностями в области магии, а также в деле организации внешних связей. Собственно богатство, достаток имеют меньшее значение, так как у скотоводов одна эпизоотия может практически лишить семью ее состояния, а у земледельцев само понятие «богатая семья» в условиях малоземелья весьма относительно⁴⁴. Наблюдаемый в последние десятилетия процесс дает представление о достаточно четкой связи между ростом благосостояния и престижа отдельных семей в общине и их религиозной принадлежностью. Фактически сегодня нередко элиту общин образуют протестантские группировки (вышеупомянутые адвентисты седьмого дня у аймара, например, которые накапливают необходимые средства, уклоняясь, как было отмечено выше, от общинных обязанностей по религиозным соображениям). Их члены, более образованные, чем соседи-католики, благодаря широкой сети протестантских школ в том же департаменте Пуно, например, имеют и больше шансов организовать взаимодействие общин с внешним миром (без которого общины обходиться уже практически не могут), умудряясь при этом сохранять и престиж специалистов в области магии, поскольку их протестантизм не более похож на официальный, чем местное католичество. Уклоняясь от устройства общинных празднеств по религиозным соображениям, они тем не менее пользуются весьма значительным авторитетом не только среди единоверцев⁴⁵.

В Амазонии основой социальной организации прежде была большая семья, существование которой сегодня находится под угрозой. Исчезновение же большой семьи уже постепенно происходит в некоторых районах⁴⁶, что чревато утратой культурного наследия, которое именно такие семьи сохраняли. В остальном социальные структуры весьма разнообразны. Так, внутри общин могут существовать, например, патрилокальные кланы (как у харакмбут) или же группировки родственников на основе родства по обеим линиям (агуаруна) и т.д.⁴⁷

Этническое самосознание у индейцев Перу, как традиционно считается, слабо выражено или отсутствует, так как в силу древних общинных традиций они страдают «локализмом менталитета», при котором сознание принадлежности к общине доминирует над всем прочим, а порвавший связи с общиной индеец якобы только и мечтает, чтобы перейти в категорию метисов или чоло. События последних лет заставляют пересмотреть эти утверждения. В соседней Боливии аймара, например, продолжают стойко сохранять свою этническую идентичность, что весьма неплохо «подпитывает» и настроения перуанских аймара. Дело не только в низком уровне грамотности и аймара-испанского билингвизма. В немалой степени этому способствует то, что именно индейцы более склонны внимать проповедям разного рода протестантских проповедников из многочисленных христианских сект, буквально наводнивших андские страны в последние десятилетия. Такие религиозные искания те же аймара сочетают, однако, с все более набирающим силу движением за автономию, причем всех территорий, населенных аймара, независимо от их государственной принадлежности (что, по мнению некоторых исследователей, чревато в будущем возможным распадом Боливии и Перу)⁴⁸.

С полным правом можно говорить о возрождении самосознания, несмотря на утрату языка, у мучик Перу. Они продолжают считать себя особой группой, отличной от прочего населения. Такое положение сложилось в немалой степени в связи с отрицательным отношением окружавших «креолов» к жителям мучикских общин, сохранявших традиционное хозяйство, а

также и умело организованной пропагандой культурных достижений мучик в прошлом. Помимо влияния археологических раскопок на территории Северной Косты на этот процесс, необходимо отметить, что его инициатором был А. Родригес, мучик по происхождению, специалист по культурной антропологии, долгое время сотрудничавший с Р. Шеделем, одним из ведущих археологов-перуанистов. Под их влиянием жители решили даже собственными силами наладить охрану археологических объектов на территории своего проживания, декларируя это как охрану культурного наследия⁴⁹.

К проявлениям индейского самосознания относятся и такие любопытные факты, как попытки возродить древнюю религию. Уже отмечены случаи публичного отправления языческого культа с положенными жертвоприношениями⁵⁰. Вспомним также сцену публичного моления духам гор перуанского президента А. Толедо, каковое он совершил в индейском костюме на площади при огромном скоплении народа. Можно отнести подобные факты к чисто пропагандистским уловкам, но они показывают и то, что подобные настроения в отношении возрождения индейского наследия стали фактом.

Формирование единого этнического самосознания у кечуа затруднено, прежде всего, вышеупомянутой языковой дробностью, преодолеть которую частично позволила бы грамотность, но здесь ситуация очень далека от благополучной. Дело не только в том, что в школах часто, несмотря на все декларации о двуязычном образовании, преподавание ведется исключительно на испанском. В тех случаях, когда оно действительно двуязычное, учителя нередко преподают не официальный кусканский, а местный диалект кечуа, а иногда даже исходят из того, какой диалект по тем или иным причинам проще преподавать (например, аякучанский вместо кусканского даже в департаменте Куско⁵¹). Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов отсутствие у кечуа сплошной территории расселения при плохом состоянии коммуникаций. Фактически можно говорить о том, что сегодня кечуа, если не считать отдельных националистических группировок, не воспринимают себя как единый народ, и

стремление быть «перуанцами», «гражданами» перевешивает в их этнической самоидентификации. По свидетельству американского антрополога Ф. Саломона, в провинции Уарочири¹ местное население утверждает, что индейцев там вообще не осталось, вся провинция полностью перешла на испанский язык (хотя в XVI в. именно там записывали тексты на классическом кечуа). Аналогичные процессы декечуанизации происходят и в других районах⁵².

Немаловажное влияние на сохранение и развитие этнического самосознания индейцев, в том числе и тех же кечуа, оказывают, однако, возникшие в последние годы перемены в индееанистском движении. Некогда организованное как сообщество пытавшихся «защитить» индейца интеллектуалов (часто вообще неиндейцев по крови), оно претерпевает серьезные изменения и все более становится делом собственно индейцев. Наряду с крайними формами, типа индейского расизма, создателем которого был боливиец Ф. Рейнага, аймара по происхождению,⁵³ в последнее время (до прихода О. Умалы к президентской власти в результате выборов 2011 г.) включавшими в себя и действия вооруженных этнокасеристов, организовывавших захваты полицейских участков и провозгласивших вооруженную борьбу «медной расы» «против креольского и империалистического засилья» единственно возможным путем борьбы (примечательно, что этот лозунг нашел понимание и у остатков сендеристов)⁵⁴, предпринимаются попытки объединения различных ранее возникших индейских организаций. Последние стали реальностью благодаря росту индейской интеллигенции и приобщению к современным техническим средствам коммуникации (Интернет и т.д.). Так, еще в 70-х годах XX в. была создана аймарская Федерация Тупак Катари, в 80–90-х неоднократно организовывались встречи представителей индейских движений, в настоящее время действует общеиндейская организация Постоянная конференция индейских народов Перу (созданная в 1999 г., но расколовшаяся из-за внутренних разногласий в 2002), уже упоминавшаяся Межэтническая Ассоциация по развитию перуанской сельвы и др., которые ставят своими

главными задачами сохранение культурной самобытности, решение земельного вопроса и автономию общин.

До настоящего времени, однако, заметных успехов индейскому движению добиться не удалось. «Индийских» организаций в стране много, но единого движения, в принципе, не существует. В реальности же все до сих пор проводившиеся правительством мероприятия, в том числе и в виде помощи индейцам, привели не к росту их этнического самосознания, а ко все большему сближению с неиндейским миром. У кечуа и других аборигенов Перу (за исключением Амазонии) нет значительных организаций, базирующихся именно на «индейскости». К тому же террор «Сендеро Луминосо» в Сьерре и ответные действия армии и полиции подорвали как способность к организованному движению за автономию, так и традиционную самоидентификацию индейцев в результате вынужденного бегства из общин более чем 180 тыс. человек. Это, несомненно, стало серьезным ударом для организации индейского движения в Сьерре. К тому же политическая обстановка в Перу была для него неблагоприятна: президент Толедо являлся, например, кандидатом от оппозиции без партии и четкой идеологии. Левые партии были подорваны режимом Фухимори. Однако этнические организации (такие, как AIDSEP, самая влиятельная на сегодняшний день, объединившая большинство локальных организаций амазонских индейцев, и др.), по крайней мере, в Амазонии, представляют собой значительную политическую силу в деле мобилизации индейцев в борьбе за свои права. То, что таких организаций нет у кечуа, их только ослабляет, поскольку каждая община или группа общин вынуждена в таких условиях действовать самостоятельно.

В целом же в Сьерре, в отличие от Амазонии, преобладают и наиболее сильны организации не этнические, а крестьянские или профсоюзные – Ассоциация общин, пострадавших от горных разработок, – CONACAMI и др., Андский Координационный центр индейских организаций (CAOI), Ассоциация учителей двуязычного образования (AMEVI). Во всяком случае, наиболее значительные крестьянские организации Сьерры ор-

ганизованы не по этническому признаку, и сам этот признак в качестве определяющего не выдвигают, хотя и участвуют в разного рода форумах коренных народов. Известным исключением для Сьерры может считаться организация «Союз аймарских общин Пуно» (UNCA), созданная по этническому признаку⁵⁵, а также попытки образования региональной партии вроде Льяпансуйо в 2002, должных объединить в едином фронте соответствующие организации Перу, Боливии и Эквадора. Однако реального политического значения подобные образования не имеют.

Индейцы Амазонии, несмотря на все существующие противоречия (вплоть до вражды соседних общин и даже соперничества отдельных группировок внутри общин), сегодня организационно сплочены гораздо лучше. Хотя и у них можно отметить такой характерный момент, как «ступенчатое» самосознание (принадлежность к конкретной общине, нации, международной организации, индейцам в целом, отнесение себя к гражданам Перу). Но большей сплоченности в значительной степени помогают сохранение авторитета традиционных властей в общинах, с которыми не могут не считаться и новые общинные лидеры из интеллигенции, и большая сохранность религиозных верований, которые так и не смогли искоренить миссионеры. Немаловажную роль в укреплении индейского этнического самосознания в Амазонии сыграли работавшие среди индейцев антропологи-иностранцы, которые привлекали и продолжают привлекать к проблемам ее жителей внимание крупных международных организаций, вплоть до ООН⁵⁶.

Рост этнического самосознания происходит и стимулируется также дошедшими до сегодняшних дней древними культурными традициями, религиозной практикой и общинной организацией, а также постепенным увеличением численности индейской интеллигенции (учителя, врачи, служащие охраны природы, работающие в общинах). Представители последней, как показывает практика, гораздо чаще выступают за сохранение этих традиций, чем даже сами общинники. Примечателен такой факт: в самом «индейском» департаменте Перу – Аякучо,

в 1966 г. лишь в одном муниципалитете был мэром, говоривший на кечуа, а в 1996 г. на этом языке могли говорить уже 10 мэров, причем шестеро из них имели индейские имена, а семеро декларировали инкское происхождение⁵⁷.

Дальнейший ход и возможные результаты указанного процесса предсказать сейчас, однако, вряд ли возможно.

Борьба за признание языка кечуа представляет собой еще один из аспектов роста индейского самосознания, хотя, кажется, до конца еще не всеми и не везде понятый. Фактически, казалось бы, бороться тут не за что: кечуа официально признан конституцией. С реализацией его прав, однако, ситуация аналогична многим другим: презрительное отношение к индейскому языку укоренено настолько, что говорить на нем люди стесняются, а речь на кечуа в перуанском конгрессе вызвала бурю протестов на том основании, что «тут говорить положено по-испански»(!)⁵⁸. Так называемое «двуязычное» образование остается во многом пустой декларацией: учат все равно часто только на испанском, кроме того, настоящим кечуа признается лишь южный, но и этот язык имеет какие-то права лишь «на территории широкого распространения». В случаях, когда, как делает кусканская Академия Майор, признающая вообще только кусканский диалект, проводится политика пуризма в отношении языка кечуа (например, на радио и используемых для привлечения туристов праздниках типа Инти Райми), это имеет следствием тот же отрицательный результат, поскольку «чистого» кечуа крестьяне зачастую не понимают: их ему не учили ни в школе, ни дома. Происходит активный процесс внедрения в кечуа испанской лексики. Сейчас доля таких заимствований достигает 30%. Поэтому совершенно справедливым можно признать выдвинутое требование развивать двуязычное образование для всего населения, а не только для индейцев⁵⁹.

Какое влияние оказала и оказывает глобализация на индейский мир Перу? Мнения на этот счет существуют разные, в зависимости от того, какие аспекты глобализации выделяются теми или иными авторами. Нас в данном случае интересует именно вопрос этнического развития индейского мира, на ко-

торый так или иначе обращают внимание многие исследователи, хотя и по-разному оценивают происшедшие и происходящие перемены. Защитники глобализации полагают, что она отнюдь не отменяет этнического и культурного многообразия.

Но, увы, глобализация, вопреки ожиданиям многих ее теоретиков, несет индейцам лишь новые проблемы. Прежде всего, в Перу это касается их прав на свои территории, казалось бы, закрепленные конституцией 1993 года. Но там есть, как упоминалось выше, любопытная оговорка: индейцы и крестьяне имеют права на территорию, но ее недра, земля и воздух есть собственность государства. Поэтому, когда в воздухе пахнет нефтью, газом, золотом, ценной древесиной и т.п., то никаких гарантий, что право общины на ее территорию будет соблюдено, в реальности не существует. Соответствующие земли просто сдаются в аренду или концессию транснациональным или перуанским корпорациям, или же на них начинается нашествие нелегальных, самовольных старателей и лесорубов. Результатом является эскалация конфликтов и насилия, примеров чему немало. Приведем лишь несколько. Так, в 2001 г. индейцы авайюн (агуаруна) после безуспешных попыток по закону выдворить самовольных колонистов со своей земли (у тех оказались даже документы на владение ею, выданные чиновником министерства сельского хозяйства!) атаковали поселок пришельцев. Результат – 30 убитых. Тогда СМИ очень сочувствовали «бедным пионерам модернизации Амазонии».

В 2002 г. индейцы харакамбут в той же Амазонии силой выбили со своей земли часть незаконных старателей, но те успели отравить реку ртутью, к тому же большое количество этих самых старателей продолжает оставаться на землях харакамбут и по сей день. На территории индейцев яминауа произошло вооруженное столкновение, в котором погибли 6 лесорубов-браконьеров и 3 индейца. В том же году другие лесорубы ранили и взяли в плен двух индейцев с целью представить их как «военный трофей» в г. Пукальпа, но оба пленника погибли в дороге. В Пукальпе же у браконьеров взяли интервью и поблагодарили за геройство (!). На границе Перу и Бразилии бра-

коньерами были убиты и сожжены еще 9 индейцев маско-пиро (так называют индейцев, избравших добровольную изоляцию)⁶⁰. Такова реальность отношений индейцев с самовольными захватчиками и старателями. Куда более трудную борьбу индейцам приходится вести, например, с колонистами в Амазонии, численность которых возросла после того, как президент Белаунде еще в начале 80-х годов прошлого века призвал отдать «землю без людей» (!) «людям без земли».

Правительство Перу выступает за анахроничную модель развития и разработки ресурсов Амазонии ценой экологического равновесия, что фактически отдает индейские земли в руки корпорациям. С протестами индейцев при этом обычно не считаются. Ведь приоритет имеют «национальные интересы»: те, кто против шахт и добычи нефти и газа – это «террористы и анти-патриоты»⁶¹. Кто же, в конце концов, виноват, как пишет перуанский исследователь Эспиноса де Ривера, что у индейцев нет понятия «развитие», а есть только понятие «жить хорошо»? Но это означает: иметь лес, чистые воду и воздух, много животных для охоты, жен и детей⁶². Таков индейский менталитет, с государственной выгодой не совпадающий. Но кто ответит: в чем заключается конечная выгода? На сегодняшний день в богатейшем некогда на планете по своему биоразнообразию (о сохранении которого так пекутся на международном уровне!) департаменте Мадре-де-Дьос есть районы, где вся дичь *полностью* уничтожена браконьерами, и индейцы вынуждены жить рыболовством. А там еще планируется провести участок трансконтинентального шоссе Бразилия – Перу (против его строительства индейцы активно протестовали, но безуспешно), как раз через леса, богатые красным деревом и кедром. Другого пути в обход рек и лесов у «прогресса» почему-то нет...⁶³

Фактически именно ради такого «прогресса» А. Фухимори во время своего президентства провел закон, по которому для решения земельных вопросов на собрании общинников (включая вопросы продажи или аренды земель) достаточно иметь кворум из 66% членов общины. Это при том, что многие общинники подолгу отсутствуют (уход на заработки и т.п.), а не-

которые вообще постоянно в них не живут. Безусловно, учитывалось и то, что общинную верхушку можно и подкупить. Президент А. Гарсиа пошел еще дальше и узаконил кворум в количестве 50% общинников⁶⁴. Все это существенно облегчило деятельность корпораций на индейских землях.

Индейцы законно требуют допуска к распределению прибыли, вырученной от добычи полезных ископаемых и соблюдения норм МОТ по защите их прав. Но правительство и корпорации обычно глухи к таким требованиям. К тому же к их услугам СМИ, которые всегда представят индейцев в самом невыгодном свете, полиция и армия. Индейские организации, направляющие и координирующие организацию протестов (ту же АЙДЕСЕП), всегда можно представить как «подрывные», а их активистов – как «дикарей, стоящих на пути прогресса», «собак на сене». Например, когда агуаруна служили в перуанской армии проводниками и разведчиками во время конфликта с Эквадором, они были героями. Но этих же ветеранов в 2009 г. обвинили в подстрекательстве и организации чуть ли не незаконных вооруженных формирований⁶⁵. Именно эта уверенность в собственной безнаказанности послужила причиной кризиса в Багуа в июне 2009 года. Конфликт имел следствием обострение отношений с Боливией, которую тоже обвинили в подстрекательстве. Примечательно, что ООН не обнаружила в связи с происшедшим никаких свидетельств геноцида индейского населения в Перу⁶⁶.

Перуанские аналитики утверждают, что, если правительство не сменит курс в отношении индейцев, не выработает соответствующую времени индейскую политику, такие события будут повторяться, поскольку индейцам становится ясно, что власти понимают только язык силы⁶⁷.

Негативные аспекты глобализации в Перу повлияли на политику индейских лидеров в одном очень важном вопросе. САОИ (Андский координационный центр индейских организаций), в который, в частности, входит и такая достаточно влиятельная сила, как Ассоциация общин, пострадавших от горных разработок, провозгласил лозунг участия индейских организа-

ций в президентских выборах 2011 г. с выдвижением собственного кандидата в президенты. Было решено добиваться такого представительства в парламенте, чтобы индейцев в нем было 30% депутатов, т.е. пропорционально численности индейского населения страны. Безусловно, на такое решение повлиял пример У. Чавеса в Венесуэле и особенно Э. Моралеса в Боливии, но его принятие само по себе было весьма показательным. До сих пор такой победы индейским лидерам Перу достичь не удалось в силу, прежде всего, их недостаточного единства.

Глобализация и демократизация отнюдь не ликвидировали «бытовой расизм» в Перу. Индейцы в глазах так называемых «белых» – это дикари, тупые, невежи и т.п., что с удовольствием обыгрывается СМИ. Да еще и «людоеды», как недавно сообщило агентство Рейтер об одной индейской группе, которая, по утверждениям авторитетных специалистов, никогда, даже в далеком прошлом, подобного ритуала не практиковала.

В том же направлении действует и ориентация на создание «экзотического» образа индейца, в контексте того, что в «новых условиях», при растущем спросе на «индейскую экзотику» становится выгодно «быть индейцем». Разумеется, при условии его достаточной европеизации: в городе с незнакомым человеком будут говорить только по-испански, даже в Аякучо, хотя бы этот незнакомец сам заговорил с вами на кечуа. Таково в реальности отношение к конституционному статусу языка.

Да, верно, быть индейцем в чем-то даже выгодно. Вопрос в том – кому? Появляются центры производства якобы «индейских» вещей, памятники индейской культуры становятся местом паломничества туристов, как своих, так и иностранных. На озере Титикака вновь «появились» давно исчезнувшие в тех местах уру (индейцы-рыболовы): ведь туристы хотят их видеть, значит они должны быть! Получается, что мультикультурализм выгоден властям именно с этой точки зрения, потому что во всем остальном индеец, по мнению перуанского исследователя Эспиносы де Риверо, олицетворяет собой, как и раньше, отсталость и «позор» для страны, которой необходимо поскорее создать единую метисную нацию⁶⁸.

Вопрос сегодня встает в такой плоскости: насколько способствует сохранению национальной культуры ее превращение в нечто, потребное исключительно для туристов? Любопытно, кто бывал за границей, знает, насколько туристская «экзотика» отличается от подлинной культуры конкретной страны. Безудержная пропаганда «экзотуризма», которая ведется сегодня, приводит зачастую к оскорбительным для местного населения вылазкам туристов в священные для индейцев места, а когда же они пытаются протестовать, то индеец сразу же становится плох, и СМИ с удовольствием обсуждают такую ситуацию. К тому же доходы от такого туризма все равно поступают в основном не индейцам. Например, в 2007 г. район Куско получил от туризма доход в 420 млн. долларов. Из них половина досталась двадцати крупным туристическим фирмам. Остальное распределилось так: «Перу-рэйл» (железнодорожная компания, монопольно владеющая дорогой Куско – Мачу-Пикчу) – 20%; 4-5-звездочные отели – 15%; общественные организации и муниципалитеты – 7,5%.

Будущее индейцев Перу остается туманным и неопределенным. Непризнанные государством как «народы» (а только как «общины»), они живут в провозглашенном сверху «поликультурном обществе», идея которого поддерживается государством до тех пор, пока она его устраивает для привлечения туристов, при том что реально для развития и сохранения этого самого поликультурализма не делается почти ничего. Сегодня индейцы Перу куда более уязвимы в смысле сохранения своей идентичности, культуры и самой среды обитания, чем в ряде других стран региона. Несколько более прочными позициями выделяются индейские общества Амазонии благодаря своей лучшей организованности. Но именно их земли вызывают сейчас наибольший интерес колонистов и добывающих компаний. Попытки части индейцев уйти в изоляцию (сегодня в Перу 15-20 таких групп) не могут быть решением проблемы. Такую группу «заинтересованные лица» скорее всего просто объявят несуществующей, как уже и было, потому что ее-де «никто не

видел». Именно так и заявил по поводу одной самоизолировавшейся группы председатель компании «Перупетро» Д. Саба.

У индейцев Перу (тех, кто хочет ими оставаться) главной на сегодняшний день задачей является заставить правительство и общество услышать их голос, чтобы изменить их отношение к своим проблемам. Пока же индейцы гораздо большую помощь получают из-за рубежа: от различных неправительственных организаций, ученых-антропологов и протестантских миссионеров. Глобализация поставила перед ними проблему выживания, сохранения их культур, языков и территорий – проблеме, так и остающуюся пока нерешенной.

* * *

¹ Березкин Ю.Е. Мифы заселяют Америку. М., ОГИ, 2007, с. 113; История Перу. М., Наука, 2000, с. 12-79.

² Lumbreras L.G. Arqueología de la América Andina. Lima, 1980.

³ Oliart P. El Estado Peruano y las Políticas sociales dirigidas a los Pueblos Indígenas en la década de los 90. – Perusocpolpuebind.pdf

⁴ Salomon F. Unethnic Ethnohistory. – Ethnohistory, 49:3 (summer 2002), p. 476-506; Рауц Н.В. Индейские языки Южной Америки. – «Латинская Америка», 2009, №5, с. 96.

⁵ Lenguas y tradiciones orales de la Amazonía. ¿Diversidad en peligro? La Habana, Casa de las Américas, 2006.

⁶ Березкин Ю. Е. Инки: исторический опыт империи. Л., Наука, 1991, с. 22-23; Degregori C.I. Peru: identidad, nación y diversidad cultural. – http://interculturalidad.org/numero01/b/arti.b_dfo_030404.htm ; «El quechua regresa a Lima». – <http://lapenalinguistica.blogspot.com/2006/08/el-quechua-regresa-lima.html>. Sunday, August 13, 2006.

⁷ Calancha A. de la. Corónica Moralizada del Orden de San Agustín en el Peru. Barcelona, 1638.

⁸ Masaquiza M. La política de preservar el quechua. – Revista Yachaykuna, №2, 2001, p. 1-5; Gleich U. von, Wolff E. (eds.). Standardization of National Languages. UNESCO Institute of Education. Hamburg, 1991.

⁹ Березкин Ю.Е. Указ. соч., с. 21-22; Натаров А.Н. Проблемы создания единого нормативного алфавита кечуа. – Исторические судьбы американских индейцев. Проблемы индеанистики. М., Наука, 1985, с. 273,274; Torero A. El quechua y la historia social andina. La Habana, Ciencias Sociales, 1980, p. 17-46; материалы ЛЛИ см. на сайте: <http://ww>.

ethnologue.com; Chirinos A. Las lenguas indígenas peruanas mas allá del 2000: Una panorámica histórica. – <http://revistandina.perucultural.org.pe/textos/chiri.doc>

¹⁰ Ракуц Н.В. Указ. соч., с. 95; Lee Van Cott D. From Movements to Parties in Latin America. Cambridge (N.Y.), Cambridge University Press, 2005, p. 142.

¹¹ Серов С.Я. Народы андских стран. – Семья у народов Америки. М., Наука, 1991, с. 227.

¹² Oliart P. El Estado Peruano y las Políticas sociales dirigidas a los Pueblos Indígenas en la década de los 90. – Perusocpolpuebind.pdf

¹³ Березкин Ю.Е. Указ. соч., с. 21.

¹⁴ Adelaar W., Muysken P. The Languages of the Andes. Cambridge, Cambridge University Press, 2004, p. 11; APWorldstream, 29.I.2000. – <http://pages.prodigy.net/keesing/apworldstream.html>; Oliart P. Op. cit.; IWRAP Publications. – <http://www.iwraw.net>; Moore Don. The sociolinguistics of Guatemalan Indian Languages and the Effect on Radio Broadcasting – Part Two. (1989). – <http://www/swl.net/patepluma/central/guatemala/guatlg2.html>; Chamocho W. Sobre la cuestión indígena y la identidad en el Perú. – <http://www.ecoportal.net/content/view/full/81139>; Chirinos A. Op. cit.; История Перу, р. 404; Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., Наука, 1986, с. 602-605, 663-667.

¹⁵ Ракуц Н.В. Указ. соч., с. 96.

¹⁶ Salomon F. Op. cit., p. 478; Posern-Zieliński A. Między indygenizmem a indianizmem. Andyjscy Indianie na drodze do etnorozwoju. Poznań, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 2005, p. 62-63.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Mayer E. Consideraciones sobre lo indígena. – Perú. Identidad nacional. CEDEP, Lima, 1979, p. 87-89.

¹⁹ История Перу, с. 405; Manifiesto del Pueblo Muchik (1996). – www.geocities.com/jorgejsachunc/confederacion/confe.1.htm

²⁰ Oliart P. Op. cit.; Lee Van Cott D. Op. cit., p. 143.

²¹ Defensoría del Pueblo Compendio de Legislación para los Pueblos Indígenas y Comunidades Nativas. Lima, 1999, p. vi.

²² Oliart P. Op. cit.; Chamocho W. Sobre la cuestión indígena y la identidad en el Perú: necesidad del cambio social. – <http://www.ecoportal.net/content/view/full/81139>

²³ Valdivia N., Benavides M., Torero M. Exclusión, identidad étnica y políticas de inclusión social en el Perú: el caso de la población indígena y la

población afrodescendiente. – [www. – grade.org.pe/download/pubs/InvPolitDesarr-14.pdf](http://www.grade.org.pe/download/pubs/InvPolitDesarr-14.pdf): 620.

²⁴ Ibid., p. 634-635; Posern- Zielinski A. La globalización en los países andinos y la situación de la población indígena. – *Estudios Latinoamericanos*, № 25. Varsovia-Poznań, 2005, p. 28.

²⁵ Cordero J. El coste del conflicto indígena en Perú. – *El País*, 18.VI.2009.

²⁶ Espinosa de Rivero O. ¿Salvajes opuestos al progreso?: aproximaciones históricas y antropológicas a las movilizaciones indígenas en la Amazonía peruana. – *Antropológica*, Año XXVII, № 27, diciembre 2009, p. 144.

²⁷ *Washington Times* 7/25/2002. – <http://asp.washtimes.com> ; по другим данным, число жертв было гораздо больше – 300-350 тыс. – <http://www.servindi.org/actualidad/6485> от 09.01.2009; Carpo A. In Amazonia. Milano, Feltrinelli, 2006, p. 137.

²⁸ Carpo A. Op. cit., p. 19.

²⁹ Espinosa de Rivero O. Op. cit., p. 125.

³⁰ *История Перу*, с. 405.

³¹ Perú ecológico: aguaruna. – http://www.peruecologico.com.pe/etnias_aguaruna.htm; Aguaruna: [http://www. selvasperu.org/documents/Aguaruna.pdf](http://www.selvasperu.org/documents/Aguaruna.pdf)

³² Lewellen T. *Peasants in Transition*. Boulder (Colorado), Westview Press, 1978, p. 44-45, 51-52.

³³ Aguaruna. – <http://www.selvasperu.org/documents/Aguaruna.pdf>; Harakmbut. – <http://www.selvasperu.org/documents/Harakm.pdf>; Gray A. *L'ultimo sciamano*. Roma, Bulzoni, 2000, p. 69, 214, 334-335.

³⁴ *El País*, 14.VI.2009; Aznárez J.J. «La ministra mandó a la policía meter bala». – <http://www.elpais.com/articulo/internacional/ministra/mando/policia/meter/bala/>

³⁵ Mayer E. Op. cit., p. 88.

³⁶ *История Перу*, с. 406-407.

³⁷ Серов С. Я. Указ. соч., с. 229.

³⁸ Avila Molero J. «Se hace camino al andar». La peregrinación del taytacha Qoyllur Rit'i hacia Nueva York. – *Revista Andina*, 2003, № 37, p. 55-56.

³⁹ Lewellen T. Op. cit., p. 68.

⁴⁰ Gray A. Op. cit., p. 36, 60, 61, 215, 242-262, 286-290, 338, 341.

⁴¹ Society-Aymara. – http://lucy.ukc.ac.uk/ethnoatlas/Hmar/Cult_dir/Culture.7828

⁴² Lewellen T. Op. cit., p. 109-140, 142-143; Серов С.Я. Указ. соч., с. 232.

⁴³ Salomon F. Op.cit., p. 480-484, 492-493.

- ⁴⁴ Claverías Huerse R. Estructura de las comunidades campesinas en Puno. – *Arqueología en Bolivia y Perú. (Jornadas peruano-bolivianas, T. 2).* Biblioteca Paceña. La Paz, 1977, p. 202, 208.
- ⁴⁵ Lewellen T. *Op. cit.*, p. 109-140; Люсье К. «Ритуальные специалисты» у горных пастухов аймара: духовный оппортунизм или творческая интеграция разнородных духовных сил? – *История и семиотика индейских культур Америки. М., Наука, 2002, с.373-387.*
- ⁴⁶ Oliart P. *Op. cit.*
- ⁴⁷ Aguaruna. *Op. cit.* – <http://www.selvasperu.org/documents/Aguaruna.pdf>; Harakmbut, *op.cit.*:<http://www.selvasperu.org/documents/Harakm.pdf>
- ⁴⁸ Arocena F. Multiculturalism in Brazil, Bolivia and Peru. – *Race & Class*, 2008; 49;1, p. 16 – <http://rac.sagepub.com/cgi/content/abstract/49/4/1> ; Поморцев А. Революция по-индейски. – *РБК daily*, 20.VIII.2008.
- ⁴⁹ См.: *Manifiesto del Pueblo Muchik*, 1996 (с предисловием Р. Шеделя).
- ⁵⁰ Call ti Lima. Summit of the Peoples. *Enlazando Alternativas* 3, 13-16.V.2008. – www.enlazandoalternativas.org/
- ⁵¹ Chirinos A. *Op. cit.*
- ⁵² *Ibidem*; Salomon F. *Op.cit.*, p. 492; Posern-Zieliński A. *Między indygenizmem a indianizmem*, p. 62-63.
- ⁵³ Гончарова Т.В. Индеанизм: идеология и политика. М., Наука, 1979, с. 166-168.
- ⁵⁴ Méndez C. G. *Populismo militar y etnicidad en los Andes: Presentación del Dossier.* – *Iconos*, № 26. Quito, 2006, p. 13-14; González Manrique L.E. *El «etnonacionalismo»: las nuevas tensiones interétnicas en América Latina.* – *ARI*, 2005, № 59, Real Instituto Elcano 2-3; *BBCMundo.com* 2005/01/01.
- ⁵⁵ Yashar D.J. *Contesting Citizenship in Latin America.* Cambridge (N.Y.), Cambridge University Press, 2005, p. 267.
- ⁵⁶ Прекрасно описана современная ситуация в Амазонии на примере этноса харакмбут в вышеупомянутой книге английского антрополога А Грея – Gray A. *The Last Shaman: Change in an Amazonian Community.* Oxford, Berghahn Books, 1997 (мы пользовались итальянским ее переводом за неимением оригинала).
- ⁵⁷ Arocena F. *Op. cit.*
- ⁵⁸ «El quechua regresa a Lima».
- ⁵⁹ Lajó J. *Las condiciones para un diálogo digno.* – www.Willkapampa.org/opinion/Por_un_dialogo_digno_indigenas_Estado.doc
- ⁶⁰ Carpo A. *Op. cit.*, p. 88,117,180.
- ⁶¹ Espinosa de Rivero O. *Op. cit.*, p. 125-126.
- ⁶² *Ibid.*, p. 153.
- ⁶³ Carpo A. *Op. cit.*, p. 49, 262.

- ⁶⁴ Ophélimos Comunidad Economica en Red. – [http. – www.indimedia.org](http://www.indimedia.org)
- ⁶⁵ Espinosa de Rivero O. Op. cit., p. 148.
- ⁶⁶ El País.com – Lima/Madrid, 20.VI.2009.
- ⁶⁷ Espinosa de Rivero O. Op. cit., p. 159.
- ⁶⁸ Ibid., p. 127,132,139.

БОЛИВИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ ИНДЕЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Отсчитывая ход жизни и истории, мы привыкли мерить часами, месяцами, столетиями. Позади первое десятилетие XXI в., на которое возлагались большие надежды на перемены и обновление общества. Оно открывает путь в будущее – мир сложнейших технологий, культурно-политической глобализации и социальной модернизации. Боливия смело шагнула в новый век, взломав прежние устои и перевернув старые идеи и представления. Недавние события раскачали устоявшиеся социально-политические институты и повлекли структурные изменения в общественной архитектуре. Отправной точкой явился 2000 г., когда произошли первые вспышки народного недовольства государственной моделью, построенной в период демократического транзита 80-х годов XX столетия. Впоследствии наступление массы шло по нарастающей, пока в 2005 г. не увенчалось «мирной революцией», приходом к власти первого президента индейского происхождения и сменой курса национального развития. Попытка утверждения новой национальной идеи повлекла трансформацию общественных институтов и социальных групп; произошла переоценка партийных ориентиров и долгосрочных программ во внутренней политике, изменилась позиция страны на международной арене.

Боливия – государство, расположенное на высокогорном плоскогорье величественного андского хребта и на широких равнинах в самом сердце континента. На этой земле расцвели могущественные культуры древних народов и здесь живут их потомки. Они хранят в себе память великих цивилизаций, которыми сегодня мы восхищаемся и жалеем, что потеряли их безвозвратно. Во времена колонизации сюда пришел новый мир – далекая заокеанская Европа принесла чуждые традиции и иные устои. 500 лет «два света» сосуществовали бок о бок, стараясь

приспособиться или перемешаться. И все же единая боливийская нация так и не сложилась. Два лоскута были сшиты, но не умелым мастером – человеком. Шов остался, от старости он притерся и стал почти незаметен. Но ни время, ни воля не смогли сделать хрупкое прочным.

Этнический вопрос в Боливии осложнен крайней неоднородностью состава населения. Наиболее простой критерий дифференциации – это расовая принадлежность (индейцы – неиндейцы). Группа «индейцы», включающая в себя различные этносы коренного населения (кечуа, аймара, гуарани и др.), составляет более 62% населения¹. В группу «неиндейцы» входят в основном метис и креолы, являющиеся носителями культуры «западного» типа. Существуют и другие критерии, которые выделяют в качестве отдельных категорий метисов и «чоло».

«Индийское большинство» – популярный термин среди политиков, общественных деятелей и ученых – противопоставляется «белому» и метисному меньшинству. Однако, несмотря на сходство всех боливийских индейцев, они представляют собой уникальные этногруппы, обладающие различными культурными характеристиками, социальным статусом и политическими интересами. Противоречия, препятствующие консолидации нации, существуют не только между расами, но и среди самого индейского населения.

Всего на территории Боливии проживает более 30 различных этносов. Получение более точных данных затрудняется сложностью выбора оснований для статистического анализа. Согласно данным лингвистов, на языке кечуа говорит около 3 млн. человек. Выделяют северо-боливийский кечуа, употребляемый в основном в районе Ла-Паса (чуть более 100 тыс. носителей), и южно-боливийский кечуа, распространенный по всей территории страны (более 2 млн. 700 тыс. человек). Носители языка аймара составляют около 2 млн. человек. Наиболее крупный этнос из равнинных индейцев – гуарани – подразделяется на восточный боливийский гуарани (33700 чел.) и западный боливийский гуарани (около 7000 чел.). Некоторые языки находятся на грани исчезновения. Средними по числу носите-

лей можно считать языки чипайа (1800 чел.), эсе-эхха (1300 чел.), тсимане (5320 чел.), чикитано (5860 чел.), гуарайо (5930 чел.)².

Культурное ядро индейского населения Боливии составляют индейцы колья – кечуа, проживающие в высокогорных департаментах Ла-Пас, Кочабамба, Оруро, Потоси, и аймара, живущие на самом западе страны на берегах озера Тикикака. Они ощущают себя наследниками древнего государства инков, простиравшегося на высокогорьях Анд, занимая территории современных Боливии, Перу, Эквадора и Чили. Специфика культуры колья объединяет обобщенные характеристики, присущие народом андского мира и включает в себе способы и принципы выражения и воспроизведения ее особенностей в повседневной жизни. Ее сохранность обеспечивает индейская община – айлью – первооснова андского общества со времен инков и сегодня живущая по законам обычаев и традиций предков.

В широком смысле андский регион отождествляют с индейской цивилизацией в целом и противопоставляют западной, привнесенной на континент испанскими завоевателями. В данном случае основным критерием становится шкала «традиция-модернизация». Часто «андинидад» ассоциируется с отсталостью, консервированием социокультурных моделей прошлого и рассматривается как препятствие современному развитию, модернизации и национальной интеграции. Сторонники подобного подхода полагают, что прогресс может прийти на андскую землю исключительно под влиянием западных ценностей и технологий.

Эта концепция опровергается другим направлением общественной мысли, которое предполагает, что андская цивилизация обладает собственным внутренним потенциалом развития. В 1989 г. боливийский исследователь индейских культур андского региона П. Де Зутгер писал: «В противовес хроноцентрической и антропоцентрической цивилизации Запада андская цивилизация может быть охарактеризована как пространство-центрическая и космоцентрическая. Мы должны критически

пересмотреть все мифы о прогрессе и развитии, соответствующие западной парадигме»³.

Объединяющей идеей, которая занимает центральное место в определении сущности андской самобытности, является вера индейцев в реставрацию древней цивилизации и государственности Инков. Перуанский историк А. Флорес Галиндо обозначает эти глубинные представления о должном мироупорядке как «андская утопия»⁴, истоки которой коренятся в социальной памяти коренного населения, не способной преодолеть боль прошлого.

Буквальное понимание утопических представлений было характерно для сознания индейцев во времена колонизации и отражено в мифологической концепции бытия. В течение нескольких сотен лет среди индейцев бытовало пророчество об Инкарри. Согласно мифу, тело умершего Инки возродилось под землей в ожидании подходящего момента для того, чтобы появиться вновь в реальном мире. Этот сюжет тщательно воспроизводился в ритуальных танцах и представлениях, сохраняя тем самым надежду на возвращение вождя. Самой легендарной вспышкой в истории борьбы андских индейцев стало восстание 1781 г. в Ла-Пасе. После 109-дневного сопротивления мятежники сдались королевским властям. Тогда их предводитель Тупак Катари произнес слова, ставшие легендарными: «Я умираю сегодня, но я вернусь, и я стану миллионами».

Смерть андских вождей конца XVIII в. означала переход мифа из идеологической плоскости в политическую. Смыслом андской утопии стала надежда на построение истинно справедливого общества на основе древних устоев. Такое понимание было характерно, например, для выдающегося перуанского мыслителя Х.К. Мариатеги, искавшего новые формы политической организации в Латинской Америке и видевшего альтернативу западной модели модернизации в построении социалистического общества на основе аутентичных принципов⁵.

Миф перешагнул границы древней легенды и трансформировался в социально-политическую идеологию «индейского возрождения». Несмотря на экономическую отсталость и поли-

тическую нестабильность, в течение последних десятилетий XX в. интеллектуальная элита Боливии ставила вопрос о «ренессансе» коренных народов и выборе страной особого пути, в основе которого лежит не западная модель, а цивилизационная матрица древних индейских государств⁶.

В 1992 г., в юбилейный год 500-летия открытия Америки, дискуссия вокруг индейского вопроса развернулась особенно остро. Призывы к возрождению доколумбовой цивилизации подкреплялись давними народными верованиями и легендами. В индейской среде широкое распространение получила идея о том, что страшные 500 лет угнетения и несправедливости остались позади. В соответствии с древним мифом о круговороте бытия история замедлила свой бег, чтобы все живое на земле переродилось. Споры вызывал сам термин «открытия Нового Света», односторонность которого объяснялась тем, что экспедиция Христофора Колумба явилась «открытием» только для европейцев, но не для исконных жителей американского континента. Взамен было предложено более корректное понятие «встречи культур». Памятники первооткрывателям и героям конквисты стали демонтировать и на их место ставить монументы индейских вождей и богов, в знак того, что облик Америки меняется. По мнению идеологов «индейского возрождения», внешне сломленная и разрушенная культура предков не исчезла. На фоне доминирования европейского образа мироустройства она приспособилась существовать в «катакомбном» состоянии. Теперь настал черед поменяться ролями.

В политической плоскости эта тенденция выражалась в переосмыслении роли индейского большинства, законодательном закреплении прав коренных народов, появлении новых индейских лидеров и возникновении множества политических и общественных организаций, зачастую радикального характера.

Основа для создания индейского движения была заложена во времена Боливийской революции 1952 г., когда индейцы, наконец, получили право голоса. Однако в последующие годы их надежды не оправдались. В индейской среде заговорили о необходимости создания инструментов сопротивления – кре-

стьянских организаций и политических партий, способных оспорить традиционное доминирование «белых». Сочетание политической и духовной работы интеллектуалов аймара нашло отражение в движении катаристов, которое на политической арене оформилось в виде двух объединений – Индейское движение Тупак Катари (Movimiento Indio Tupaq Katari – МИТКА) и Революционное движение Тупак Катари (Movimiento Revolucionario Tupaq Katari – МРТК). Позднее, в 80-е годы движение раскололось на почти десяток мелких группировок с катаристскими названиями. Однако ни одна из них не имела значительного влияния на политику государства.

Первое мощнейшее объединение индейских народов высокогорья – Конфедерация (Confederación Sindical Unica de Trabajadores Campesinos de Bolivia – КСУТСБ) – было основано в 1979 г. при поддержке самого влиятельного профсоюза КОБ (Central Obrera Boliviana – СОБ). Она была создана на базе мелких ассоциаций, начавших возникать в 1970-е годы. Ее лидеры, по происхождению индейцы-аймара, вдохновляемые марксистскими идеями и теориями катаристов, стали выразителями чаяний индейского крестьянства. Конфедерация заявила о себе, устраивая акции протеста и массовые демонстрации, с целью привлечь внимание государства на бедственное положение коренных народов. КСУТСБ задумывалась как орган по защите прав индейского населения, однако особо подчеркивалось, что не стоит понимать ее только как сугубо этническую организацию. Лидеры движения обращали внимание на то, что реальность, особенно в сельской местности, не позволяла поднимать этнокультурные вопросы без их социально-классовой подоплеку. Будь то индейские общины или крестьянские кооперативы, они представляли собой симбиоз традиционного и современного образа жизни. Горняки и городские рабочие образовывали иную социальную группу населения, предъявляя государству совершенно различные требования, хотя в то же время оставались индейцами, стараясь не рвать связи с родными общинами. Это значительно расширяло социальную базу КСУТСБ и позволяло рассчитывать на ее определенное воздействие на власть.

Наиболее радикальный проект «возрождения» был предложен националистом-аймара Фелипе Киспе. После того, как он был назначен генеральным секретарем КСУТСБ, ему был присвоен титул *малку* – вождя всех аймара. Политическая карьера Ф. Киспе началась еще в начале 1980-х годов, когда он входил в ряды катаристов и создал собственное военное крыло – Партизанскую армию Тупак Катари (*Ejército Guerrillero Tupaq Katari*), устраивавшую террористические акции в знак несогласия с политикой «белых» властей. В 1992 г. он был арестован и пробыл в тюрьме до 1997 года. В течение последующих лет он активно руководил действиями, направленными против правительства Уго Бансера (1997–2002), которые из мирных манифестаций нередко перерастали в насилие. В 2002 г. им была организована новая партия Индейское движение Пачакутик (*Movimiento Indígena Pachakutik* – МИП). Лозунги МИП выстраивались на противостоянии и непримиримой вражде между «двумя Боливиями» («*dos Bolivias*») – белой, европейской и темнокожей, индейской. Более того, Ф. Киспе призывал к расколу страны и созданию собственного государства индейцев аймара. Такая позиция, безусловно, не могла рассчитывать на успех на национальном уровне, но в то же время не могла не вызывать, если не поддержки, то хотя бы сочувствия и симпатии со стороны угнетенного большинства.

Другое крыло индейского движения составили ассоциации кокалерос⁸. Политическая мобилизация крестьян, живущих за счет продажи коки, началась после того, как в стране восторжествовала демократия, принеся гражданские и политические свободы, но одновременно и усиление государственного и международного контроля в области наркопроизводства.

Уже 1983 г. был отмечен восстаниями индейцев с требованиями решения аграрных проблем и прекращения программ по сокращению посевов коки. Свои протесты они подкрепляли блокадами центральных магистралей. В районах культивирования растения – Чапаре (Кочабамба) и Юнгас (Ла-Пас) – постепенно сложилась структура по координации деятельности федераций кокалерос. К 1990 г. в Чапаре насчитывалось 160

локальных союзов, подчиняющихся 30 центрам (*centrales*), которые в свою очередь были объединены в 5 федераций. В Юнгас также насчитывалось 5 федераций⁹. Был создан единый Координационный комитет. В этих регионах объединения кокалерос стали пользоваться наибольшим влиянием и поддержкой среди населения.

Хотя основной задачей федераций являлась защита экономических прав крестьян, многие аналитики сходятся во мнении, что это было во многом этническое движение. В основном федерации состояли из индейцев кечуа или аймара, которые сохраняли связи с традиционными общинами. Они на собственном опыте знали, что значит дискриминация по расовому признаку и тем или иным образом были связаны с КСУТСБ, позиционирующей себя в этнокультурном дискурсе. Лидеры крестьян обосновывали свое сопротивление государственной политике по уничтожению посевов наркокультуры, апеллируя к истории и традициям культурной и религиозной практики андских индейцев, поскольку листья коки играют значимую роль в символической концепции бытия коренных народов и широко используются ими в хозяйственных целях. Кока хорошо помогает адаптации организма к условиям высокогорья и входит в состав лекарственных средств, чая, мыла и др. Это обстоятельство привлекло на сторону кокалерос правозащитников и антропологов, историков и журналистов.

Движение кокалерос создало новых лидеров, одним из которых и стал будущий президент Эво Моралес. Эво родился и вырос в одной из индейских общин в департаменте Оруро. В юности он зарекомендовал себя как ярый противник неолиберализма, борец за справедливость и против угнетения индейцев и крестьян. Своей политической карьерой Э.Моралес обязан движению кокалерос. В начале 90-х он уже возглавлял одно из центральных объединений – Комитет федераций тропиков Кохабамбы (*Coordinadora de las Federaciones del Trópico de Cochabamba*) и претендовал на роль лидера Ассамблеи народовластия (*Asamblea por la Soberanía de los Pueblos – АСП*) – политического крыла КСУТСБ. Из-за возникших внутренних

противоречий АСП раскололась. Э. Моралес создал собственное движение Политический инструмент народовластия (Instrumento Político para la Soberanía de los Pueblos – IPSP, ИПСП). На национальных выборах 1997 г. ИПСП, взявшее название уже существовавшей партии – Движение к социализму (Movimiento al Socialismo – MAS, МАС)¹⁰, совместно с партией Объединенная левая (Izquierda Unida – IU) добилось результата 3,7% по пропорциональной схеме и делегировало в Конгресс 4 депутатов, среди которых был сам Эво Моралес¹¹.

Позднее МАС приобрело более широкую социальную идентификацию. Хотя некоторое время велись споры о том, чтобы в название добавить слова «общинный» или «пачакути», несущие культурно-этническую коннотацию. Пачакути – на языке кечуа означает возвращение, возрождение, перерождение (kuti) мира, земли, мироустройства (pacha). Это ключевое понятие андской культуры, воплощающее в себе базовые представления о вселенной, миропорядке и месте человека на земле. Со времен выдающегося правителя инков XV в., носящего имя Пачакути или Пачакутек, понятие приобрело политический контекст и стало символом индейской борьбы против инокультурного влияния Запада.

МАС нельзя назвать собственно этническим движением, однако его вполне можно вписать в индеанистское течение. Его идеологические взгляды обращены к наиболее бедной и социально незащищенной части населения, что характерно для левых партий. Специфика боливийского политического пространства такова, что такие воззрения обязательно несут этнический компонент. К этому обязывает четкая привязка социального положения и этничности – чем больше индейской крови, тем беднее человек. Индейский колорит добавляет фигура лидера движения – Э. Моралеса, подчеркивающего свое происхождение из общины аймара.

Несмотря на достаточно очевидную направленность политики Э. Моралеса, по сути, четкую и выверенную программу он не представил. Это был обобщенный набор требований, выкристаллизовавшихся во времена уличной борьбы. Среди них выде-

лялись ключевые принципы – антиглобализм, антиимпериализм, уважение к культуре предков и социальная справедливость. «Тремя китами» политики президента стали земля, природные ресурсы и кока. Словами Э. Моралеса «МАС родилось и приобрело силу из борьбы индейского народа в защиту своей идентичности, которую олицетворяет лист коки, защиту нашей земли, которая есть наша мать, защиту наших природных богатств – нашей надежды и нашего наследия»¹². Согласно лидеру, его концепция есть не что иное, как новое понимание популярного термина «партиципативной демократии»*, наполненного несколько иным смыслом. Для Боливии он означает создание модели государства с большой степенью участия граждан в политическом процессе, основанном на признании прав индейцев и эффективном управлении, согласно их цивилизационным принципам. Центральное место отводилось понятию «культурное наследие».

Движение МАС строилось на нескольких различных базовых позициях и представляло конгломерат нескольких политических сил¹³. Констатируя гетерогенность в идеологической

* Концепция партиципативной демократии получила распространение в 70-е годы XX века. Она основана на понимании демократии как способа повседневного существования всех членов общества и предполагает не только широкое участие граждан в политическом процессе, но и всестороннюю демократизацию всех сфер жизни, в том числе в семье, школе, предприятии, государстве. Политическая активность выступает не как цель, а как целеполагание, так как способствует самореализации личности и обеспечивает наибольший учет интересов граждан. Формирование идеального партиципаторного общества возможно по принципу, сформулированному идеологом данной модели К. Пейтманом: «учись участвовать, участвуя». Оно характеризуется прямым вовлечением граждан в управление без посредников (политических и социальных институтов), подотчетностью лидеров рядовым членам и высшей степенью демократической легитимности. Критики концепции отмечают, что всеобщая политизация ограничивает индивидуальную свободу, подавляет конкуренцию и частную инициативу, подчиняя личность решениям большинства, что создает угрозу частной собственности и предпринимательству, а также риски перехода к авторитарному режиму и тоталитаризму.

основе МАС, внутри него можно было выделить ключевые действующие направления и блоки¹⁴.

Первое направление – *индихенистское*, выдвигающее этнонационалистические идеи и призывающее к возрождению и реконструкции исконного индейского андского мира. Индихенистский блок был представлен радикальным крылом лидеров, преимущественно индейцами-аймара по происхождению, которые использовали этнические и культурные смыслы и символы в качестве базисных элементов политической самоидентификации. Среди основных деятелей, артикулировавших эту тенденцию, – министр иностранных дел Д. Чокеуанка, один из основателей МАС, экс-парламентарий Р. Лойоса, сенатор от департамента Ла-Пас Л. Вилка и др.

Второй блок представлял *этатистскую* тенденцию, нацеленную на усиление государства и жесткую экономическую политику. Его возглавил вице-президент А. Гарсиа Линера, объединивший сторонников государственного планирования, значительного вмешательства государства в экономику и быстрой индустриализации. В основу их политики лег курс на огосударствление и контроль над использованием природных богатств с последующим перераспределением полученных средств на социальные нужды. В рамках этого направления министром сельского хозяйства Уго Сальватьеррой была предложена идеология антикапитализма и антиимпериализма. В его трактовке ядром конфликтности в боливийском обществе стало не противопоставление «индейцев – не индейцам», а противоречие «Боливия – империализм». А индейский компонент присутствовал в качестве ведущей силы по борьбе с империализмом. Политики этого направления верили в построение «социализма с человеческим лицом». Для достижения поставленной цели ими была разработана концепция «социализма по-боливийски», отрицающая социально-философские и политические теории прошлого и строящаяся на реалиях сегодняшнего дня. Таким образом, для них МАС – «классическая» латиноамериканская левая партия, имеющая «индейское лицо» в силу демографических особенностей.

Третье направление, определяемое как популистское, представлял сам Эво Моралес и его ближайшие соратники. Они позиционировали себя как проводники и защитники интересов бедняков, крестьян и рабочих, индейцев и кокалерос. Ключевыми понятиями для них были «справедливость, равенство и достоинство». Индейский вопрос здесь преломлялся в социальном аспекте. С точки зрения национально-этнического развития, Моралес рассматривал страну как «родину для всех» («*pátria de todos*»), и так как большинство составляли представители коренных народов, то его политика главным образом была направлена на защиту их интересов¹⁵.

Поворотным пунктом в реформировании страны Эво Моралесом стало принятие новой конституции, которая закрепила новые принципы государства. Основной закон был обнародован президентом на церемонии в Эль-Альто и вступил в силу 7 февраля 2009 года. Уже во вступлении, написанном в пафосном тоне любви и уважения к истории и традициям Родины, говорилось о смешении рас и культур, о единстве многочисленных народов, населяющих священную для них землю и рождении нового государства, основанного на принципах равенства, справедливости, солидарности и достоинства. В общих положениях конституции устанавливался многонациональный и поликультурный характер государства. Статья 1 гласила: «Боливия – унитарное социальное правовое многонациональное коммунитарное государство; оно является свободным, независимым, суверенным, демократическим, межкультурным, децентрализованным и включает автономии»¹⁶. Государственными языками Боливии, согласно статье 5, наряду с испанским были признаны 37 индейских языков.

Особое внимание в конституции было уделено коренным индейским народам и этносам. В качестве отдельной социальной категории граждан вводилось новое понятие: «индейцы-крестьяне». Закон закрепил традиционное индейское право наравне с обычными формами судопроизводства. Это позволило решать дела внутри индейских общин в соответствии с их нормами, культурными ценностями и обычаями. Конституция

установила 18 базовых прав индейцев, среди которых право на свободу, на культурную и религиозную идентичность, обычаи и собственное миропонимание, на традиционную медицину, ритуалы и символы, а также право на образование, учитывающее национально-культурные особенности. Государство гарантировало распределение в пользу индейских общин доходов от использования природных ресурсов на территориях их проживания. Особенно было подчеркнуто право на исконные земли и территории, причем границы индейских автономий определялись на основе исконных ареалов проживания и потребностей населения.

Однако реформы президента (выходца из западной части страны), проводимые под лозунгами индейской борьбы и построения нового общества на основе андских устоев, не нашли должного отклика в восточных департаментах так называемого «полумесяца» (Media Luna) – Санта-Крус, Бени, Пандо и Тариха, которые обладают собственным этнокультурным и политико-экономическим единством. На фоне усугубления региональных противоречий, обострившихся с приходом во власть представителей андского культурного пространства, этнические различия «сработали» безошибочно. Всплеск национализма, идущий из высокогорного Ла-Паса, повлек ответные действия в «нижних землях».

Дело в том, что жители восточных районов страны, составляющие так называемую *нацию камба* (nación camba), традиционно позиционируют себя как отличные от андской Боливии и даже противостоящие ей. На протяжении многих столетий на первом плане политического сознания боливийского общества стояло противостояние креольской «знати» и андского «плебса». Коренное население востока, оказавшись выброшенной из этой дихотомии, было вынуждено искать собственную идентичность. Термин «камба» («черный человек» на языке гуарани) долгое время оставался презрительным названием для равнинных индейцев, ядро которых составляли народы гуарани¹⁷. Но в середине XX в. так начали именовать всех жителей восточных территорий, произошедших от смешения по-

томков испанских конкистадоров и аборигенов¹⁸. Сегодня камба определяют себя как прогрессивное, современное общество, выступающее за модернизацию на основе принципов либерализма и демократии, в отличие от высокогорных колья – традиционалистов и антиглобалистов.

Боливийский исследователь Э. Пруден обосновывает современный сепаратизм боливийского востока изначальными историческими противоречиями между гуарани и кечуа-аймара¹⁹. Э. Пруден отсылает нас к событиям войны в Чако (1932–1935) между Парагваем и Боливией. По его мнению, именно в тот период восточная элита окончательно приняла идею принципиального отличия камба от западной (андской) в пользу испанского культурного наследия. Эта идея скорее связывала ее с «белым» равнинным Парагваем или Аргентиной, чем с индейской Боливией.

Базовое различие между высокогорьем и равнинами заключается в позиционировании и взаимодействии этносов. Если для кечуа-аймара характерно выстраивание отношений с европейской цивилизацией на принципах противостояния, неприятия и оппозиции, что естественно для более сильной, системообразующей культуры, то восточные этносы, существующие в рамках «периферийного» социокультурного пространства, ориентированы на создание единого культурного организма на основе смешения и мультикультурной кооперации. Индейцы гуарани, исконные жители этих мест, оказываются на пересечении противоборствующих сторон. С одной стороны, они составляют электорат индейских партий. С другой – им близки идеи формирования нации камба, берущей за основу принципы западной цивилизационной модели прогресса и конкурентного рынка. Коренные жители востока активно участвуют в политике «полумесяца», где функционирует одна из наиболее влиятельных индейских организаций – Конфедерация индейских народов Боливии (Confederación de Pueblos Indígenas de Bolivia – СИДОВ, СИДОБ). Она была основана в 1982 г. в городе Санта-Крус. Первоначально в нее входили четыре этнические группы равнинных индейцев – гуарани-

исосеньо, чикитано, айорео и гуарайо. В 1998 г. к ним присоединились еще 30 этногрупп нижних земель из 7 департаментов (Санта-Крус, Бени, Пандо, Тариха, Чукисака, тропическая Кочабамба, северный Ла-Пас). К 2008 г. СИДОБ объединяла 1500 общин, имела 9 региональных отделений, функционировала на всех уровнях, сотрудничая с государством, местными властями и международными организациями и другими индейскими союзами. Ее задачей являлась правозащитная деятельность, а также представительство в общественных и частных инстанциях с целью эффективного участия в социально-экономическом и культурном развитии региона и принятии политических решений на локальном, национальном и международном уровнях²⁰.

На сегодняшний день департамент Санта-Крус и остальная часть «полумесяца» представляют собой наиболее экономически развитый промышленный район, который «тянет» за собой чуть ли не всю страну. Но нужно признать, что заслуга в этом принадлежит не индейцам. Этнодемографический фактор, определивший гигантские социальные диспропорции, является одной из важнейших предпосылок для возникновения конфликтов как на межличностном уровне, так и в политических кругах. Провинции «полумесяца» – наименее «индейские» по составу населения (процент индейцев в Пандо – 16,2%, Тарихе – 19,7%, Бени – 32,8%, Санта-Крус – 37,5%) по сравнению с западными высокогорными регионами, где коренные народы составляют более 65% в каждом из департаментов (Чукисака – 65,6%, Оруро – 73,9%, Кочабамба – 74,4%, Ла Пас – 77,5%, Потоси – 83,9%)²¹.

В эпоху неолиберальных преобразований Санта-Крус и окрестные земли получили новый импульс к развитию. Реформы, направленные на децентрализацию власти, дали экономическую свободу регионам. Основу экономики востока составили сельское хозяйство и нефтегазовая индустрия, которые оказались для зарождающегося класса бизнесменов перспективной альтернативой постепенно становящемуся убыточным горнорудному делу. В модернизацию департамента стали вкладывать

деньги транснациональные компании и международные организации. Всемирным Банком были выделены специальные средства на развитие «нижних земель»²².

К середине 2000-х годов департамент Санта-Крус занимал лидирующую позицию по уровню жизни населения. На 33,7% территории страны с населением 2,5 млн. человек приходилось около 28% ВВП Боливии²³. По сравнению со средним показателем по стране в 58,6%, порог бедности здесь не превышал 38%. На втором месте стояла Тариха, где за чертой бедности проживало 50,8%²⁴. В Тарихе сосредоточено 85% боливийских запасов природного газа, в то время как население департамента составляет всего 5% от общего числа боливийцев. На два департамента приходилось более 82% производства газа (Тариха – 60%, Санта-Крус – 22%), что обусловило их высокие экономические показатели²⁵. По данным на 2007 г., в Тарихе подушевой доход составил 3529 дол., что почти в полтора раза больше, чем в Санта-Крусе. Самый бедный департамент востока – Бени (887 дол.). Сравним эти цифры с данными по высокогорным департаментам. Самые высокие показатели в Оруро (1511 дол.), самые низкие в Потоси (995 дол., где за чертой бедности проживает 79,7%)²⁶.

В связи с этим важнейшей проблемой явилась внутренняя миграция из бедных горных районов в «нижние земли», обеспечить которую государство оказалось не готово. Новые поселенцы несли угрозу социальной стабильности в восточных департаментах. Наибольший поток иммигрантов принимал на себя департамент Санта-Крус, где около 40% населения составляли переселенцы²⁷. Большинство из них – представители высокогорья. Андские мигранты, осевшие на востоке, объединялись в новую этносоциальную группу – «камба-кольяс». В основном это – дети мигрантов, частично усвоившие социальные нормы камба, но остающиеся верными традициям колья. Однако, к сожалению, по многим причинам (социальным, экономическим, культурным, ментальным) камба-кольяс несли в себе не связующе-адаптирующее начало, а, скорее, ядро конфликтности. Прежде всего, это было связано с низким уровнем образо-

вания и доходов мигрантов, приезжавших в поисках новой жизни и зачастую ее не находивших, что порождало озлобленность и разобщенность.

Наиболее ярким примером последствий такой миграции мог бы служить город-спутник Андрес-Ибаньес или трущобный район г. Санта-Крус-де-ла-Сьерра. За ним закрепилось нестандартное название «План 3000». Первоначально это был район, где проживали иммигранты с высокогорья. В 1981 г. он оказался почти полностью разрушенным в результате разлива реки Пираи. Местный муниципалитет разработал проект постройки временного жилья, предназначенного для 3000 семей, пострадавших от наводнения. Впоследствии «План 3000» стал прибежищем для многих переселенцев и превратился в маргинальный район для тысяч разнорабочих, водителей, грузчиков, мелких торговцев и нянек, работающих в центре столицы. К началу нового века население Андрес-Ибаньес уже насчитывало более 250 тыс. человек, большинство из которых составляли выходцы из Ла-Паса, Потоси, Оруро и Кочабамбы. Этот город – символ нищеты и социально-расовой дискриминации – считался бастионом Движения к социализму. Традиционно жители подобных районов и городков пополняли электорат левых и радикальных движений, в то время как население крупных промышленных центров востока отдавало свои голоса в пользу правых и правоцентристских партий. Таким образом, партийная приверженность усиливала размежевание и поляризацию между представителями «высокогорного» и «равнинного» социумов.

Особую нишу в боливийском политическом пространстве заняло движение за самобытное и автономное развитие камба. Его представляло Движение освобождения нации камба (Movimiento Nacion Camba de Liberación – MNCL, МНСЛ), позиционировавшее себя как институт защиты интересов восточных департаментов. МНСЛ представило проект национального и регионального развития в рамках предполагаемой автономии «полумесяца». Он состоял из 12 предложений, касающихся административного деления, планирования госбюджета, распре-

деления земель и территорий, культурного самоопределения, муниципального устройства, функционирования политических партий и т.д. В меморандуме МНСЛ эти предложения подавались как «альтернативный путь по укреплению демократии и преодолению национального коллапса»²⁸.

Помимо СИДОБ и МНСЛ, среди организаций отстаивающих интересы востока, можно назвать Комитет за Санта-Крус (Comite Pro Santa Cruz) – старейшее общество защиты интересов восточных регионов, основанное еще в 50-е годы XX столетия, Движение молодежный союз Санта-Круса (Union Juvenil Crucenista Movimiento) и др.

В противовес тенденции на усиление центральной власти, сторонниками которой выступали западные провинции, восток нес идеи либерализации и децентрализации. Вопрос о предоставлении департаментам «полумесяца» широкой автономии стал центральным во взаимоотношениях Ла-Паса и регионов. Массовые выступления и демонстрации в Санта-Крусе и других крупных городах, сопровождавшие работу Конституционной ассамблеи доказывали несогласие жителей равнин с политикой центральной власти. Однако протест против принятия новой конституции был только поводом к созданию более масштабного оппозиционного блока, возглавляемого политиками и бизнесменами, интересы которых не совпадали с социалистическими принципами индейской власти.

Аграрная реформа, перераспределившая земли крупных собственников, и национализация основных сфер энергетической отрасли вызвали наибольшее сопротивление в стане сторонников либерально-капиталистического развития Боливии. Для них западная демократическая модель, основанная на принципах свободного рынка, экономического прагматизма и индивидуальной конкуренции, была гораздо привлекательнее утопических лозунгов «индейского ренессанса». Помимо экономических, несовпадение этнокультурных интересов стало мощным импульсом для усиления разлома между противоборствующими сторонами.

Проиграв Э. Моралесу в 2005 г. и утерев лидирующие позиции, либеральные силы были вынуждены искать новые пути к сердцу избирателя. Через четыре года на президентские и парламентские выборы 2009 г. оппозиция вышла в обновленном составе. Правый фланг составила партия ПОДЕМОС-ПДК (Concertación PODEMOS-PDC), представлявшая собой коалицию бывшей Демократической и социальной силы (Poder Democrático y Social), во главе которой некоторое время стоял Хорхе Кирога, экс-вице-президент при У. Бансере и глава государства после его ухода (2001–2002), с Партией христианских демократов (Partido Democrato Cristiano – PDC). Основным кандидатом от нее стал давний оппонент Эво Моралеса М. Рейес Вилья. Более умеренными правоцентристами руководил бетонный магнат С. Дориа Медина (Национальное единство, Unidad nacional), который, несмотря на опыт работы в госаппарате, в большей степени являлся успешным бизнесом, чем политиком. Обстановка перед выборами была накалена. За время первого президентского срока Э. Моралеса расстановка сил несколько изменилась. От МАС откололись некоторые индейские вожди, объявив о создании собственного движения. Но электоральные итоги показали, что Э. Моралесу удалось не только удержаться у власти, но и закрепить свою позицию. Результат в 64 % голосов доказал, что народная поддержка все еще велика²⁹.

Любопытно посмотреть на то, какие изменения повлекли реформы Э. Моралеса в социально-политической архитектуре и как они повлияли на перемены, произошедшие во взаимоотношениях «масса – элита», на трансформацию самого понятия «элита» и смену акторов, представляющих правящий класс.

В XX век боливийское общество вступило с устоявшейся и довольно четкой социальной иерархией. Демократизация дала Боливии традиционную «правлящую верхушку», в которую входили три группы. Первая группа – представители международных институтов и транснациональных компаний, в первую очередь с капиталом США. Вторую группу составляли олигархические круги, в основном крупные землевладельцы и успеш-

ные предприниматели. И в третью входили люди из политического истеблишмента, представленные тремя ведущими политическими партиями, делившими власть между собой на протяжении 20 лет. Статус и авторитет этих «трех столпов» боливийского общества был неоспорим. Никакому сомнению не подвергалась традиционная этническая принадлежность высшего общества к «белым» испано-креолам. Концепция расового превосходства и чистоты крови продолжала оставаться центральной в самосознании элиты. Как правило, понятие «элита» ассоциировалось с понятием «запад», а «запад» в свою очередь олицетворялся с «капитализмом» и «неолиберализмом».

Так или иначе, но пришедшие на смену «традиционной элите» политические силы генерировали новых лидеров, на которых стали возлагаться надежды большинства. Восхождение новых слоев и смены ролей носило неизбежный характер. Среди тех, кто отныне претендовал на властные позиции, можно было выделить три сектора³⁰.

Первый – это «прогрессивная» испано-метисная интеллигенция: интеллектуалы, политические обозреватели с левыми взглядами, университетские профессора и деятели искусства. Исторически они стояли ближе всего к привилегированному классу и имели доступ к лучшему образованию и «западным» ценностям. Прогрессивные интеллигенты ориентированы на «современную цивилизацию», и понятия «космополитизм» и «патриотизм» для них одинаково важны. Их происхождение и политические взгляды дают им право выражать чаяния простых людей и играть одну из ключевых ролей в современном государственном управлении. Их элитарность проявляется в профессиональном статусе, повседневных занятиях и интеллектуальных увлечениях, но они чувствуют моральную связь с «бедными» и «угнетенными». По определению американского политолога Тона Сальмана, эти слои проповедуют «удобный социализм»³¹. Они голосуют за Эво и называют себя «идеологическими левыми». Им импонирует идея «индейского президента в индейской стране». Но сами они не индейцы и им нелегко примириться с националистическими нотками в политике

Моралеса. Они не хотят, чтобы их идентифицировали с «оставшими от современности» деревенскими общинами и заставляли учить индейские языки. Потомки креолов и метисов претендуют на то, чтобы стать новой элитой, однако они до конца не уверены в том, найдут ли они себе место в том этносоциалистическом мире, который обещает Э. Моралес.

Вторую группу составляют выходцы из среднего класса индейского происхождения. Как правило, это те, кто в предыдущие годы переехал из общин в город и преуспел в торговле и бизнесе. Они и ранее стремились войти в высшую социальную страту, но не подходили по этническому признаку. В битве за престиж они уже одержали верх. Выбрав президентом выходца из общины, Боливия провозгласила «индейскость» социальной и политической привилегией. Повсюду реет индейское знамя, а пестрые индейские одежды стали символом обновления и модернизации. Чужие среди «богатых и белых» вчера, сегодня богатые индейцы с гордостью заявляют о своих корнях. И хотя этнически они близки Эво Моралесу, их политические интересы, по сути, различны. Им чужды идеалы социализма и стремление нивелировать элитарность различных групп. Им удалось найти себя в прежней системе и преодолеть социальное неравенство. Однажды добившись успеха и признания, они не хотят терять его вновь только потому, что элитарность и демонстрация превосходства теперь не в моде.

Третью часть новой элиты составляют политические лидеры, возглавляющие этнические движения и низовые организации, которые получили возможность «примерить» статус элиты благодаря победе Эво Моралеса. Они были с Э. Моралесом во времена уличной борьбы против неолиберальной системы и поддерживают его сейчас, но не потому что разделяют его идеологию, а потому что он – «один из нас». Они предпочитают марши и забастовки политическим механизмам и институтам и не верят в эффективность западной демократической модели на андской земле. Их идеалами являются общинные принципы управления и делегирования. Часть индейских политиков вошла в правящие круги и заняла посты в министерствах,

парламенте и региональных администрациях. Но их статус пока не определен: он не признан традиционными элитами и не выражен в образе жизни. Они подчеркивают свою «благородную бедность» и принадлежность к простому народу и отрицают саму идею быть выше других. Их основная функция – аккумуляровать и транслировать желания народа, их положение напрямую зависит от того, насколько сильна их популярность и поддержка среди населения.

Таким образом, мы являемся свидетелями сложного процесса борьбы идеологий за электоральную поддержку. Новая концепция социального устройства еще не сформировалась, ее позиции весьма шатки, а старая небезосновательно имеет еще довольно крепкие корни. Смена парадигмы национального развития спровоцировала восхождение новых социальных слоев, которые принесли в большую политику ценностные ориентиры простого общинника. Позиции новых лидеров пока еще во многом виртуальны, но они уже переняли поведенческие стереотипы элиты, за что их называют «дальними родственниками» традиционных «верхов». Обострившиеся межэлитные противоречия дают нам право утверждать, что однозначного сценария судьбы социального эксперимента, проводимого Эво Моралесом, нет. Благодаря харизме лидера и популярности в народе лозунгов индейского реванша власти пока удается сдерживать противоборствующие силы. От того, в какую сторону качнется маятник общественного доверия, будет зависеть будущее «индейского социализма».

* * *

¹ Censo de Poblacion y Vivenda. 2001. Instituto Nacional de Estadistica de Bolivia. URL. – <http://www.ine.gov.bo/>

² См.: Paul Lewis M. Ethnologue: Languages of the World. Sixteenth Edition. Dallas, 2009.

³ См.: Zoomers A. Pro-Indigenous Reforms in Bolivia: Is there an Andean Way to Escape Poverty? – Development and Change, 2006, Vol. 37, № 5, p. 1028.

- ⁴ См. подробнее: Postero N. Andean Utopias in Evo Morales's Bolivia. – *Latin American and Caribbean Ethnic Studies*, 2007, Vol.2, № 1, p. 1-28.
- ⁵ Мариатеги Х.К. Семь очерков истолкования перуанской действительности [пер. с исп.], ред. и коммент. А.Ф. Шульговского. М., 1963.
- ⁶ Stavenhagen R. *Agrarian Problems and Peasant Movements in Latin America*. New York, 1970; Stavenhagen R. *Las Clases Sociales en las Sociedades Agrarias*. México, 1970; Gamio M. *Arqueología e Indigenismo*. México, 1972.
- ⁷ Asseis W. La «Media Luna» sobre Bolivia: Nacion, Region, Etnia y Clase Social. – *América Latina Hoy*, 2006, № 43, p. 98.
- ⁸ Кокалеро – крестьянин, занимающийся культивированием коки.
- ⁹ Van Cott L.D. From Exclusion to Inclusion: Bolivia's 2002 Elections. – *Journal of Latin American Studies*, 2003, № 35, p. 762.
- ¹⁰ Первоначально партия с названием МАС-У (Movimiento al кокалерос).
- ¹¹ Van Cott L. D. Op. cit.
- ¹² Albro R. Future of Culture and Rights for Bolivia's Indigenous Movements. 2005. URL. – <http://www.cceia.org/>
- ¹³ Боливия – время левоиндихенистского эксперимента. Отв. ред. В.М. Давыдов. М., 2009; Archondo R. ¿Qué le espera a Bolivia con Evo Morales? – *Nueva Sociedad*, 202, p. 4-12; Rodríguez Mir J. Complejidad, Diversidad y Heterogenidad Social. Bolivia y sus implicaciones multiculturales desde una perspectiva antropológica. – *Revista de Antropología Experimental*, 2008, № 8, p. 341-349.
- ¹⁴ Rodríguez Mir J. Op. cit.
- ¹⁵ Archondo R. Op. cit., p. 6-10.
- ¹⁶ Constitución Política del Estado. URL. – <http://www.presidencia.gov.bo/>
- ¹⁷ Равнинные индейцы составляют всего лишь 6,9% от всех боливийских индейцев, которые составляют 13 языковых групп; наиболее многочисленными из них гуарани (около 26%), далее идут чикитано (22%), мокшено (13%) и др.
- ¹⁸ Lowrey K. Bolivia Multietnico y Pluricultural. Ten Years Later. White separatism in the Bolivian lowlands. – *Latin American and Caribbean Ethnic Studies*, 2006, Vol.2, № 1, p. 63-84.
- ¹⁹ Pruden H. Santa Cruz entre la post-guerra del Chaco y las postrimerías de la revolución nacional: cruceños y cambas. – *Historias: Revista de la coordinadora de historia*, 2003, Vol. 6, p. 41-61.
- ²⁰ Confederación de Pueblos Indígenas de Bolivia. URL. – <http://www.cidob-bo.org/>
- ²¹ Censo de Población y Vivienda. 2001. Instituto Nacional de Estadística de Bolivia. URL. – <http://www.ine.gov.bo/>

²² Cm.: Molina F. Bolivia: la geografía de un conflicto. – Nuevo Sociedad, 2008, № 218, p. 4-13.

²³ Weisbrot M., Sandoval L. The distribution of Bolivia's Most Important Natural Resources and the Autonomy Conflict. – Center for Economic and Policy Research. Issue Brief. Washington, 2008, p. 6.

²⁴ Ibid., p. 8.

²⁵ Ibid., p. 6.

²⁶ Ibid., p. 8.

²⁷ Padilla Vargas A. Santa Cruz: La Ciudad che Respira Migración. – Globalización. Revista Mensual de Economía, Sociedad y Cultura. URL. – <http://rcci.net/>

²⁸ El Nuevo Pacto con el Estado Boliviano. URL. – <http://www.nacioncfmbf.net/www.nacioncamba.net/>

²⁹ Corte Nacional Electoral. URL. – <http://www.cne.org.bo/>

³⁰ Cm.: Salman T. Searching for Status: New Elites in the New Bolivia. – European Review of Latin American and Caribbean Studies, 2009, № 86, p. 97-105.

³¹ Ibid., p. 103.

ИНДЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЧИЛИ И ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА

18 сентября 2010 г. Республика Чили отметила 200-летие своей независимости. В связи с празднованием этой даты весьма актуально прозвучал вопрос о жизни коренных народов страны, их реальном положении в обществе, участии в политике и степени социального благополучия.

Чили в настоящее время стремится войти в группу высокоразвитых стран и по многим социально-политическим и экономическим показателям уже соответствует этому уровню. Однако качество власти и общества определяется, помимо соблюдения основных демократических принципов, еще и политикой в отношении «малых народов» – тех этнических меньшинств, которые отстаивают свое право на сохранение традиционной культуры и особого образа жизни, отличного от норм современной цивилизации. В этой сфере перед чилийским государством стоит ряд этических, политических и социальных задач.

Специфика Чили по сравнению с более «индейскими» странами региона состоит в том, что коренные народы здесь сохранились, но представляют собой, по сути, небольшую группу населения, со своими особенностями, интересами и проблемами.

В настоящее время на территории Чили проживают 8 коренных народов, общая численность которых составляет около 666 тыс. человек. Индейские общины существуют практически во всех областях страны – от Арики и Тарапаки на севере до области Магальянес на крайнем юге. Однако основная часть коренного населения, представленная арауканами-мапуче, проживает в центральных и южных районах – Био-Био, Араукании, Лос Риос и Лос Лагос, а также в столичном округе Сантьяго. Мапуче, формально так и не покоренные испанскими конкистадорами, составляют наиболее многочисленную и политически активную группу – 570 тыс. человек, 85,6% от обще-

го числа чилийских индейцев. На севере страны, в пограничных с Перу и Боливией районах, присоединенных к Чили после Тихоокеанской войны (1879–1883), а также на побережье Тихого океана живут аймара (9%, 60 тыс.) и кечуа (2,3%, 15,2 тыс.). В пустыне Атакама – атакаменьос (1,2%, 8 тыс.) и койя (0,8%, 5325). Остальные группы еще малочисленнее, каждая из них составляет менее 1% от общего числа чилийских индейцев (в реальности это несколько сотен человек и даже меньше)¹. Острова и берега вдоль Магелланова пролива населяют кавашкар (0,6%, 3781); в юго-западной части Огненной Земли, а также на островах между проливом Бигль и мысом Горн обитают почти исчезнувшие ягáн (0,1%, 667 человек). На о. Пасхи проживают рапануи (0,4%, 2671)². Различия в культуре, языке, традициях этих групп, в преобладающем типе хозяйства и уровне развития, а также разные истории их включения в состав чилийского государства всегда представляли значительную сложность в процессе поиска адекватной и эффективной государственной стратегии. Однако общим и фундаментальным для всего индейского населения оставался вопрос признания их гражданских прав, культурной самобытности, а также права на природные ресурсы (землю, воду, прибрежные территории), исторически принадлежавшие коренным народам и отчужденные в процессе колонизации.

Формирование политики в отношении индейского населения стало одним из важных направлений деятельности всех демократических правительств страны. Эта проблема, имевшая давнюю историю, много лет находилась в латентном состоянии и обострилась в начале процесса демократизации, когда с окончанием военного правления индейцы получили реальные возможности заявить о своих правах и требованиях.

Предшествующие попытки государства решить «индейский вопрос» всегда имели трагические последствия, были тесно связаны с сиюминутной политической конъюнктурой и не носили характера продуманной и взвешенной политической линии, учитывающей как экономические интересы страны в целом, так и проблему выживания коренных народов. После

«покорения Араукании» в 1880-х годах XIX в. и вытеснения мапуче в труднодоступные районы в 1930 г. индейские вожди приняли решение о подчинении законам чилийского государства, т.е. фактически признали частную собственность на землю. Это послужило началом очередного наступления на общины, но не привело к полноправному включению индейского населения в общественную и экономическую жизнь. Мапуче, имевшие давнюю традицию сопротивления чилийскому государству, перешли к созданию собственных организаций протестного характера.

Политический подъем в годы правления С.Альенде (1971–1973) охватил и индейское движение, однако стремление правительства «Народного единства» провести аграрную реформу, в том числе в районах проживания коренных народов, делая ставку на индивидуальное, а не на общинное землевладение, не встретило массовой поддержки. Что касается военного правления, то режим Пиночета специальным законом 1979 г. определил порядок интеграции индейцев в чилийское общество, наделив их формально теми же правами и обязанностями, что и остальных чилийцев. Однако на деле такой подход означал нарастание маргинальности и отсталости индейских территорий, население которых не могло самостоятельно вписаться в жесткий процесс неолиберальных преобразований. Как отмечает российский исследователь Т.В.Гончарова, уже в 1981–1988 гг. под предлогом включения коренных народов в общенациональную жизнь началось дальнейшее наступление на земли общин, что вызвало активизацию индейского движения³.

С восстановлением в 1989 г. демократии правительство П.Эйлвина (1990–1994) оказалось перед лицом жесткого противоречия: как совместить ценности неолиберального курса с сохранением и даже развитием традиционных культур? Несмотря на драматизм подобного выбора и наличие многих других проблем, требующих от политического руководства не только профессиональных, но и незаурядных человеческих качеств и четкой личной позиции, в 1990-е годы были сделаны первые шаги в плане формирования основ политики мульти-

культурности, поиска взаимопонимания и диалога. В 1989 г. между лидерами различных индейских организаций и П.Эйлвином, тогда еще кандидатом в президенты от демократических сил, было заключено соглашение о выработке нового закона, защищающего экономические, социальные и культурные права индейцев. Их главное требование касалось сохранения существующих и возвращения занятых общинных земель, реального соблюдения демократических правил и норм в отношении коренных народов. (Эти принципы были провозглашены в знаменитой Конвенции №169, принятой Международной организацией труда в 1989 г., от ратификации которой Чили в тот момент воздержалась.)

В 1993 г. закон № 19.253 был принят. В нем впервые в истории Чили индейские поселения стали называться не просто «общинами», а «этническими и культурными сообществами», имевшими право на свои исторические территории, на сохранение и развитие собственных традиций, языков и культуры. После принятия этого закона на территориях компактного проживания аймара, кечуа, атакаменьос и мапуче по распоряжению правительства создавались «Области индейского развития» (Areas de Desarrollo Indígena – ADIs). Предполагалось не только сохранить природу и экологическую чистоту этих районов, естественный цикл жизни индейцев и обусловленную веками зависимость от природных ресурсов, но и оптимизировать государственную политику, направленную на повышение уровня жизни, образования, медицинского обслуживания коренного населения, начать процесс передачи общинам части исторических земель.

Для координации действий правительства и осуществления взаимосвязи между нуждами индейцев, с одной стороны, и государственными проектами, с другой, была создана специальная неправительственная организация – Национальная корпорация индейского развития (Corporación Nacional de Desarrollo Indígena – CONADI). На CONADI были возложены функции универсального посредника в сложных взаимоотношениях правительства и индейских сообществ. В ее задачи входило

изучение реальных проблем, существующих в «Областях индейского развития», помощь исследовательским организациям в создании планов и программ развития, взаимодействие с местными властями, министерствами, различными НПО и фондами, университетскими кругами, государственными и бизнес-структурами.

Возник и ряд других (не менее значимых) неправительственных индейских организаций – Фонд земли и воды, Фонд содействия ADIs и др. Всего в 1990-е годы для защиты интересов коренных народов и развития индейской культуры было создано более тысячи независимых организаций, имевших статус НПО. Действовали специальные программы в области образования (главным образом предоставление стипендий), жилья, занятости, оказания бесплатной юридической помощи. За период с 1994 по 2003 г. индейским общинам было передано более 235 тыс. га земли, в развитие которых государство вложило значительные средства⁴. Правительство неоднократно заявляло о необходимости социальной адаптации коренного населения, его более полного включения в жизнь страны при сохранении языка и культурных традиций.

Казалось бы, основные требования индейских народов на протяжении 1990-х годов были частично удовлетворены: шел процесс поиска компромисса, адекватной и эффективной политики «на основе уважения и справедливости», как отмечал впоследствии президент Р.Лагос⁵. Однако, несмотря на все меры и усилия, предпринятые администрациями П.Эйлвина и Э.Фрея, конфликтность в отношениях между правительством и активистами индейских организаций не только не уменьшилась, но и продолжала нарастать.

Главное требование, предъявлявшееся индейцами к демократической власти, – остановить экономическое наступление на общины, вернуть им реальное право на землю, занятую сельскохозяйственными и лесоперерабатывающими предприятиями, в условиях быстрой и успешной экономической модернизации страны обернулось утопией. Кроме того, сама идея «права на землю» нередко трактовалась индейцами расшири-

тельно, как «оплата исторического долга», что совершенно не соответствовало ни экономическим, ни политическим реалиям Чили.

В 1997 г. при правительстве Э. Фрея (1994–2000) вспыхнул конфликт, связанный со строительством испанской компанией ENDESA на р. Био-Био гидроэлектростанции (Чили – энергозависимая страна, и экономическую значимость проекта трудно переоценить). Правительство было готово возместить жителям ущерб, однако многие индейские семьи отказывались переезжать, считая земли, предоставленные для переселения, «чужими» и поэтому непригодными для жизни. Это сопротивление поддержали экологические организации и CONADI, за что ее директор был смещен со своего поста. Сотни гектаров земель, входящих в зону исторического расселения мапуче, были затоплены в ходе строительства. Эти события усилили разочарование в действиях государства и подстегнули процесс самовольного захвата земель со стороны радикально настроенных индейских организаций.

Таким образом, правительственная политика 1990-х годов, наряду с позитивной активизировала и другую – разрушительную, конфликтную тенденцию в отношениях между государством и индейскими общинами, которые требовали полного восстановления своих прав на землю и природные ресурсы (леса и реки). Рост протестных настроений был связан с общим разочарованием в деятельности государства и организаций-посредников (в первую очередь CONADI), с утратой надежд и иллюзий, связанных с возможностью «вписаться» в стремительный процесс модернизации страны. С другой стороны, усилилась и жесткая позиция правых сил, особенно фундаменталистов из Независимого демократического союза, которые упрекали правительство в проведении политики «позитивной дискриминации» по отношению к индейцам и создании тем самым «псевдорасовой» проблемы, в то время как реальные проблемы коренных народов – бедность и отсталость – отошли на второй план. Правых политиков беспокоила нарастающая активность индейских организаций, увеличение случаев столк-

новений с полицией в районах проживания мапуче, а также радикализм взглядов и непримиримая позиция новых лидеров.

На данном этапе важнейшую роль в формировании индейского сопротивления стала играть политическая организация мапуче «Совет всех земель», созданная в 1990 г., и ее лидер Аукан Уилкаман Пайяма.

Первоначально это течение объединяло бывших социалистов-альендистов, отошедших от изменившейся Социалистической партии, затем всех сторонников радикального решения индейского вопроса, создания автономии и «параллельного правительства», которое покончило бы с ситуацией, когда «сенаторы решают судьбу мапуче». Сам Аукан Уилкаман, в прошлом активист ультралевого крыла молодежного коммунистического движения, неоднократно призывал к непримиримой борьбе с правительством, самовольному захвату земель, демонстрациям и маршам протеста, стычкам с полицией. «Индийский закон» 1993 г. он называл «чуждым народу мапуче, поскольку он [закон] признает мапуче не нацией, а «этническим меньшинством», что связано со стремлением снова подчинить индейцев»⁶.

Заявляя о радикально-альтернативной идеологии своего движения, основанной на критике всех попыток правительства решить проблемы индейцев легитимным путем, А.Уилкаман стремился принять участие и в официальной «большой политике», в частности, в президентских выборах 2005 г., однако тогда его кандидатура была снята ввиду недостаточного количества собранных подписей.

В то же время, несмотря на очевидный демагогический и провокационный характер большинства политических лозунгов, заявляемых «Советом всех земель» и его лидером, сами протестные настроения индейского населения имели серьезные социальные (не говоря уже об исторических) основания.

К 2001 г. в Чили существовало более 2300 индейских общин. 38,3 тыс. семей проживали в городах, 26,7 тыс. – в сельской местности. По всем социальным показателям, касающимся бедности, безработицы, качества здоровья, уровня образова-

ния и медицинского обслуживания, индейское население, как городское, так и сельское, относилось к самым уязвимым группам общества, было «беднейшим из бедных»⁷. Согласно опросам национальной социологической службы CASEN, в 2000 г. 28,6% индейцев занимались сельским хозяйством, рыболовством и охотой, 13,6% – ремесленным производством, 17,7% – мелкой розничной торговлей, 21% работал в сфере обслуживания и домашнего хозяйства. Только 2,8% было занято деятельностью, связанной с финансами. 19,2% экономически активного индейского населения жили на временные заработки. Сохранялся разрыв в уровне бедности между индейским и неиндейским населением (при общем для страны показателе бедности в 20,6% на 2000 г. индейские области имели 32,3%)⁸. Характерно, что при общем отставании всех социальных параметров уровень неграмотности среди индейского населения был достаточно низок: 91,6% считали себя грамотными (в целом по стране – 96,2%). Однако среди получивших среднее, неоконченное высшее и высшее образование индейцев было уже значительно меньше: они раньше своих сверстников покидали школу и навсегда прерывали учебу.

Качество медицинской помощи и общий уровень здоровья в индейских общинах также были существенно ниже, чем в целом по стране. Если продолжительность жизни чилийцев составляла 75,6 лет у женщин и 68,5 лет у мужчин, то у индейцев эти показатели были 66,9 и 60 лет, соответственно. В систему бесплатного (т.е. предполагающего самые общие виды медицинской помощи) здравоохранения было включено 80% индейцев, в то время как у остального населения этот показатель – 65,9%, что объясняется стремлением чилийского среднего класса подключиться к частной системе медицинского страхования, охватывающей большее количество заболеваний. При низкой в целом по стране детской смертности (в 2000 г. – 15 человек на 1000 родившихся живыми) в индейских общинах эти цифры колебались от 40 до 57 и создавали совершенно иную картину⁹.

Таким образом, ситуация, сложившаяся к началу президентства Р.Лагоса, свидетельствовала о том, что политическая риторика правительства должна отойти на второй план, уступив место планомерной социальной работе, связанной как с общим повышением уровня жизни, так и с преодолением глубинных причин бедности и маргинальности индейцев, особенно в наиболее отсталых сельских областях.

Серьезным вызовом власти стала внутренняя обстановка в индейских районах. На 2001–2002 гг. пришелся пик антиправительственных выступлений, когда аресты и даже гибель в ходе столкновений с полицией молодых активистов-радикалов в ряде общин мапуче стали предметом международного разбирательства, а ООН и Межамериканская комиссия по правам человека осудили чилийскую практику «насильственного преследования» общественного индейского движения. Особой мишенью для критики стал принятый в 1984 г. (при А.Пиночете) Закон № 18.314. Этот закон, известный в Чили как «антитеррористический», был направлен против незаконных антиправительственных выступлений с применением насилия, и под его действие попадало большинство организованных «Советом всех земель» и другими радикальными группировками акций протеста. Требование реформировать закон стало одним из важнейших в политической риторике мапуче.

Правительство Рикардо Лагоса (2000–2006) с первых дней пребывания у власти оказалось перед необходимостью подавлять криминальные формы протестных выступлений, продолжать диалог и одновременно предложить что-то новое и конструктивное.

Важнейшей мерой правительства стала разработка и принятие в 2001 г. многолетней «Программы комплексного развития индейских сообществ» (получившей известность как программа «Истоки» – Orígenes). Она была рассчитана на два этапа: 2001–2005 гг. и 2007–2011 гг. и предполагала постепенное включение семей из беднейших общин мапуче, аймара и атакаменьос, проживающих в сельской местности в I, II, VIII, IX и X областях. Целью являлось постепенное преодоление соци-

альной исключенности индейского населения, разработка путей успешной адаптации молодежи к требованиям и нормам современной жизни при сохранении основ индейской культуры и защите прав коренного населения на землю и природные ресурсы. Более конкретные задачи были обозначены следующим образом:

1) комплексное развитие и повышение качества жизни общин (строительство школ и больниц);

2) укрепление органов местного самоуправления, повышение заинтересованности самих жителей общин в реализации программы;

3) эффективное экономическое развитие на основе проектов, разработанных совместно с ответственными министерствами и организациями, с учетом хозяйственных особенностей и традиций различных областей;

4) реализация программ межкультурного и двуязычного образования для молодежи;

5) укрепление здоровья и повышение качества системы здравоохранения (с учетом традиций индейской медицины и привычных способов лечения).

Реализация программы была возложена на Министерство планирования и кооперации (MIDEPLAN) при содействии Министерства здравоохранения, Министерства образования, Национального института развития сельского хозяйства (INDAP), Национальной корпорации лесного хозяйства (CONAF), а также индейской неправительственной организации CONADI. Предполагалось активное участие также местных властей и общественных организаций. Финансирование осуществлялось государством при поддержке Межамериканского банка развития.

Особенностью программы являлось то обстоятельство, что она принимала в расчет мультикультурность самого индейского населения, наличие различных групп, имеющих собственные традиции, языки, области расселения, климатические условия, хозяйственные навыки. Отмечалось, что наряду с общим для всех земледелием и выращиванием скота в районе обитания

аймара распространены мелкое ремесленное производство и торговля шерстью, в районе Атакамы – торговля ремесленными изделиями и участие в организации туристических маршрутов. Среди мапуче развиты лесное хозяйство (в том числе и работа по найму на крупных предприятиях), рыболовство, в некоторых районах и морское, ремесленное производство, участие в туристическом бизнесе (национальная еда, сувениры и т.д.). Все это предполагало диверсифицированный подход к каждой из общин, требовало разработки особых как экономических, так и образовательных проектов для жителей Атакамы, Араукании, столичного региона Био-Био.

Первый этап программы «Истоки» был реализован в годы президентства Р.Лагоса, второй – при М.Бачелет. В 2001–2005 гг. 22 тыс. семей из 645 общин стали участниками программы; ее действие распространялось главным образом на кечуа, атакаменьос и мапуче из районов Арика-Паринакота, Антофагаста, Тарапака, Био-Био и Лос Лагос¹⁰.

Важнейшим направлением правительственной деятельности Р.Лагоса стало повышение доступности качественного образования: молодежи из индейских общин для получения среднего и высшего образования было выделено 28 тыс. стипендий (общий объем – 4 млрд. песо). Как отмечал Р. Лагос в одном из своих выступлений, возможность учиться получил фактически каждый, кто пожелает¹¹. 2,5 млрд. песо было выделено для поддержки индейских языков, развития программ двуязычного образования и межкультурной коммуникации. Статус исторических и культурных памятников был присвоен 520 индейским поселениям.

Таким образом, создание конституционной базы (главным образом закона № 19.253), адресная социальная политика правительства Лагоса и начало реализации такой масштабной программы, как «Истоки», в отношении индейского населения создали серьезную основу для дальнейшей деятельности государства в этой области. В то же время 15-летний опыт работы демократических правительств выявил и трудноразрешимые острые проблемы: бедность и отсталость, трудность «включения»

индейцев в процесс модернизации, а также нарастание радикально-протестных настроений, проявляющихся в неприятии всего, что связано с программами и предложениями политической элиты.

Мишель Бачелет (2006–2010), приступая к выполнению обязанностей президента, отмечала важность как позитивных результатов, достигнутых в решении «индейского вопроса», так и неудач, заставляющих задуматься над их причинами. Важнейшим из недостатков государственной политики она назвала стремление к кратковременным, быстрым результатам вместо последовательной и осторожной работы. Коренное население, с точки зрения государственных социальных программ, нередко рассматривалось как «бедные крестьяне», а не как «индейцы на своей земле», что имело принципиальное значение. Интеграция индейцев в программы развития часто осуществлялась вопреки их желанию, без учета традиций и обычаев, а также специфики каждой конкретной группы. Игнорировались реальные потребности жителей общин. Возвращение земель не всегда сопровождалось необходимой государственной поддержкой в их освоении. Мало внимания уделялось индейскому населению, проживающему в городах. Интересы индейцев на уровне местной и тем более центральной власти представлялись недостаточно, что не могло не влиять на рост несанкционированных форм протеста.

Однако, помимо проблем в «реальной жизни», назрела потребность и в новом этапе конституционной работы.

В своей предвыборной программе М.Бачелет, подчеркивая важность уже достигнутых соглашений, обещала сосредоточиться на конституционном оформлении особого статуса индейских народов, создании специального подразделения по вопросам индейцев при Министерстве планирования и кооперации (MIDEPLAN), на дальнейшем и более успешном развитии диалога между правительством и представителями индейских организаций. Предполагалось также продолжать все начатые программы, касающиеся образования, здравоохранения, экономического развития соответствующих областей, поддержжи-

вать инициативы организаций гражданского общества, особенно те, которые содействуют более активному вовлечению самих жителей индейских общин не в протестное движение, а в процесс улучшения условий жизни.

Основные принципы новой политики в индейском вопросе были сформулированы в документе «Признание: Социальный пакт во имя мультикультурности» (Re-conocer: Pacto Social por la Multiculturalidad)¹². В нем отмечалась необходимость предпринять новые шаги в деле создания общества, которое признавало бы важность и ценность всех составляющих его культур. Главный акцент был сделан на разработке механизма, обеспечивающего политическое представительство индейских народов как в Конгрессе страны, так и на местном уровне, что означало бы реальное приближение к давно назревшей конституционной реформе, которая была призвана определить статус индейцев Чили.

Важнейшим достижением в этом направлении стала ратификация в марте 2008 г. (после 19-летнего обсуждения в Конгрессе) Конвенции 169 МОТ, объявившей коренные народы субъектами политики, которым должна быть предоставлена вся полнота юридических и экономических прав (включая право на землю, привычный образ жизни, традиционный тип хозяйства, сохранение своих традиций). Исключалась дискриминация по этническим, культурным, социальным и другим признакам, что предполагало также и право на достойное образование, здравоохранение и занятость.

Выступая в Конгрессе 14 апреля 2009 г. по поводу принятия этой Конвенции, М.Бачелет отметила: «Некоторые считают, что проблема индейских народов – это только бедность, и наиболее адекватной мерой должно быть повышение адресности субсидий и льгот. Мы же, напротив, убеждены в том, что это вопрос права, это проблема коллективной идентичности, которая ищет самореализации в мультикультурном обществе»¹³.

Для развития этой реальной, а не декларированной, мультикультурности в 2006-2009 гг. президентом и правительством было сделано следующее:

– при Министерстве планирования (MIDEPLAN) создан министерский Совет по индейским вопросам, на который возложены функции координирования и взаимодействия различных ведомств, инициатив и программ;

– в новый Закон об образовании (одобрен верхней палатой Конгресса в марте 2009 г.) внесены специальные положения об этническом и культурном разнообразии страны, которое должно учитываться при составлении обучающих программ, особенно на стадии начального и среднего образования, когда происходит становление гражданского сознания¹⁴;

– по личной инициативе М.Бачелет, в рамках CONADI было организовано специальное подразделение по проблемам женщин – для активизации участия индейских женщин в общественно-политических организациях и более полного их представительства в органах власти;

– принят закон о праве индейцев на хозяйственное освоение прибрежных морских вод (№ 20.249);

– в рамках программы «Национальный диалог с индейскими народами» (2006–2007) было проведено более 200 встреч на местном, региональном и общенациональном уровне с представителями индейских общественных организаций. Эти встречи были посвящены обсуждению политических, экономических и культурных вопросов, связанных с индейской проблематикой¹⁵;

– начат второй этап программы «Истоки», предполагающий охватить все районы расселения индейцев, от Арики-Паринакоты и Антофагасты на севере до Лос-Риос и Лос-Лагос на юге. В 2006–2008 гг. было подключено еще 1207 общин (34443 семьи), бюджет программы на втором этапе составил 109 млн. долларов¹⁶;

– одобрена более широкая программа возвращения земель (за 2006–2007 гг. 2200 индейским семьям было возвращено более 23 тыс.га земли);

– на 24% было увеличено количество стипендий для учащейся молодежи индейского происхождения (в 2006 г. число стипендий составило 36160, в 2007 г. – 41987, в 2008 г. – 43895);

– продолжалось действие программы «Здоровье для индейских народов», бюджет которой увеличился в 2 раза за 2006–2008 годы. В ходе реализации программы был сделан значительный акцент на мультикультурном подходе, использовании индейских традиций, диалоге и взаимопонимании с коренным населением. Специальное обучение индейским языкам и традициям народной медицины прошли более 3600 специалистов-медиков.

Помимо указанных, развивались специальные проекты строительства социального жилья для индейцев, создавались детские сады с программой «полного дня пребывания» (за период 2007-2009 гг. было создано около 100 новых детских садов). Эти сады включали обучающие программы по межкультурной коммуникации, предназначенные для более гармоничного вступления индейских детей в современное общество¹⁷.

Таким образом, правительство М.Бачелет сделало существенные шаги в плане дальнейшего развития диалога и взаимопонимания с коренными народами. Важнейшим политическим моментом стало начало обсуждения в Конгрессе вопроса о конституционном признании индейских территорий как неотъемлемой части чилийского государства, но с собственной обширной автономией (прежде всего, это относилось к народу мапуче).

Однако, несмотря на многочисленные декларации и общий примирительный тон президента и правительства, сами индейцы не спешили выказывать свое удовлетворение. В июле-августе 2009 г. в Араукании произошли самовольные захваты земель и стычки с полицией, закончившиеся арестами нападавших и ранениями карабинеров¹⁸. Эти события широко обсуждались в прессе и были квалифицированы как очередной виток противостояния власти и радикальных организаций мапуче.

Накануне президентских выборов 2009–2010 гг. предполагалось, что А. Уилкаман вновь выдвинет свою кандидатуру и спровоцирует новую волну выступлений мапуче и обострение протестной политической риторики. Однако этого не произошло во многом по причине отсутствия у А. Уилкамана реальных шансов на значительную поддержку общества. Кроме того, требования индейского населения в той или иной степени были отражены в программах всех кандидатов на президентский пост, а главные соперники – Эдуардо Фрей и Себастьян Пиньера – в ходе предвыборной кампании и поездок по стране уделили этому вопросу особое внимание, обещая восстановить историческую справедливость в отношении коренных народов. Специфика подхода Пиньеры к индейскому вопросу состояла в том, что главный акцент он делал на важности экономического роста и социального развития, которые в итоге приведут к достижению большей солидарности и равенства в обществе, к подъему уровня жизни коренного населения.

Начало президентства С. Пиньеры, вступившего в должность 11 марта 2010 г., было омрачено страшной трагедией – последствиями землетрясения 27 февраля 2010 г., что не могло не сказаться на социальных и экономических планах правительства. В ходе землетрясения и последовавшего за ним цунами была практически полностью уничтожена инфраструктура нескольких прибрежных районов, особенно пострадали города Консепсьон, Талька, Талькауано, Конститусьон, Сан-Антонио (в основном VII и VIII регионы, в которых проживает также индейское население). Серьезный ущерб был причинен лесному, сельскому хозяйству и рыболовству (на разрушенные районы приходилось 76% всего сельскохозяйственного производства страны и 50% добычи рыбы и морепродуктов). Первоначально потери оценивались в 30 млрд. долл., что было сопоставимо с 18% национального ВВП.

Практически сразу после принятия срочных мер С. Пиньера заявил, что не станет только «президентом землетрясения» и не откажется от своей программы, главным стержнем которой была идея развития и процветания. В президент-

ском послании 21 мая 2010 г. президент обратился к обществу с новой стратегией: объединиться для восстановления страны, сделать разрушенные районы еще более современными, развитыми, благополучными, достойными современной страны¹⁹. Все остальные задачи, о которых говорилось в послании, подчинялись этой масштабной цели.

Позиция в отношении индейского населения, особенно заметная в связи с празднованием 200-летия независимости, была высказана им сжато, но вполне определенно.

Отметив роль коренных народов в чилийской истории и становлении нации, в сохранении культурного разнообразия – «подлинного богатства Чили», президент подчеркнул проблемы, которые предстоит решать правительству, поскольку уникальные традиции и культура индейцев «достойны большего уважения», а социальные потребности – «большого государственного и общественного внимания».

Для восстановления культурного диалога и преодоления разрыва в социальном развитии были предложены две конкретные программы:

1) «Новая историческая встреча с народом мапуче» (Plan de Reencuentro Histórico) включала работу по конституционному признанию мапуче; реформу CONADI с целью повышения ее эффективности; новый подход к земельной политике на «исторических» территориях (с активным вовлечением жителей в специальные программы обучения и трудоустройства); противостояние насилию в любых его формах.

2) «План Араукания» (Plan Araucanía) предполагал привлечение инвестиций в развитие экономики и инфраструктуры регионов Араукания и Био-Био, повышение уровня образования и здравоохранения индейского населения, совершенствование механизмов его интеграции в современное общество.

Стратегические задачи, определенные президентским посланием, соответствовали общему настрою нового правительства на повышение эффективности удачных проектов, начатых в предыдущие годы. Однако в ситуации, потребовавшей концентрации всех усилий для преодоления последствий природ-

ной катастрофы, правовые и мультикультурные аспекты индейской проблемы отошли на второй план, что не замедлило сказаться на отношениях правительства и протестного движения мапуче.

В середине июля 2010 г. 34 политических заключенных-мапуче, обвиненных за организацию беспорядков и нападения на полицейских в различных районах Араукании, объявили голодовку. Участники акции требовали:

- отмены «антитеррористического» закона (1984) и освобождения всех заключенных-мапуче, несправедливо (в соответствии с этим чрезвычайно жестким законом) обвиненных в террористической деятельности;
- создания «демилитаризованных зон» в районах компактного проживания мапуче (т.е., фактически, полной автономии без контроля со стороны государственной полиции);
- защиты исторических индейских территорий и лесов от промышленного использования;
- качественного улучшения жизни народа мапуче, реального равноправия, внимания к молодежи;
- личной встречи с президентом для обсуждения всех указанных проблем.

Событие вызвало международный резонанс, привлекло внимание правозащитных организаций и индейских общин других стран, например, канадских индейцев. В Лондоне организация бывших политзаключенных Чили провела демонстрацию протеста перед чилийским посольством. Родственники и сторонники голодавших (в основном матери и жены) в сентябре 2010 г. прошли маршем из Темуко (Араукания) до Сантьяго и расположились в штаб-квартире ЭКЛА, требуя передачи специальной петиции в ООН. Это требование было выполнено, однако в дальнейшем сотрудники ЭКЛА дистанцировались от конфликта, подчеркивая международный статус своей организации и невозможность вмешательства во внутренние дела Чили²⁰.

Правительство долго воздерживалось от прямых переговоров с участниками акции, используя (хоть и безрезультатно)

посредничество архиепископа г. Консепсьон Р. Эссати. Президент лично назвал голодавших радикалами, «которые не могут представлять весь народ мапуче». Кампания по спасению шахтеров, начавшаяся в августе 2010 г., также отвлекла внимание и правительства, и общественного мнения. Однако в конце сентября на фоне празднования Дня независимости С.Пиньера все же пошел на переговоры с протестующими, отметив: «Страна, которую мы строим, создается с помощью диалога, единства и работы, а не насилием и голодовками»²¹. Он призвал мапуче участвовать не только в акциях протеста, имеющих «частный характер», но и в общем процессе создания более благополучной, развитой и справедливой страны. В Темуко был организован «круглый стол» с участием министров правительства, индейских организаций, Католической церкви, и в итоге в начале октября голодовка, продолжавшаяся более двух месяцев, была прекращена.

Президент пообещал реформировать пиночетовский «антитеррористический» закон в соответствии с новым этапом развития страны и отменить применение военных трибуналов по отношению к гражданским лицам. Однако в основном позиция правительства осталась неизменной: главный акцент был сделан на проектах социально-экономического и культурного развития, уже предложенных в президентском послании 21 мая – плане «Араукания» и «Новой исторической встрече».

В их реализацию в ближайшие четыре года будет вложено 4 млрд. долларов. Предполагалось улучшение системы здравоохранения индейского населения, строительство новых медицинских центров и дорог. Большое внимание уделялось также планам в сфере образования – особенно повышению качества образования индейской молодежи и развитию системы профессиональной подготовки. Выступая на открытии «Мультикультурного лица 200-летия» для мапуче (в г. Пурен, регион Араукания), С.Пиньера отметил, что целью государственной политики является создание новых возможностей для индейских народов чтобы, «поднявшись на ноги, своими собственными

усилиями, трудом и талантом они смогли добиться невиданного ранее прогресса»²².

Таким образом, оценивая результаты 20-летнего периода политики демократических правительств в «индейском вопросе», нельзя не отметить значительных достижений в плане повышения уровня жизни, степени социальной включенности в процессе конституционного признания коренных народов. За прошедшие годы определился общий подход и стратегия государства в этой сфере, выявились приоритеты и реальные возможности развития. Ни одно правительство не имеет сегодня шансов на успех без учета специфики индейского населения и регионов его проживания.

В то же время очевидно, что для подлинного решения проблемы, имеющей подобное историческое прошлое, недостаточно двух десятилетий. Период 1990–2010 гг. – это только начало длительного этапа взаимодействия власти, индейских организаций и общин, всего чилийского общества для достижения необходимого компромисса в этом драматическом и не теряющем своей актуальности вопросе.

* * *

¹ CEPAL. Serie Políticas Sociales. R. Valenzuela Fernández R. Inequidad, ciudadanía y pueblos indígenas en Chile. Santiago de Chile, 2003, p. 11.

² Некоторые отечественные исследователи, например, Ю.А.Зубрицкий, указывали, что мапуче составляют 99% коренного населения. Однако чилийские авторы отмечают рост самосознания и других индейских народов, что позволяет многим потомкам смешанного происхождения при опросах относить себя к таким почти исчезнувшим группам, как койя, кавашкар, яган.

³ История Латинской Америки. Вторая половина XX века. М., 2004, с. 511.

⁴ Lagos R. Abrir las puertas. Discursos escogidos: Marzo 2004 – Febrero 2005. T. V. Santiago de Chile, 2005, p. 54-55.

⁵ Ibid., p. 54.

⁶ Forester R., Vergara J.I. Los Mapuches y la Lucha por el Reconocimiento en la Sociedad Chilena. – XII Congreso Internacional Derecho Consuetudinario y Pluralismo Legal. Arica, Chile, 2000, p. 194.

- ⁷ CEPAL. Serie Políticas Sociales. Valenzuela Fernández R. Op. cit., p. 11.
- ⁸ Ibid., p. 13, 17, 18.
- ⁹ Ibid., p. 24.
- ¹⁰ Primera parte: Compromisos y logros alcanzados por el gobierno. – <http://www.gobiernodechile.cl/viewNoticiaImprime.aspx?idarticulo=22924/>
- ¹¹ Lagos R. Op. cit., p. 54-55.
- ¹² Chile retifica Convenio 169 de OIT. – <http://www.gobiernodechile.cl/viewNoticiaImprime.aspx?idarticulo=25325/>
- ¹³ Presidenta Bachelet dió a conocer avances y nuevas definiciones de la Política indígena. – http://www.origenes.cl/_presidencia.htm/
- ¹⁴ Primera parte: Compromisos y logros alcanzados por el gobierno. – <http://www.gobiernodechile.cl/viewNoticiaImprime.aspx?idarticulo=22924/>
- ¹⁵ 2.-Logros alcanzados (2006-2007). – <http://www.gobiernodechile.cl/viewNoticiaImprime.aspx?idarticulo=22922/>
- ¹⁶ Coordinación Nacional informa respecto al cierre del Programa Orígenes. – <http://www.origenes.cl/comunicado24Nov.html/>
- ¹⁷ 2.-Logros alcanzados (2006-2007). – <http://www.gobiernodechile.cl/viewNoticiaImprime.aspx?idarticulo=22922/>
- ¹⁸ El Mercurio, 27.VII.2009.
- ¹⁹ Piñera S. El Mensaje Presidencial. – <http://www.gobiernodechile.cl/especiales/mensaje-presidencial-21-de-mayo/>
- ²⁰ Representantes de un grupo mapuche permanecen en la sede de la CEPAL. – <http://www.cepal.org/cgi-bin/getProd.asp?xml=/prensa/noticias/comunicados/6/40986>
- ²¹ «Presidente Piñera expresó alegría por fin de la huelga de hambre». 2 de octubre de 2010. – <http://www.gobiernodechile.cl/noticias/>
- ²² Piñera S. «A partir de ahora vamos a dejar de dar la espalda a nuestros pueblos originarios». 8 de octubre de 2010. – <http://www.gobiernodechile.cl/noticias/>

ИНДЕЙСКИЙ МИР ВЕНЕСУЭЛЫ

Согласно переписи 2001 г., численность венесуэльских индейцев составляла 535 тыс. человек, или 2,3% населения. Главной чертой индейского мира Венесуэлы является его этническое и лингвистическое разнообразие и неоднородность. Всего насчитывают около 40 индейских народностей (см. табл. 1), различных по численности, лингвистическим характеристикам, социальной структуре и условиям жизни. Большинство принадлежит к 4 языковым группам: аравакской, карибской, чибча и тупи-гуарани, в то же время многие языки малочисленных этносов классифицируются как независимые. Языкам малых народностей грозит исчезновение вследствие ассимиляции либо вымирания народа-носителя.

Наряду с народностями, соседствующими с западным миром с самого открытия Америки, как, например, вайуу, в Венесуэле есть и такие, о существовании которых стало известно лишь во второй половине XX века (хоти). Одни народности в большинстве своем перебрались в города (вайуу, куманэготы, чайма¹ и др.), другие же по-прежнему живут в джунглях тропических лесов. Значительное индейское население присутствует в таких крупных городах, как Маракайбо, Пуэрто-Аякучо, Тукупита, Сьюдад-Боливар, Пуэрто-Ордас, Эль-Тигре и в столице страны. В городах сосредоточено 25% индейского населения, 39% проживает в сельскохозяйственных регионах². Лишь треть индейцев живет на своих исконных землях. Как правило, это труднодоступные пограничные районы.

Условия жизни индейцев хуже, чем в среднем по стране. По данным 2001 г., число семей, находящихся за чертой бедности, достигало в Венесуэле 27,64%, а в индейской среде – 40,55%; показатели населения, живущего в крайней нищете, составляли, соответственно, 7% населения и 12,19%³. Медицинских учреждений на индейских территориях не хватало, к тому же во многих из них не было врачей⁴. Голод, эпидемии

Таблица 1

Индийские народности Венесуэлы

Народность	Численность	Доля индейского населения, %*	Штаты проживания	Традиционные общины, %**	Владеют испанским, не зная родного языка, %	Языковая группа
Акавайо	218	0,041	Боливар	88	18,68	Карибская
Аньо	11205	2,119	Сулия	34	93,68	Аравакская
Аравак	428	0,081	Боливар	89	71,38	Аравакская
Аругани	29	0,005	Боливар	100	0	Независимая
Банива	2408	0,455	Амазонас	14	73,97	Аравакская
Баре	2816	0,533	Амазонас	11	91,13	Аравакская
Бари	2200	0,416	Сулия	85	6,04	Чибча
Вайуу	293777	55,567	Сулия, Миранда, Мерида, Трухильо, Лара, Фалькон и др.	12	27,16	Аравакская
Варао	36028	6,815	Боливар, Дельта-Амакуро, Монагас, Сукре	79	7,65	Независимая
Варекена	513	0,097	Амазонас	30	67,9	Аравакская
Вайкери	2839	0,537	Нуэва-Эспарта	100	100	Карибская
Варисана	17	0,003	Боливар	94	71,43	Аравакская
Гуахибо (Хиви)	14751	2,790	Амазонас, Апуре, Боливар, Гуарико	71	14,08	Гуахибо
Йекуана	6523	1,234	Амазонас, Боливар	84	2,35	Карибская
Йерал (Ньенгату)	1294	0,245	Амазонас	38	37,84	Тупи-гуарани
Каринья	16686	3,156	Ансоатеги, Боливар, Монагас, Сукре	71	69,06	Карибская
Кубео	25	0,005	Амазонас	48	54,55	Тукано
Куйва	454	0,086	Апуре, Гуарико	94	3,76	Гуахибо

Куманаготы	553	0,105	Ансоатеги, Миранда	0	88,91	Карибская
Куррипако	4925	0,932	Амазонас	60	23,23	Аравакская
Мако	1130	0,214	Амазонас	98	0,58	Салива
Мапойо	365	0,069	Амазонас, Боливар	38	96,32	Карибская
Хоти	767	0,145	Амазонас, Боливар	98	0,16	Независимая
Пемон	27157	5,137	Боливар	89	5,76	Карибская
Пиапоко	1939	0,367	Амазонас, Боливар	77	14,08	Аравакская
Пиароа	14494	2,741	Амазонас, Боливар	87	3,48	Салива
Пириту	236	0,045	Ансоатеги	100	78,81	Карибская
Пуинаве	1307	0,247	Амазонас	49	27,2	Независимая
Пумэ	8221	1,555	Апуре	88	10,35	Независимая
Салива	265	0,050	Амазонас	76	84,81	Салива
Санема	3035	0,574	Амазонас, Боливар	97	0,29	Независимая
Хапрериа	216	0,041	Сулия	88	6,49	Карибская
Чайма	4084	0,772	Монагас, Сукре	29,4	98,34	Карибская
Эньела	4205	0,795	Амазонас, Боливар	96	2,44	Карибская
Юкпа	7515	1,421	Сулия	89	4,29	Карибская
Яварана	292	0,055	Амазонас, Апуре	52	39,87	Карибская
Яномами	12234	2,314	Амазонас	97	1,08	Независимая
Другие народности	629	0,119	-	-	-	-

Народ- ность указана	не 21322	4,033	-	-	-	-
----------------------------	-------------	-------	---	---	---	---

* и ** – собственные расчеты.

Данные по: Instituto Nacional de Estadística (INE). Censo de Población y Vivienda 2001. Censo de Comunidades Indígenas 2001. – <http://www.ine.gov.ve>; «Atlas sociolingüístico de pueblos indígenas en América Latina». – <http://atlas pueblos indigenas.wordpress.com>

таких болезней, как малярия, туберкулез, холера, тропическая лихорадка, ставили целые народы на грань исчезновения. Особенно серьезное положение сложилось в штатах Амазонас и Дельта-Амакуро⁵.

Индийские народы Венесуэлы, различные по своей культуре, в то же время имеют и многие схожие черты. Как правило, основное пропитание индейцам дает земледелие, и большинство по-прежнему сочетают его с охотой, рыбной ловлей и собирательством. Последнее обеспечивает им в том числе сырье, используемое в ремесленных промыслах и при строительстве жилья. В зависимости от окружающих условий какому-либо из вышеназванных занятий отдается предпочтение. Исключения составляют вайуу: их главным занятием с колониальных времен стало скотоводство. Индейцы практикуют подсечно-огневое земледелие, меняя участки каждые несколько лет. Главной из возделываемых культур является юкка, хотя есть и исключения: хотя и яномами культивируют банан, вайуу и юкпа – маис, а варао – таро (*Colocasia esculenta*)⁶. Индейские народы значительно отличаются по уровню своего социального развития: наряду с оседлыми земледельческими общинами, поддерживающими торговые связи с соседями, есть охотники-собиратели, ведущие кочевой образ жизни. Различна и степень интеграции в доминирующее общество. Общины, как правило, невелики, и редко превышают сто человек. Прежде все их члены жили обычно в большом общинном доме, теперь же эта традиция сохраняется лишь у хоти и яномами; у народов пиароа и йекуана такие строения используются для проведения собраний⁷. Все чаще индейцы предпочитают прежним хижинам сельские и городские дома: так, по данным переписи 2001 г., из 32 тыс. жилищ в общинах лишь 14 тыс. (43%) принадлежат к традиционному типу.

Самый крупный из индейских народов – вайуу. Вместе с варао, пемон, каринья, гуахибо, пиароа, анью, юкпа и пумэ они составляют 85% венесуэльских индейцев. Наибольшая группа коренного населения сосредоточена в штатах Сулия (62%), Амазонас (11%), Боливар (9,4%) и Дельта-Амакуро (5,8%). В

Амазонас и Дельта-Амакуро индейцы составляют, соответственно, 54,3% и 26,6% от общей численности населения. Также к «индейским» штатам относятся Ансоатеги, Апуре, Монагас, Мерида, Трухильо и Сукре.

Индейцы штата Сулия представлены четырьмя народами: вайуу, аньо, бари и юкпа. Вайуу населяют побережье озера Маракайбо и полуостров Гуахира, пограничный с Колумбией, на территории которой проживает значительная часть этой народности. Им удалось отстоять свою территорию и сохранить фактическую автономию. Однако близкое соседство с иной культурой, а также климатические изменения внесли серьезные перемены в образ жизни: вместо охоты и рыболовства главным их занятием стало скотоводство, в первую очередь разведение коз, которое и по сей день составляет основу жизни сельских общин. Хорошо развиты ремесленное производство (ткачество, гончарное дело), важную роль играет торговля (в том числе контрабанда⁸). Большинство вайуу мигрировали в города: в Маракайбо, где их проживает около 60 тыс., Баркисимето, Валенсию, Маракай. Многие работают по найму в сельском хозяйстве, на угольных шахтах, промышленных предприятиях, в строительстве, сфере услуг, в городах занимаются мелкой торговлей.

Вайуу сохранили традиционную социальную структуру, важная роль в которой отводится женщинам. Народ разделен на несколько родоплеменных групп, называемых кастами; родство считается по матрилинейному принципу. Главой расширенной семьи является дядя по материнской линии; допускается полигамия. Вайуу имеют собственные законы, насчитывающие сотни лет, и систему правосудия, которую олицетворяет своего рода верховный судья, разрешающий конфликты между племенами⁹. Из всех индейских народностей они наиболее интегрированы в западное общество, не теряя в то же время своей идентичности. Хотя более 80% живет за пределами традиционной среды, лишь треть из них не владеет родным языком, полностью перейдя на испанский. Представительница этой народности одно время возглавляла Министерство окру-

жающей среды, из их рядов также вышли три депутата Национальной ассамблеи, в том числе одна из виднейших индейских лидеров Ноэли Покатерра.

Анью обитают на северо-западном побережье оз. Маракайбо, включая ряд островов; часть их поселений — это свайные постройки над водой. Современные анью — потомки тех индейцев, чьи «плавающие города» дали название всей стране. Их надводное поселение в лагуне Синамайка — это одна из туристических достопримечательностей штата. Основным занятием является рыбная ловля; помимо собственного пропитания, она обеспечивает значительную часть потребностей местного рынка. Также анью занимаются изготовлением лодок и выращивают на продажу кокосовый орех. По культурным характеристикам эта народность близка к вайуу, однако ее представители в большинстве своем забыли родной язык, перейдя на испанский¹⁰.

Бари занимают покрытые лесом территории к юго-западу от оз. Маракайбо в районе горного хребта Сьерра-де-Периха, на западной границе Венесуэлы и на северо-востоке Колумбии. К северу от них в венесуэльской части Сьерра-де-Периха также в лесной зоне обитают юкпа. Различаясь лингвистически, обе народности сходны по образу жизни и долгое время ошибочно назывались одним именем: первые были известны как «воинственные мотилоны», вторые — как «мотилоны мирные». Их основное занятие — подсечно-огневое земледелие в сочетании с охотой, рыболовством и собирательством. Судьба этих народов имеет много общего: в первые десятилетия XX в. под напором крестьян-скотоводов и горнодобывающих компаний индейцы потеряли большую часть оставшихся у них территорий. Так, к 1960-м годам территория бари составляла 12% от имевшейся у них в 1900 г., а численность сократилась вчетверо, восстановившись лишь к недавнему времени. Юкпа были оттеснены в труднодоступные высокогорные районы. Оказавшись на грани выживания, они начали движение в обратном направлении, захватывая хозяйства, обосновавшиеся на их исконных землях. Ситуация особенно обострилась в послед-

ние годы, когда к притязаниям нефтедобывающих компаний и скотоводов добавились планы по добыче угля в этом регионе. Материальная культура юкпа претерпела серьезные изменения: на смену небольшим общинам пришли более крупные поселения; как и бари, они предпочитают теперь традиционным жилищам обычные дома сельского типа. Широкое распространение получило выращивание кофе, которое юкпа продают через созданный ими кооператив. Оба народа смогли сохранить свой язык, социальную и экономическую структуру, верования, а борьба за возвращение своих земель стала для них объединяющим фактором¹¹.

Варао, вторая по численности народность после вайуу, расселены на территории нескольких штатов, но большинство обитает в Дельта-Амакуро. Основой социальной структуры является расширенная семья, а глава общины исполняет и религиозные функции. Жизнь варао тесно связана с водой, и пирога (куриана) — ее обязательный атрибут. Поселения на берегах рек состоят из традиционных свайных построек без стен, хотя их место постепенно занимают обычные сельские дома. Главным занятием варао было рыболовство, дополняемое охотой и собирательством, в особенности добычей плодов пальмы мориче, которая на протяжении веков являлась одним из важнейших продуктов питания. Однако необратимые изменения экосистемы, вызванные работами в дельте Ориноко (перекрытие одного из рукавов, активная нефтедобыча и др.), нарушили вековой уклад. По словам этнографа О. Бьорда, представителя Дирекции по делам индейцев Министерства образования, положение варао одно из самых тяжелых в стране: «Идет процесс разрушения и загрязнения окружающей среды... равновесие нарушено... Приток соленых морских вод привел к засолению почвы, что вынудило большое число варао покинуть обжитые места, поскольку они не могли больше сеять и потому что исчезла рыба»¹². Одни занялись рубкой леса и работой на деревообрабатывающих предприятиях, другие, мигрировав в города, нашли работу в сфере услуг, в качестве прислуги, но многие были вынуждены просить милостыню. Деградация окружаю-

щей среды и ухудшение условий жизни привели к тому, что ситуация со здоровьем у варао – одна из самых тяжелых в стране, особенно в том, что касается уровня детской и материнской смертности¹³.

На территории штатов Амазонас и Боливар, почти сплошь покрытых тропическими лесами, обитают представители более двух десятков индейских народностей. Наиболее значительные из них – пемон, каринья, пиароа, яномами и йекуана. Пемон, третий по численности индейский народ Венесуэлы, населяют юго-восток штата Боливар. Они – исконные обитатели региона Гран-Сабана. Большинство живет в степных районах, и лишь небольшая группа – в лесах. Народность разделяется на три подгруппы, говорящие на разных диалектах: камаракото, тауперан, арекуна. Основу социальной организации составляет простая семья. Несколько соседних общин образуют племя, во главе которого стоит вождь, выполняющий роль судьи и представителя в переговорах с другими племенами и с неиндейским населением. Жизнь индейцев, основным занятием которых было земледелие, претерпела серьезные изменения с проникновением на их территории горнодобывающих предприятий и строительством международной автотрассы между Венесуэлой и Бразилией, которая прошла через Гран-Сабану, принесла с собой, помимо прочего, рост числа туристов. В настоящее время многие индейцы заняты в туристической и в горнодобывающей отраслях. Среди пемон сильно влияние католических миссионеров¹⁴.

Каринья рассеяны по территории четырех штатов. Основу их социальной организации составляет расширенная семья; общины полностью автономны, а власть вождя основана на его личном авторитете, широте родственных связей и способности убеждения, поскольку его решения не носят принудительного характера, а принимаются с всеобщего одобрения. Традиционное сочетание земледелия с собирательством и охотой постепенно уступает место иным видам деятельности, особенно в общинах, обитающих вблизи городов, скотоводческих хозяйств, нефтеносных промыслов. Каринья моногамны, но среди

них допускается и полигамия. Молодые семьи все чаще селятся отдельно от родителей. Значительная часть каринья мигрировала в ближайшие города: Эль-Тигре, Кантауре, Сьюдад-Болivar. В целом процесс акультурации каринья зашел уже достаточно далеко¹⁵.

Пиароа расселены на обширной территории во влажном тропическом лесу в Венесуэле и Колумбии. Большинство общин живут вблизи городов и сел штата Амазонас и ведут оседлый образ жизни, создавая большие поселения (более 100 чел.), состоящие из множества односемейных домов. Они имеют постоянный доступ к государственной системе образования и здравоохранения. Основным занятием является земледелие, также важную роль в экономической деятельности играет торговля. Однако если ранее пиароа обеспечивали обмен широким ассортиментом товаров с соседними народами, то теперь их торговые связи ориентированы главным образом на снабжение продовольствием городов. В то же время часть народности (около 10%) по-прежнему практически изолирована от доминирующего общества, сохраняя традиционный образ жизни. Это рассредоточенные на большом расстоянии одна от другой небольшие мобильные группы (от 15 до 45 чел.), состоящие из близких родственников, которые размещаются во время стоянок в одной-двух общих хижинах (чуруатах) с характерной конусообразной кровлей. По словам одного из лидеров пиароа, они намеренно отказываются от контакта с креольским обществом¹⁶. В настоящее время наиболее серьезная проблема пиароа — это посягательство на их территории для использования в сельскохозяйственных или градостроительных целях.

Яномами населяют обширное пространство сельвы (ок. 83 тыс. км²) на границе Венесуэлы и Бразилии. Это одна из наиболее изученных народностей венесуэльской Амазонии. Согласно последним данным, общая численность народа достигает 25 тыс. человек, из них в Венесуэле находятся от 12 до 14 тыс., разделенные на 250 общин¹⁷. Для яномами характерно строительство общего жилища: навесы из пальмового листа, расположенные кольцом вокруг центральной площади, под каждым

из которых располагается отдельная семья. Семьи могут быть моногамными или полигамными (в этом случае каждая из жен имеет отдельное жилище-навес). В зависимости от размеров общины в ней один или несколько лидеров¹⁸.

Большинство яномами обитают в труднодоступных местах, но с середины XX века их контакты с западным миром приобрели постоянный характер. Начало было положено протестантскими миссионерами (евангелическая организация «Новые племена»)¹⁹, вслед за которыми появилась и католическая миссия, а также исследователи-антропологи. С середины 1960-х годов на земли яномами стали проникать золотоискатели-нелегалы в поисках золота и алмазов, приток которых особенно усилился в конце 1980-х (главным образом из Бразилии)²⁰, сделав необходимым вмешательство венесуэльских силовых структур. Новый этап в развитии контактов с доминирующим обществом начался в 2006 г., когда после выдворения из страны миссии «Новые племена» освободившееся место заняли представители государственных военных и гражданских ведомств. Постоянное присутствие на территории яномами нелегалов и военных, осуществление государственными органами политики, подрывающей их традиционный уклад (строительство жилья городского типа, раздача бесплатной еды), столкновения на религиозной почве, обусловленные влиянием христианских миссий, а также рост заболеваемости и смертности в условиях недостаточного доступа к медицинской помощи «стали причиной серьезных социокультурных изменений и формирования новых моделей поведения, особенно в общинах, обитающих в зонах наиболее легкодоступных»²¹. «Есть общины, которые живут рядом с миссиями... или постоянно соседствуют с военными или Национальной гвардией, ... встречаются даже индейцы, завербовавшиеся в солдаты»²²; отмечается быстрый рост миграции в города.

Йекуана селятся, как правило, по берегам рек. У них хорошо развиты ремесла, в особенности плетение корзин и изготовление пирога. Умелые навигаторы и торговцы, йекуана совершают дальние речные плавания. Их общины автономны и

представляют собой расширенную семью, построенную по матрилинейному принципу. Из-за влияния миссионеров в настоящее время наблюдается разделение индейцев по религиозному признаку: среди них встречаются как католики, так и последователи евангелической церкви²³. Представительница этой народности Нисия Мальдонадо – руководитель Министерства по делам индейских народов.

Остальные, более малочисленные народности можно условно разделить на две группы по характеру их отношений с доминирующим обществом. Значительная часть (банива, баре, варекена, куррипако, пиапоко, пуинаве, мапойо, йерал) переняла основные черты креольской культуры, зачастую практически забыв родной язык (как мапойо²⁴). Основным занятием, дающим пропитание, стала для них работа по найму или собственные промыслы: сбор и продажа растительного сырья (саррапии, волокна чикичике), изготовление на продажу ремесленных изделий (корзин, циновок, шляп). Поскольку большую часть продовольствия и других товаров индейцы вынуждены приобретать, многие из них попадают в кабалу к торговцам, отработывая за полученные в кредит продукты²⁵. Еще сохраняются черты традиционной социальной организации: так, у мапойо власть касика, возглавляющего всю группу, передается по наследству; проводятся совместные праздники. Во второй группе – народы, обитающие в традиционной среде, которые находятся зачастую под угрозой вымирания (эньепа, санема, мако, хотя и др.). Занимаются они охотой и собирательством, в меньшей степени земледелием. В последние десятилетия захваты земель крестьянами и нелегалами-золотоискателями, интенсивная добыча ископаемых (бокситы, алмазы), различные строительные проекты, миссионерская деятельность подорвали их традиционный образ жизни и сузили среду обитания.

Народ пумэ составляет почти половину индейского населения в штате Апуре. Небольшие общины пумэ автономны; каждую возглавляет старейшина, выполняющий социальные функции (прием гостей и др.), но не располагающий реальной властью. Поселения представляют собой несколько односемей-

ных домов, общие большие жилища встречаются все реже. Общины, обитающие по берегам рек, ведут оседлый образ жизни и занимаются земледелием, а обитатели степных районов – охотники и собиратели, кочующие на большие расстояния. В последние годы в результате продолжающегося захвата земель многие вынуждены были стать батраками²⁶.

Обширная территория западной части льяносов Ориноко (юг, юго-восток, северо-запад Апуре) и западные районы штатов Амазонас и Боливар – земли народа гуахибо, обитающего по обе стороны колумбийско-венесуэльской границы; большая группа проживает также в столице Амазонас – г. Пуэрто-Аякучо. Варьирование источников пропитания, традиционная мобильность, развитый обмен между общинами и с соседними народами позволили им выжить в непростых условиях льяносов, с их бедными землями, сменяющимися друг друга наводнениями и засухами. В сельских общинах охота и собирательство сочетаются с земледелием, в том числе производством на продажу. Гуахибо обеспечивают значительную часть продовольственного рынка Пуэрто-Аякучо и сувенирной продукции для туристической отрасли. Среди городских жителей встречаются как служащие, наемные рабочие, представители различных профессий, так и маргиналы²⁷.

Таким образом, за последние десятилетия произошли серьезные изменения в жизни индейских народов. С одной стороны, продолжающееся вытеснение индейцев с их земель крестьянами-креолами, реализация строительных проектов и добыча полезных ископаемых, приток нелегалов-золотоискателей из Колумбии и Бразилии (действия которых лишают индейцев возможности свободного развития на исконной территории из-за загрязнения воды, истощения ресурсов, появления новых болезней или прямой угрозы жизни) стали причиной усилившегося оттока индейцев в городские центры в поисках новых источников существования. Среди причин этого процесса и разрушение сложившихся традиционных сетей обмена товарами между коренными народами, место которых заняли новые торговые центры – города. С другой стороны, в си-

лу вышеназванных обстоятельств общины, обитающие в труднодоступных районах, в условиях фактической изоляции или редких контактов с доминирующим обществом, являются крайне уязвимыми. Исследователи отмечают, что ввиду бездействия соответствующих государственных органов по делам индейцев и отсутствия государственной политики по их защите под угрозой не только сохранение культуры этих групп индейцев, но и само их существование²⁸.

Судьба индейцев в городах зависит в первую очередь от двух факторов: владения испанским языком и наличия профессиональных навыков. Многие, не найдя работы, вынуждены заниматься попрошайничеством, проституцией²⁹. Другой проблемой является для них адаптация к иному образу жизни, иной культуре³⁰. Одним из способов преодоления возникающих трудностей может стать помощь соплеменников, поэтому большую часть населения так называемых «индейских кварталов» составляют, как правило, представители одной этнической группы³¹. Следующий шаг – это создание гражданских ассоциаций, как в случае вайуу в Маракайбо, где с середины 1980-х годов индейцы стали объединяться первоначально для решения таких насущных проблем, как снабжение водой, электричеством, благоустройство территории и др.³² Иной вариант поведения дает пример варао, профессионально занимающихся попрошайничеством. Как отмечает венесуэльский исследователь А. Гарсиа-Кастро, «в отличие от других этносов, варао приходят в города не для того, чтобы продавать свои ремесленные изделия, поскольку их традиционной культуре не свойственно занятие торговлей; их занятиями являются собирательство и рыбная ловля... Особая стратегия выживания варао в отношении нищенства заключается в том, что они отправляют попрошайничать женщин и детей, которые разбредаются по обширной территории, ... а мужчины находятся в местах сбора, следят за домашними пожитками, заботятся об оставшихся детях и готовят еду для всей группы... Индейцы не только обеспечивают дешевую рабочую силу, вытесняющую [с рынка труда] местное население, но, когда речь заходит о

попрошайничестве, тот факт, что нищий – индеец, может сильнее побудить прохожего подать милостыню именно ему и даже дать больше, чем обычно»³³. В данном случае речь может идти о формировании новой модели поведения значительной части этой индейской народности.

Еще одним аспектом жизни индейцев, претерпевшим серьезные изменения в последние десятилетия, является институт лидерства. Ранее лидерами становились умудренные опытом старейшины, как правило, являвшиеся одновременно и шаманами. Однако контакт с западным обществом и зависимость от него требуют от лидеров иных качеств, и ими все чаще становятся люди молодые или среднего возраста, обладающие хорошим знанием испанского и принципов функционирования государственных институтов; они оттесняют традиционных лидеров-шаманов на второй план, отводя им роль советников³⁴.

Организованное индейское движение в Венесуэле зародилось в начале 1970-х годов при поддержке экологических, правозащитных и миссионерских кругов³⁵. Первой региональной организацией стала основанная в 1973 г. Федерация индейцев штата Боливар (ФИБ). В 1989 г. был создан Национальный индейский совет Венесуэлы (CONIVE), объединивший региональные организации. Это подготовило почву для того, чтобы, воспользовавшись сложившейся в конце 1990-х годов ситуацией в стране, индейцы начали активную борьбу за свои права на политическом поле.

До принятия Конституции 1999 г. в Венесуэле отсутствовал унифицированный свод законов, которые бы защищали права индейцев. Этот вопрос затрагивался лишь отдельными положениями законодательства об охране окружающей среды, образовании, туризме и аграрной реформе. Правовой режим в отношении индейцев, действовавший в Венесуэле, был одним из самых отсталых на латиноамериканском континенте. Начало настоящего диалога между государством и индейцами можно отнести к концу 1990-х годов, когда Уго Чавес, тогда еще кандидат в президенты, провел переговоры с наиболее влиятель-

ными лидерами индейских племен и включил в свою предвыборную программу положение о масштабных преобразованиях государственной политики в отношении коренного населения страны. При этом им был выдвинут тезис о существовании «исторического долга» предыдущих правительств Венесуэлы по отношению к индейским общинам, который «боливарианская революция» призвана компенсировать.

Конституция 1999 г., одна из глав которой специально посвящена правам индейских народов, была разработана при участии депутатов-индейцев, пришедших на Конституционную ассамблею с единым списком требований о гарантиях политических, экономических и социокультурных прав индейских народов, выработанным под руководством CONIVE после многочисленных встреч на местном, региональном и общенациональном уровне³⁶. Конституция провозгласила «многоэтнический и многокультурный» характер венесуэльского государства, признав существование индейских народов и общин и их прав на исконно занимаемые земли, на сохранение традиционных форм хозяйства и общественной организации. Индейские языки и культура были объявлены частью национального культурного достояния, и установлены обязательства государства по их защите, гарантировано представительство индейцев в выборных органах власти всех уровней, признан официальный статус индейских языков (для использования в индейской среде), право на осуществление индейцами в пределах общин административно-судебных функций, согласно своим обычаям. Индейцам было гарантировано право на образование и здравоохранение, которые должны быть адаптированы к их нуждам, а также уравнены их права в области трудового законодательства. Государство обязалось провести разграничение индейских земель при непосредственном участии в этом процессе самих общин, установило принцип обязательных консультаций с индейцами при реализации каких-либо проектов (в частности, использовании природных ресурсов) на занимаемых ими территориях и приняло на себя обязательства по защите окружающей среды на этих землях³⁷.

Конституция закрепляла за индейцами три депутатских мандата в Национальной Ассамблее (НА); кандидаты избирались от трех регионов страны с индейским населением: западного (Мерида, Трухильо, Сулия), южного (Амасонас, Апуре) и восточного (Монагас, Дельта-Амакуро, Сукре и Ансоатеги). На выборах 2000 г. индейцы получили серьезные результаты: CONIVE провел трех депутатов в НА; Региональная организация индейских народов Амасонас (ORPIA), Региональная организация индейцев Сулии (ORPIZ), организации пумэ в Апуре и каринья в Сукре и Ансоатеги добились избрания своих кандидатов в Законодательные собрания штатов; помимо того, в Амасонас кандидат, которого поддерживало политическое крыло ORPIA, Объединенный многонациональный народ Амасонас (PUAMA), стал первым в Венесуэле индейцем-губернатором штата, а индейцы-алькальды возглавили три муниципия³⁸.

Проблемами, требовавшими принятия неотложных мер, было улучшение материальных и санитарных условий жизни индейских общин, обеспечение им доступа к услугам здравоохранения и реформа системы образования, на которой давно настаивали индейцы³⁹. Наконец, важнейшими проблемами во взаимоотношениях государства и индейских народов были вопросы о земле и об охране окружающей среды. В избранном, согласно новому закону, парламенте Комиссия по делам индейцев получила постоянный статус; был создан ряд руководящих органов для координации государственной политики в отношении индейцев. Серьезным успехом депутатов-индейцев стала ратификация в 2001 г. Венесуэлой Соглашения № 169 Международной организации труда об индейских народах и племенах в независимых странах от 7 июня 1989 г., основополагающего международно-правового акта в данной сфере, а также принятие в том же году Закона о разграничении и гарантиях среды проживания и земель индейских народов⁴⁰. В 2005 г. после длительного обсуждения был принят охватывающий все стороны жизни индейцев Органический закон об индейских народностях и общинах. В 2006 г. вступил в действие

государственный план по защите исчезающих языков. В последующие годы был принят еще ряд законов, дополняющих индейскую правовую базу: Закон об индейских языках (2008), Закон о культурном наследии индейских народов и общин (2009), Закон об индейских ремесленниках (2010), обсуждаются проекты законов об индейской юрисдикции и о выборах индейских представителей в органах власти⁴¹. Последний предусматривает формирование отдельных избирательных списков для индейцев при выборах ими своих представителей в законодательные органы (в настоящее время выборы индейских кандидатов осуществляются путем всеобщего голосования).

Попыткой комплексного решения социальных проблем индейцев стал учрежденный в 2004 г. «План Гуайкайпуру»⁴² (одна из социально-ориентированных «миссий» У. Чавеса), реализация которого при финансовой поддержке государственной нефтедобывающей компании PDVSA и ряда других государственных финансовых и промышленных структур была поручена сначала Министерству природных ресурсов и окружающей среды, затем Министерству народного участия и социального развития и, наконец, созданному в 2006 г. Министерству по делам индейских народов (MINPI). Различные программы в рамках «Плана Гуайкайпуру» были направлены на улучшение условий жизни индейских общин (строительство необходимой инфраструктуры, систем водоснабжения, жилья, школ, больниц, снабжение продовольствием), содействие их экономическому развитию (поддержка сельского хозяйства, создание промысловых кооперативов, привлечение индейцев к работе в туристической отрасли) и сохранению культурных традиций и языка⁴³. В качестве неотложных мер проводилась раздача семян, бензина, медикаментов, орудий труда⁴⁴. Одним из путей борьбы с бедностью и продолжающимся вытеснением индейцев с их земель стало начатое в 2007 г. создание индейских «социалистических коммун» (*comunas socialistas*) — производственных кооперативов, получающих от государства помощь в виде кредитов, строительства жилья, финансирования

социальной сферы; в 2009 г. их насчитывалось 57, а на 2010 г. было намечено создание еще 120.

В области образования усилия были направлены на расширение доступа индейцев в учебные заведения⁴⁵ и на совершенствование системы двуязычного обучения. К разработке реформ государственные органы стали активно привлекать самих индейцев. Эта политика принесла определенные плоды: выросла посещаемость школ для индейцев в большинстве индейских штатов⁴⁶. В области же двуязычного обучения, как признают венесуэльские специалисты, не удалось добиться существенных сдвигов. Выход видят в подготовке педагогических кадров из среды самих индейцев⁴⁷.

В здравоохранении положительные изменения наметились после создания специального отдела Минздрава, который активизировал деятельность в индейской среде⁴⁸. Помимо оперативных медицинских рейдов и массовых вакцинаций, было намечено несколько путей работы: адаптация медицинских учреждений в регионах проживания индейцев к их потребностям, улучшение снабжения, комплектация кадрами существующих и создание новых амбулаторий, подготовка медиков для работы в индейских общинах (в том числе из рядов самих индейцев), усиление эпидемиологического контроля. Отдельным направлением стала работа по преодолению критических ситуаций, сложившихся у народностей яномами (План здоровья яномами⁴⁹) и варао (План Дельта⁵⁰). Достигнуты определенные успехи, однако пока рано говорить о конкретных результатах. Еще одним путем улучшения состояния здоровья в индейских общинах стало создание шаманских центров здоровья, осуществляемое MINPI.

Важнейшим вопросом для индейцев был вопрос о земле. Большинство индейских общин в Венесуэле к концу XX в. не имели законодательно подтвержденных прав на свои земли, что ставило их в бесправное положение. Это приводило к вытеснению индейцев с исконных территорий, разрушению среды их обитания и, по сути, ставило под угрозу существование целых народностей. Сопротивление было, как правило, безнадежно и

нередко оканчивалось человеческими жертвами⁵¹. Шанс решить законодательно вопрос о земле появился с принятием Конституции в 1999 г., ст. 119 которой содержала положение об официальном признании необходимости сохранения индейцами своих земель для поддержания традиционного уклада и об осуществлении государством разграничения земель при непосредственном участии в этом процессе индейских народов. Результатом разграничения должно было стать предоставление индейцам коллективного права собственности на их земли. В 2001 г., как уже говорилось, был принят соответствующий закон и создана Национальная комиссия по этому вопросу.

Однако, несмотря на наличие законодательной базы и благоприятную политическую конъюнктуру, процесс разграничения развивается медленно и на условиях, отличных от тех, на которых настаивали индейцы. Речь идет об экономически и стратегически значимых приграничных регионах, и здесь стремления индейцев вступают в противоречие с политикой правительства, которая направлена на усиление контроля над данными территориями и освоение их природных ресурсов. Одним из шагов в этом направлении стало выдворение из Венесуэлы в 2005 г. миссионеров упомянутой выше организации «Новые племена» (США), обосновавшихся в начале 1950-х годов на юге страны⁵². Их место заняли военные базы и гражданские специалисты, которые в соответствии с принятым «Государственным стратегическим планом по защите, развитию и консолидации юга страны» должны обеспечивать безопасность на границе (контроль над незаконной экономической деятельностью и наркоторговлей) и содействовать развитию образования и здравоохранения в южных пограничных регионах⁵³. Неудивительно, что ситуация, при которой 2,3% населения страны могут претендовать в целом на треть ее территории⁵⁴, воспринимается государством как потенциально опасная. Это одна из вероятных причин того, что выданные к настоящему моменту документы не дают индейцам права на коллективную собственность, а лишь на использование определенной общи-

ной (а не народом) занимаемых ею земель, что сближает действия нынешних властей с аграрной реформой 1960 года⁵⁵.

Отношения между индейцами и правительством страны на протяжении прошедшего десятилетия претерпели серьезные изменения. Из маргинального меньшинства коренные народы превратились в этническую группу, которая является объектом наиболее пристального внимания со стороны государства. Индейские массы напрямую связывают реализацию гарантированных конституцией прав с пребыванием у власти У. Чавеса, и этим объясняется неизменная поддержка большинством из них действующего правительства или, точнее говоря, лично действующего президента, который публично подчеркивает свое индейское происхождение. Эта поддержка была наглядно продемонстрирована во время попытки государственного переворота 2002 г., а также последующих референдумов и избирательных кампаний.

С приходом к власти У. Чавеса многие видные индейские лидеры заняли позицию его активных сторонников. Это обеспечило их включение в официальные структуры и значительно расширило возможности в борьбе за продвижение интересов индейцев. Выражая поддержку революционному процессу, индейские руководители восприняли и новую идеологию. Индейское движение стало идентифицироваться ими с боливарианским революционным процессом. «CONIVE оказался фактически включен в новую структуру государственной власти, превратившись в официальный канал для осуществления избирательных процессов и координации индейского представительства... и его легитимность в этой сфере была признана государством»⁵⁶. С превращением правительственного курса в социалистический большая часть индейских лидеров, группирующаяся вокруг CONIVE, также горячо заявила о поддержке новой политики. Одним из отражений этого стало утвердившееся в их официальном дискурсе положение об идентичности индейской общинной жизни и строящегося в Венесуэле социалистического общества XXI века⁵⁷. Вместе с тем следует отметить нарастание критических настроений как в низовых

общинах, так и среди руководителей индейского движения, связанных с изменениями в государственной политике в отношении коренных народов, произошедших в последние годы.

Государство развернуло политику по интеграции индейцев в различные общественные структуры. С одной стороны, проводилась идеологическая обработка масс, которые вовлекались в партийные организации «боливарианской революции»; с другой – низовые общины включались в создаваемую по всей стране унифицированную систему общинных советов (базовых органов формируемой новой геометрии власти), на основе которых в 2007 г. была создана параллельная, подконтрольная государству сеть новых общественных объединений (подменяющих существующие индейские организации) во главе с Боливарианской федерацией индейских общинных советов. Проводником государственной политики стало MINPI.

Одновременно правительство, по сути, взяло курс на упразднение особого статуса индейских земель, чему должна была способствовать предложенная в 2007 г. MINPI реформа одного из важнейших законодательных актов, гарантирующих права индейцев – Органического закона об индейских народах и общинах⁵⁸. Этот проект вызвал многочисленные протесты индейцев; против выступил CONIVE и многие входящие в его состав организации⁵⁹, разделились мнения по этому вопросу и депутатов-индейцев в НА.

В адрес MINPI часто звучит критика со стороны исследователей-индихенистов и активистов-правозащитников. Его обвиняют в сиюминутном и паллиативном характере деятельности, направленной на решение конъюнктурных и структурных проблем в то время, как без внимания остаются ключевые для индейцев темы (разграничение земель); в отсутствии стратегического видения индейского вопроса, которое направляло бы разработку и осуществление государственной политики; в слабой координации действий с другими государственными органами, приводящей к дублированию функций и расходованию средств; в том, что вместо руководства государственной политикой в индейском вопросе MINPI выполняет административ-

ные и распределительные функции, и это «углубляет клиентелистские отношения... подрывает лидерство на местном уровне и становится причиной раздора и конфликтов»⁶⁰.

С созданием MINPI значительно ослабло влияние традиционных организаций как посредников между правительством и индейскими массами. Изменение государственной политики привело к усилению раскола в индейском движении: часть общин отошла от активной поддержки У. Чавеса и на референдуме 2007 г. выступила против предложенной им конституционной реформы; другие организации во главе с CONIVE продолжили сближение с «боливарианскими» структурами, стремясь сохранить завоеванные позиции. Демонстрируя приверженность революционному процессу, они добиваются осуществления своих требований, главное из которых – разграничение земель на условиях, обещанных конституцией и основополагающими законодательными актами по индейскому вопросу.

Произошел раскол и в руководстве CONIVE. Стремясь сохранить самостоятельность движения, часть его лидеров выступила против массового вовлечения индейцев в состав правительственной Социалистической единой партии Венесуэлы (PSUV). В ответ в начале 2008 г. была создана Национальная боливарианская индейская конфедерация Венесуэлы (CONBIVE), состав и заявленная структура которой говорят о том, что она призвана занять место CONIVE.

Вовлечение в политическую борьбу обострило внутренние противоречия в индейском движении, обусловленные как соперничеством между лидерами CONIVE и региональных организаций, так и сложным этническим составом. Наметилось отчуждение между лидерами, включенными в официальные структуры, и низовыми общинами, члены которых зачастую видят в них лишь проводников государственной политики, а не защитников своих интересов.

Раскол в CONIVE привел к ослаблению его влияния в ряде штатов страны. Так, при выборах индейских депутатов в НА в южном регионе (штаты Амазонас и Апуре) CONIVE пере-

стился с первого места в 2000 г. (72%) на третье в 2005 г. (23%), хотя в то же время усилил свои позиции на востоке и западе страны. На региональных выборах 2008 г. в отличие от 2004 г. CONIVE не смог провести своих кандидатов в Законодательные советы в штатах Амазонас, Апуре, Сулия и Дельта-Амакуро. Их место заняли кандидаты от региональных организаций (в том числе входящих в CONIVE, но выступивших самостоятельно), в большинстве своем лояльных правительству; лишь в Сулии был избран кандидат оппозиции.

Ослабление руководящей роли CONIVE привело, с одной стороны, к росту влияния региональных организаций, наиболее сильные из которых существуют в штатах со значительным коренным населением: Амазонас, Боливар, Дельта-Амакуро, Сулия. Вместе с тем в Сулии, зоне компактного проживания крупнейшей индейской народности вайуу, движение разрозненно из-за активных действий оппозиции, имеющей значительное число сторонников, в особенности в Маракайбо. Другим следствием стало усиление новых индейских партий, претендующих на роль общенациональных. В частности, две из них, близкая к чавистам *Evolución* и примыкающая к оппозиции *Tawala*, с 2004 г. по 2008 г. значительно расширили географию своей деятельности, хотя и существенно уступая CONIVE по количеству набранных голосов⁶¹.

В ходе кампании по выдвижению кандидатов на выборы в НА в сентябре 2010 г. роль CONIVE в качестве представителя индейских масс была подвергнута сомнению. Звучали мнения о том, что индейцы «устали от того, что CONIVE, находясь в Каракасе, принимает за них решения», а Т. Пойо, один из бывших руководителей организации, отметил, что «CONIVE необходимы преобразования, потому что он решает за индейцев и указывает им пальцем на своих кандидатов»⁶². В процедуре выдвижения кандидатов не приняла участия FIEB – старейшая и одна из наиболее влиятельных индейских организаций. Были заявлены альтернативные кандидаты от оппозиции. В результате из трех кандидатов CONIVE смог провести двоих: впервые не прошла в НА Н. Покатерра, выдвигавшаяся от западного ре-

гиона и уступившая кандидату от оппозиционной партии PODEMOS.

Это свидетельствует о растущем недовольстве определенной части индейских масс политикой правительства и позицией CONIVE, оцениваемой ими как соглашательство, а не отстаивание их интересов. Так, в начале ноября 2009 г. в г. Мерида состоялась встреча представителей индейских общин и различных общественных движений. Ее участники осудили невыполнение государством обязательств по предоставлению индейцам прав на землю, выразили несогласие с политикой, направленной на «разъединение общин и разрушение их собственных организаций» и призвали к проведению в феврале 2010 г. общенационального марша «За землю, достоинство и свободу народов», которые не должны «подвергаться манипуляциям и эксплуатации со стороны милитаризованной бюрократической касты»⁶³.

В последнее время вопрос о земле приобрел особенную остроту в связи с тем, что процесс выдачи документов оказался практически парализован, несмотря на активную работу CONIVE и других организаций, а также индейских депутатов, входящих в состав законодательных органов власти. В адрес соответствующей государственной комиссии, правительства и самого президента звучит все более острая критика. Выражая недовольство, индейцы в ряде штатов начали самовольно захватывать земли, которые считают своими исконными владениями, изгонять захватчиков, массовыми акциями препятствовать проведению работ и др. Примерами таких конфликтов можно назвать ситуацию с общинами юкпа, сложившуюся в регионе Сьерра-де-Периха в Сулии и с индейцами пемон в Санта-Елена-де-Уайрен, штат Боливар⁶⁴.

Как отмечает венесуэльский исследователь Л.Ф. Ангосто, идеи индихенизма, несущие в себе мощный культурный заряд, при умелом их использовании на современной политической арене Венесуэлы обеспечивают серьезный политический капитал⁶⁵. Это осознают как правительственные круги, так и оппозиция. Обострившаяся ввиду предстоящих в 2012 г. президент-

ских выборов политическая борьба активизировала действия обеих сторон по привлечению электората, объектом которых стали и индейские массы. Оппозиционное объединение «Демократическое единство» (MUD) в 2010 г. сформировало свою индейскую секцию, в которую в феврале 2011 г. вошли такие организации, как Tawala, Evolución, PARLINVE.

В свою очередь официальные круги, осознавая недовольство индейцев отсутствием решения земельного вопроса, в декабре 2010 г. осуществили реорганизацию Национальной комиссии по разграничению⁶⁶: в числе других изменений было расширено индейское представительство в ее составе. Этот шаг, во многом символический, положительно восприняли большинство индейцев. Одновременно расширилась работа по привлечению индейцев в PSUV⁶⁷, в рядах которой теперь оказались даже лидеры некоторых прежде критически настроенных по отношению к правительству организаций, в том числе FIEB.

Отказавшись от самостоятельной роли и проявив «политическую гибкость» ради скорейшего достижения целей, индейцы ослабили свои позиции, утратив единство и возможность независимого принятия решений. При настоящем положении существует риск, что интересы индейского меньшинства станут разменной картой в обострившейся внутривнутриполитической борьбе. Добиться реализации законодательно гарантированных прав возможно лишь при участии самих индейцев в разработке соответствующих направлений государственной политики. Для этого необходим пересмотр тактики и построение отношений с государством на иной, чем ранее, базе. В самом индейском движении существует понимание его внутренних проблем, идет поиск новых форм работы, ведутся серьезные споры о лидерстве на общенациональном уровне. Одним из серьезных недостатков была признана слабая подготовленность индейских лидеров, а также нехватка специалистов-индейцев.

В заключение следует привести оценку ситуации, которую дали венесуэльские специалисты. «Венесуэла, — отмечают они, — в настоящее время переживает период экспансии госу-

дарственного аппарата в глубь территории страны... Впереди интенсификация государственного присутствия (школы, медицинские пункты, патрулирование границ) и социальных программ (миссий)... в особенности в общинах с наименьшим уровнем обмена с креольским миром,... и трудно предсказать, склонится ли эта экспансия к новым формам внутреннего колониализма или приведет к включению индейцев в общество при уважении их отличий»⁶⁸.

* * *

¹ El indígena venezolano. Informe sobre la situación socio-economica de los pueblos indígenas de Venezuela por Borja Miguelez Cabezas apoyado por la Agencia Española de Cooperación Internacional (AECI), p. 25, 27. – http://zunia.org/uploads/media/knowledge/Venz_Perfil_Indigena.doc

² Данные по: Instituto Nacional de Estadística (INE). III Censo Indígena 2001; Lugo-Morin D.R. Aves de caza del grupo indígena Eñepa de Guaniamo, Venezuela, p. 88-89. – Revista Ecosistemas, 16.V.2007.

³ Данные по: INE. Censo General de Población 2001. Mapa de Pobreza 2001. Calculos Preliminares.

⁴ El mundo indígena. 2002-2003. IWGIA, p. 130.

⁵ El mundo indígena. 2004, p. 140.

⁶ El indígena venezolano..., p. 32.

⁷ Ibid., p. 33.

⁸ Los wayúu, un pueblo sin frontera en dos naciones hermanas. – <http://www.soyperiodista.com> 16.09.2010

⁹ García Gavidia N. Procesos globalizadores y nuevas formas de ciudadanía en poblaciones wayuu urbanas. – Revista Cenipec, № 21, 2002, p. 156-160.

¹⁰ По: Lizarralde R. Censo Indígena de Venezuela. Caracas, 1992, т. I, p. 505.

¹¹ López Sanchez R., Hernández Rodríguez C.A. Realidad actual de los pueblos indígenas de Venezuela: los Bari y los Yukpa y el conflicto con las empresas petroleras y carboníferas, p. 4-5. – <http://encontrearte.aporrea.org/media/15/indigenas.pdf>

¹¹ Ibid., p. 6.

¹² Davies V. Los Warao pierden el país de agua. – El Nacional, 7.IX.2001.

¹³ El mundo indígena. 2009, p. 149-150.

¹⁴ По: Andrade D. Estos son los pemones, un pueblo de la gran familiavenezolana. ¿Los conocemos? – <http://encontrearte.aporrea.org/media>

/83/estossoslos.pdf; Los Pemones – Etnia de la Gran Sabana. – <http://www.lagransabana.com/pemones.htm>.

¹⁵ По: Biord H., Amodio E. Censo Indígena de Venezuela, т. I, p. 507.

¹⁶ Freire G., Zent S. Los Piaroa. – Salud Indígena en Venezuela, V. I. Caracas, 2007, p. 136-143. – http://academia.edu.documents.s3.amazonaws.com/284831/Freire_Zent2007.pdf; Mansutti A. Censo Indígena de Venezuela, т. I, p. 508.

¹⁷ Bello L.J. La situación de los pueblos indígenas aislados o con poco contacto en Venezuela. Informe 8. IWGIA, 2010, p. 11. – <http://www.iwgaia.org>

¹⁸ По: Alés C. Censo Indígena de Venezuela, т. I, p. 511.

¹⁹ С появлением миссионеров индейцы впервые получили доступ к образованию и медицинскую помощь. В то же время методы, которыми действовали «Новые племена», подвергаются заслуженной критике: насаждая слово божие, они налагали запрет на совершение традиционных обрядов, имеющих фундаментальное значение для культуры яномами (шаманство, погребальная церемония, курение табака и йопо. – (*Anadenanthera peregrina*). – Bello L.J. Op.cit., p. 18-20.

²⁰ Золотодобытчики наносили своими действиями непоправимый вред окружающей среде, загрязняли реки, не останавливались перед прямой агрессией по отношению к индейцам; кроме того, они принесли с собой новые болезни, перед которыми яномами были беззащитны.

²¹ Bello L.J. Op. cit., p. 30.

²² По: Kelly J.A., Carrera J. Los Yanomami – Salud Indígena en Venezuela. V. I. Caracas, 2007, p. 299-300.

²³ По: Censo Indígena de Venezuela, т. I, p. 511-512.

²⁴ Perera M.A. Los últimos Wanai (Mapoyos), contribución al conocimiento de otro pueblo amerindio que desaparece. – Revista Española de Antropología Americana, № 22. Madrid, 1992, p. 139.

²⁵ Enfoque de etnias indígenas de Venezuela. Documento de trabajo. Ministerio de salud y desarrollo social. Republica Bolivariana de Venezuela, 2002, p. 41.

²⁶ По: Lizarralde R. Op. cit., т. I, p. 508-509.

²⁷ По: González M. de la G. Censo Indígena de Venezuela, т. I, p. 506-507.

²⁸ Bello L.J. Op. cit., т. I, p. 9.

²⁹ García-Castro A.A. Mendicidad indígena: los warao urbanos. – <http://www.monografias.com/trabajos39/mendencia-indigena/mendencia-indigena2.shtml>

³⁰ См.: Garcia Gavidia N. Op. cit., p. 164.

³¹ El indígena venezolano..., p. 27.

³² Garcia Gavidia N. Op. cit., p. 172.

³³ García-Castro A.A. Op. cit.

³⁴ Freire G., Zent S. Op.cit., p. 142.

³⁵ Первый конгресс индейцев Венесуэлы состоялся в Каракасе в апреле 1970 года.

³⁶ Подробнее см.: Bello L.J. Los derechos de los pueblos indígenas en la nueva Constitución de Venezuela. Asuntos indígenas. IWGIA, 2000, № 1, p. 32-33.

³⁷ Constitución de 1999. Preámbulo, art. 9, 100, 119-125, 166, 169, 186, 260.

³⁸ El mundo indígena. 2000-2001, p. 107-108.

³⁹ Двухязычное обучение, формально осуществлявшееся в Венесуэле с 1979 г., на деле не было таковым. Индейцы требовали, чтобы программы и форма обучения были адаптированы к условиям их культуры и образа жизни, с тем чтобы получение образования не приводило к потере индейскими детьми связи с общиной и утрате своей культурной идентичности.

⁴⁰ Ley de Demarcación y Garantía del Hábitat y Tierras de los Pueblos Indígenas.

⁴¹ Ley Orgánica de Pueblos y Comunidades Indígenas (LOPCI); Ley de Idiomas Indígenas; Ley de Patrimonio Cultural de los Pueblos y Comunidades Indígenas; Ley de Artesanos y Artesanas Indígenas; Anteproyecto de la Ley de Coordinación de la Jurisdicción Especial Indígena, Ley Orgánica de Elección de los Representantes Indígenas.

⁴² Decreto Presidencial № 3.040. Gaceta oficial, 9.VIII.2004.

⁴³ MPPDS. Mision Guaicaipuro. Resumen, Abril 2006.

⁴⁴ Индейцы также получали помощь в рамках миссий «Робинсон» (программа по ликвидации неграмотности), «Ривас» (среднее образование), «Внутри квартала» (здравоохранение) – последняя осуществлялась при помощи кубинских врачей. Была организована раздача и продажа по низким ценам продовольствия, открыты общественные столовые (миссия «Меркаль»).

⁴⁵ Выделяются стипендии для студентов-индейцев, во многих университетах для них действуют специальные программы обучения по наиболее востребованным ими специальностям, таким, как педагогика, медицина, общественное управление, экология. В академические курсы включаются новые дисциплины: индейское право, индейские языки и др. В индейских районах стали открываться новые современные учебные центры. Была оказана поддержка созданному в 2004 г. в г. Сьюдад-Боливар Индейскому университету.

⁴⁶ El mundo indígena. 2005, p. 162-163; El mundo indígena. 2007, p. 161-162.

⁴⁷ Promover la diversidad cultural en Educación Superior. – Boletín de IEALC, UNESCO, № 166, agosto de 2008. – www.iesalc.unesco.org.ve

⁴⁸ См.: El mundo indígena. 2005, p. 164-165.

⁴⁹ «План здоровья яномами» осуществляется венесуэльским правительством в рамках обязательств перед Межамериканской комиссией по правам человека, взятых им на себя в 1999 г., в качестве возмещения за убийство группы индейцев-яномами бразильскими нелегальными золотоискателями (гаримпейрос). Основными целями является снижение смертности, в особенности детской, сокращение главных причин заболеваемости и усиление эпидемиологического контроля, в том числе проведение массовых вакцинаций; транспортную поддержку оказывают военные.

⁵⁰ El mundo indígena. 2009, p. 149-151.

⁵¹ Kuppe R. Viejas contradicciones y nuevas amenazas para los indígenas de Venezuela. – Asuntos indígenas. IWGIA, 1998, № 2, p. 22.

⁵² Евангелическая организация «Новые племена» имела множество миссий в штатах Амазонас, Боливар и Апуре, создав собственную инфраструктуру, включавшую небольшие авиалинии и спутниковые средства связи. В удаленных регионах, где крайне затруднен как доступ к благам цивилизации, так и контроль со стороны государственных органов, миссионеры создали своего рода «параллельное государство» и предоставляли индейцам высококачественные услуги здравоохранения и образования. Однако деятельность этих миссий уже давно была объектом критики со стороны различных организаций, защищающих права индейцев, и католической церкви.

⁵³ Bello J.L. La situación de los pueblos indígenas aislados..., p. 17; El mundo indígena. 2006, p. 150-151.

⁵⁴ Многие небольшие народности претендуют на обширные территории, особенно в южных штатах, рассматривая их как свои исконные земли.

⁵⁵ Caballero Arias H. La demarcación de tierras indígenas en Venezuela. – Revista Venezolana de Economía y Ciencias, V. 13. Caracas, 2007, № 3.

⁵⁶ Angosto L.F. Pueblos indígenas, guaicaipurismo y socialismo del siglo XXI en Venezuela. – Antropológica de la Fundación La Salle de Ciencias Naturales. Caracas, 2008, т. LII, № 110, p. 19-20.

⁵⁷ См.: Ibid., p. 21-25.

⁵⁸ Реформа предполагала: заменить термины «среда обитания и земли индейцев» на «общинные территории», заменить существующие индейские организации вновь созданными общинными советами, внести из-

менение в процедуру разграничения земель. – El mundo indígena. 2009, p. 141-142.

⁵⁹ Ibid., p. 142.

⁶⁰ El mundo indígena. 2010, p. 158-159.

⁶¹ В ходе региональных выборов 2008 г. CONIVE получил 971 тыс. голосов, а Tawala и Evolución – 231 тыс. и 59 тыс., соответственно. Вычислено на основании голосов, поданных за индейских депутатов в Законодательные советы штатов. – Consejo Nacional Electoral. – www.cne.gov.ve

⁶² Ferrer Ferrer L. Arrancó la contienda por los curules aborígenes. – Wayuunaiki. El periódico de los pueblos indígenas. Venezuela-Colombia, Junio 2010.

⁶³ Realizado encuentro de organizaciones sociales con comunidades y pueblos de la Sierra del Perijá, 14.11.2009. – <http://www.derechos.org.ve>

⁶⁴ См.: El mundo indígena. 2010, p. 161.

⁶⁵ Augusto L.F. Op.cit., p. 18.

⁶⁶ Decreto presidencial №. 7.855. – Gaceta oficial, №. 383.744. Caracas, 25.II.2011.

⁶⁷ El diario de Guayana. Guayana, 29.V.2011.

⁶⁸ Kelly J.A., Carrera J. Op. cit., p. 376.

АРГЕНТИНА: ИНДЕЙСКИЙ ФАКТОР В НАЦИОНАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ

Аргентина наряду с Чили и Уругваем остается одним из немногих латиноамериканских государств, где практически все сферы общественной жизни до сих пор контролируют потомки европейских переселенцев. При этом значительная часть населения полагает, что в стране нет автохтонных жителей, которые либо вымерли, либо находятся на грани вымирания, или их потомки давно ассимилировались. В то же время результаты официальных опросов указывают, что коренные народы Аргентины являются более многочисленными даже по сравнению с соседней Бразилией. В 2009 г. там более 420 тыс. человек заявили о своей принадлежности к различным индейским народностям, что в 2009 г. составляло 0,2% от общего числа граждан¹, в то время как в Аргентине, согласно данным Национального института статистики и переписей, 1,4% населения относили себя к представителям индейских этносов². Столь парадоксальные цифры, конечно же, могут объясняться тем, что значительная часть бразильских индейцев до сих пор живет в труднодоступных районах амазонской сельвы, куда просто не сумели добраться интервьюеры. Интересно, однако, что в массовом сознании эти государства продолжают восприниматься противоположным образом: Бразилия как страна, населенная множеством индейских племен, а Аргентина как «почти европейская» территория, характерной особенностью которой является отсутствие коренных народов. Появление и живучесть этого стереотипа отчасти вызваны стойким ассоциированием Бразилии с тропическими лесами Амазонии, а Аргентины как страны с «переселенческой» европейской культурой.

Наиболее важную роль в формировании и утверждении таких представлений сыграли государственная политика и общественное мнение в период становления этих стран как на-

циональных государств. На рубеже XIX–XX вв. большинство латиноамериканских национальных элит стало позиционировать свои страны как «плавильные котлы» европейской, африканской и индейской культур. На государственном уровне предпринимались попытки «креолизации» автохтонных жителей посредством проведения образовательной реформы, а также изменений законодательства в сферах землепользования и трудового права. Эти меры были направлены на постепенное размывание традиционного образа жизни индейцев, превращение их в метисов, «чоло», «ладино» и их дальнейшую ассимиляцию. Идеологической основой такой политики был тезис о том, что латиноамериканские нации являются результатом гармоничного слияния европейской, индейской и африканской рас³.

Аргентинские правящие круги заняли противоположную позицию, заявляя, что сформировавшаяся нация является «однородно «белой», поэтому ассимиляция понималась исключительно как односторонний процесс «европеизации» «небелого» населения. Создатели концепции «архентинидад»* (Х. Инхеньерос, Х. Рамос Мехия, А. Бунхе) не принимали во внимание существование иных этнических общностей на территории страны, несмотря на то, что первый декрет о положении коренных народов был принят еще в 1813 году. Декрет ратифицировал резолюцию Правительственной хунты Объединенных провинций Рио-де-ла-Платы от 1811 г. об отмене подушной подати с индейцев в пользу испанской короны, которая начиналась словами: «Самое ужасное, с чем столкнулось с первого же момен-

* Термин «архентинидад» был введен и впервые использован испанским писателем и философом Мигелем де Унамуно в сборнике эссе «*Contra esto y aquella*» (1912) по аналогии с предложенным португальским историком и психологом Оливейрой Мартинесом понятием «*hombridade*», которое он использовал в отношении кастильцев в значении «честность», «порядочность». Согласно М. де Унамуно, «архентинидад» – это совокупность нематериальных характеристик (ментальных, этических и религиозных), которые делают аргентинцев аргентинцами и отличают их от представителей другой национальности.

та своего установления настоящее правительство, – это жалкое и унижительное состояние несчастной расы индейцев» – и объявляла всех индейцев «совершенно свободными людьми, наделенными равными правами со всеми остальными гражданами»⁴.

Парадоксально, но, назвав автохтонных жителей свободными и равноправными гражданами, государство практически сняло с себя даже те формальные обязательства по их защите, которые в колониальный период были возложены на энкомендерос*. Более того, распространение среди правящих кругов идеи становления аргентинского государства как борьбы «пустыни» и «города», «цивилизации» и «варварства» привело к дальнейшему ухудшению положения коренных народов⁵. Термин «пустыня» (исп. – *el desierto*) широко применялся для обозначения территорий Пампы, Патагонии и Гран-Чако, населенных множеством индейских племен, которые с оружием в руках сопротивлялись наступлению «города», несущему «прогресс» на эти земли. Считалось, что для процветания Аргентины «варварские» элементы (т.е. автохтонные жители) должны были быть побеждены «ярким светом цивилизации», которую распространяли выходцы из Старого Света. Ярким выразителем этих идей стал выдающийся мыслитель, общественный и политический деятель Доминго Фаустино Сармьенто, считавший основным средством «достижения общественного покоя и гражданского упорядочения» широкое привлечение в Аргентину переселенцев из Европы⁶. В своей книге «Цивилизация и варварство. Жизнеописание Хуана Факундо Кироги, а также физический облик, обычаи и нравы Аргентинской республики» он писал: «Сто тысяч переселенцев ежегодно дадут нам

* Энкомьенда (исп. *encomienda* буквально — попечение, защита, покровительство) – форма эксплуатации индейского населения в испанских колониях в Америке в XVI–XVIII вв., основанная на сборе европейскими поселенцами (энкомендерос) подушной подати с индейцев и принуждении их к несению личных повинностей.

миллион трудолюбивых европейцев за десять лет, они расселятся по всей Республике, научат нас трудиться, использовать природные богатства, и их достояние пополнит достояние всей страны»⁷.

Этот подход был законодательно закреплен Конституцией, принятой в мае 1853 г. Учредительным Конгрессом. Статья 24 Конституции провозглашала приоритетность иммиграции в Аргентину европейских колонистов и гарантировала предоставление им равных с аргентинскими гражданами прав и даже некоторых преференций. Политика поощрения иммиграции, проводившаяся правительством Д.Ф. Сармьенто (1868–1874) способствовала постоянному притоку европейских колонистов и положила начало заселению пампы и превращению ее из скотоводческой области в земледельческую. Последующие правительства продолжили этот курс, в результате чего страна и приобрела тот неповторимый культурно-этнический облик с заметно выраженным европейским оттенком, который отличает сегодня Аргентину от большинства стран Латинской Америки.

Заселение пампы европейскими колонистами происходило за счет «отодвигания» границы к югу, что привело к превращению свободных индейцев в опасных военных противников. При этом антииндейская политика проводилась не только в отношении «диких» племен, но и в менее жестокой форме в отношении мирных индейских групп, населявших территории на северо-западе, в центральном районе и в зоне бывших католических миссий. Самой известной кампанией было «завоевание пустыни» под командованием генерала Рока в 1879–1886 гг., по итогам которой территории Пампы, Патагонии и Огненной Земли окончательно вошли в состав Аргентины. Для автохтонных жителей эти события обернулись геноцидом со стороны государства. Однако действия правительства и армии в отношении индейцев получали широкое общественное одобрение и поддержку, так как постоянная военная угроза с юга серьезно осложняла жизнь колонистов в пределах «культурной зоны»⁸.

«Освоение» европейскими переселенцами северо-востока современной Аргентины также сопровождалось военными конфликтами и разрушением традиционного жизненного уклада обитавших там немногочисленных индейских групп. Политика экспроприации земель коренных народов на северо-западе закономерно привела к ухудшению условий их жизни. Проблемы нехватки земли, воды и орудий труда вынуждали местные этносы искать дополнительные средства к существованию в работе по найму, превращая их в угнетаемые этнические меньшинства. Коренные жители – охотники, собиратели и рыболовы были вытеснены в малопригодные для их традиционных занятий области и лишены привычных средств самообеспечения. Так, вынужденный переход к оседлости в условиях постоянного сужения жизненного пространства из-за продолжавшегося натиска со стороны колонистов нарушил традиционную хозяйственную систему племени тоба, основанную на периодических миграциях отдельных групп в пределах обширной территории и рациональном использовании природных ресурсов. К началу XX в. произошла окончательная социальная изоляция индейцев Чако, которые дольше других групп сохраняли самобытную культуру, основанную на общинно-родовых отношениях, и собственное устойчивое самосознание. Таким образом, несмотря на то, что целью Д.Ф. Сармьенто и его последователей было заселение внутренних районов европейцами, его доктрина стала основанием для завоевания Пустыни и физического истребления значительной части коренного населения.

В конце XIX в. отчетливо проявилась роль государства, сознательно воздействовавшего на этнические процессы и формирование национального самосознания аргентинцев. Наряду с конкретными мерами по привлечению иммигрантов, уничтожением индейцев и дискриминацией «цветного» населения правящими кругами сознательно создавался миф об «исчезновении» в Аргентине индейцев и исключительной расовой однородности страны. Со школьной скамьи детям прививалось

чувство особой гордости от сознания принадлежности к «бланкитуд» («сообществу белых»). Усиленно насаждался новый стереотип аргентинца с европейским обликом, европейскими занятиями и манерами и, напротив, безжалостно развенчивался прежний национальный герой – гаучо (скотовод и пастух). Различные документы аргентинской истории, от школьных учебников до национальной конституции, представляли страну как территорию, лишенную присутствия коренных народов в результате «завоевания пустыни»⁹. Однако, несмотря на то, что военные кампании серьезно сократили численность коренных народов, было бы неверно говорить об их полном истреблении, что подтверждают и приверженцы «официальной» истории Аргентины.

Государственная статистика зачастую преувеличивала численность белого населения. На протяжении десятилетий в национальных переписях критерий расовой и этнической принадлежности не использовался, что приводило в результате к отсутствию достоверной информации о численности индейцев, метисов и «афро-аргентинцев» и исключению представителей этнических меньшинств из всех сфер общественной жизни. Даже креольское население рассматривалось не как метисная группа, а исключительно как потомки выходцев из Европы, что и позволяло правительству оперировать почти стопроцентными данными по численности «белого» населения страны¹⁰.

Первая всеобщая (официально – Первая национальная) перепись населения была проведена в 1869 г. по инициативе самого Д.Ф. Сармьенто. Учет населения осуществлялся по национальному признаку, но при этом выделялись только две категории – аргентинцы (исп. – *los argentinos*) и иностранцы (исп. – *los extranjeros*). Аргентинцы как уроженцы страны противопоставлялись иммигрантам как единая и этнически однородная общность. Такой же подход использовался и при проведении последующих переписей. Так, во всеобщую перепись населения 1895 г. критерий этнической принадлежности также не был включен, поскольку, по словам чиновников, «большинство

опрашиваемых все равно идентифицировало себя как белых. Расовой проблемы, столь примечательной в Соединенных Штатах, в Аргентине не существует. Она не имеет значения для населения, которое объединяется, создавая новую и красивую белую расу на основе представителей всех европейских стран на южноамериканской почве». Тем не менее те же чиновники оценили «цветное» население в неподтвержденные 5 процентов¹¹.

К началу XX в. индейская проблема, как утверждалось, по большей части была «решена» на территории Аргентины. Европейская иммиграция действительно произвела глубокие изменения в социальной и этнической структуре населения, в значительной степени сосредоточенного в столице и ее пригородах. Однако там, где иммиграция была незначительной, особенно в северо-западных провинциях – наиболее старом районе освоения страны, местное население с большой долей индейской крови сохраняло прежний физический тип и исконные традиции своих предков. При этом культурная изоляция коренных народов и их сравнительно небольшая численность, занижаемая к тому же официальной статистикой, приводили к ошибочному представлению об отсутствии в стране автохтонных жителей. Испанская исследовательница из Института истории в Мадриде Моника Кихада назвала это явление «невидимостью» (англ. *invisibilization*) индейцев в Аргентине. По ее мнению, именно оно долгое время мешало сообществам коренных народов эффективно мобилизовывать свои силы для проведения кампаний в защиту своих прав, способных вызвать общественный резонанс¹².

Существующие данные по этническому составу граждан Аргентины на рубеже XIX–XX вв. акцентируют внимание на фактах поощрения европейской иммиграции и гибели каждого десятого представителя коренного населения в провинции Чако и в Патагонии в качестве основных средств «европеизации» населения. Согласно теории ряда исследователей национализма, таких, как Дж. Ротшильд, Э. Хобсбаум и Э. Геллнер, стремление гомогенизировать население в обмен на предоставление

ему гражданских прав вполне естественно для государства. Соответственно в истории Аргентины политика «выдавливания» коренного населения длительное время воспринималась как центральный элемент в формировании национального государства с населением, представленном европейскими эмигрантами и их потомками¹³.

Еще одним способом подкрепить почти повсеместное убеждение в отсутствии в Аргентине «автохтонов» стала «переселенческая» теория. В середине XIX в. в правящих кругах страны распространилось убеждение в том, что индейцы-мапуче вторглись в Аргентину с территории Чили. Как следствие индейские этносы, населявшие провинции Пампы и Патагонии, стали восприниматься ими как «потомки чилийских индейцев». Действительно, в течение XIX и XX вв. многочисленные племена гуарани и колья искали убежище от политических конфликтов и экономического давления на аргентинской территории. Причем считалось, что автохтонные жители этих провинций утратили собственную идентичность в процессе принудительной ассимиляции мапуче. Таким образом, истребление индейцев в ходе «завоевания Пустыни» правящие круги Аргентины рассматривали не как геноцид коренных народов, а как необходимое устранение иностранных захватчиков¹⁴.

Эта теория усложнила вопрос о признании индейцев гражданами Аргентинской республики и стала основанием для опротестования прав коренных народов. В частности, власти провинций Чубут, Неукен и Сальта на протяжении прошлого десятилетия нередко использовали эти доводы для отрицания права собственности местных этносов на землю. По сути дела, представителей коренных народов рассматривали как граждан иностранных государств и, таким образом, легко оспаривали законность их требований¹⁵.

Кардинальные сдвиги в положении индейцев в Аргентине произошли в период первого правительства Х.Д. Перона (1943–1955). Он предоставил гражданство тем представителям коренных народов, которые в нем все еще нуждались. С одной

стороны, данный факт наглядно свидетельствовал о том, что в результате военных кампаний местные индейские группы не были полностью уничтожены, с другой – он мог восприниматься и как еще одно доказательство иностранного происхождения некоторых этносов. Решение Национального Конгресса о предоставлении гражданства этим людям было мотивировано тем, что их признали в достаточной степени ассимилированными и отказавшимися от своего традиционного образа жизни. Таким образом, как ни парадоксально, но предоставление индейцам гражданских прав обуславливалось прежней уверенностью властей в том, что они в своем большинстве являлись иностранными мигрантами, а не действительно автохтонными жителями¹⁶.

Современная Аргентина – родина чуть более 620 тыс. индейцев, разделенных на 14–24 этнические группы. Индейские сообщества проживают на всей территории страны: от этносов колья на северо-западе и в андских предгорьях до племен гуарани и тоба на северо-востоке и она на юге Огненной Земли¹⁷. Каждая этническая общность придерживается уникального образа жизни, обычаев и традиций. Так, индейцы, живущие в горах на северо-западе, занимаются сельским хозяйством и разведением домашнего скота, тогда как основными занятиями индейцев равнин северо-востока, как правило, по-прежнему остаются охота, собирательство и рыболовство.

Сравнительно недавней тенденцией стало увеличение числа индейцев, переезжающих из отдаленных провинций в крупные города, такие, как Буэнос-Айрес, Росарио и Санта-Фе. По оценкам аргентинских исследователей, число живущих в трущобах (исп. – villas) вокруг Росарио индейцев племени тоба превышает количество оставшихся на традиционных землях их проживания в провинциях Чако, Формоса и Сальта. Это объясняется интенсивным развитием там лесозаготовок и туризма, что привело к сокращению охотничьих угодий этноса, уловов рыбы и возможностей собирательства¹⁸.

Представители коренных народов Аргентины по-прежнему существуют в условиях социальной исключенности и борьбы за физическое выживание. Они все еще остаются частью наименее социально защищенного и наименее экономически востребованного населения с показателями более высокой безработицы, более высокой смертности, более низкой продолжительности жизни, чем в целом по стране, с крайне недостаточным доступом к получению образования и услуг здравоохранения. Так, провинция Жужуй, которая характеризуется самым высоким процентом коренных жителей, одновременно является одной из наименее развитых в стране. В сообществе индейцев уичи в Чако в 1992 г. была зарегистрирована первая в аргентинской истории вспышка холеры, вызванная нехваткой очистительных сооружений. Согласно исследованию Всемирного банка, 56% индейцев мапуче не получили образования, в то время как уровень неграмотности среди населения Аргентины в целом составлял порядка 7%¹⁹. Кроме того, в повседневной речи аргентинцев отмечается частое использование определений, где индеец уподобляется ленивому, праздному, грязному, необразованному и дикому существу. Широкое распространение этого представления зачастую вынуждает индейцев скрывать свое этническое происхождение во избежание дискриминации.

Иллюстрацией тяжелого положения индейских общин в современной Аргентине может служить инцидент, произошедший в ноябре 2007 г. и вызвавший широчайший общественный резонанс. Лидеры крупнейших индейских общин страны обратились в Верховный суд с жалобой на власти провинции Чако. Поводом для обращения стала гибель по меньшей мере 20 человек в племенах тоба, уичи и пирога от голода или болезней, связанных с недоеданием²⁰. Это стало свидетельством неэффективной политики правительства и местных властей по снабжению индейских племен в беднейших районах страны продуктами, необходимыми для элементарного выживания. В настоящее время автохтонным жителям Аргентины приходится

боротся за признание своего права как этнических меньшинств в целях сохранения своей культурной и лингвистической самобытности, прав на исконные земли и получение образования на родном языке.

Для Аргентины до сих пор характерно отсутствие актуальной и достоверной информации об индейском населении. Согласно данным опроса за 2004–2005 гг. о своей принадлежности к различным индейским этносам заявили более 600 тыс. человек, что составляло 1,4% от всего населения страны. В то же время, по данным неправительственных и индейских организаций, число коренных жителей в Аргентине колеблется от 800 тыс. до 2 млн. человек. Считается, что их значительная часть компактно проживает в сельской местности, достигая 3–5% всего населения страны, а в ряде провинций доля индейцев составляет до 25% всех жителей²¹. Последняя перепись в общинах проводилась лишь в конце 1960-х годов, однако ее результаты вызывают сомнение из-за применявшейся при опросах методологии. Ее единственным, пожалуй, бесспорным результатом было установление принципиального наличия индейских сообществ на аргентинской территории. Однако значительное число представителей индейских племен, переехавших из сельской местности в города, при этом вообще не учитывалось, что ставит под сомнение даже количественные результаты переписи (170 тыс. аргентинцев, заявивших о своей принадлежности к индейским группам)²².

Миф о «белой» Аргентине, насаждавшийся «сверху», оказался настолько живучим, что серьезно затруднил формирование самосознания у «небелых» этнических групп страны. В результате, несмотря на общую тенденцию активизации движений коренных жителей в ряде государств Латинской Америки, такое восприятие страны, созданное политической элитой в период становления национального государства, по-прежнему ставит аргентинских индейцев в заведомо проигрышное положение. Отрицание обществом самого факта их существования на протяжении десятилетий априори усложняет возможность

их участия в экономическом, политическом и культурном развитии страны в XXI веке.

* * *

¹ http://www.ibge.gov.br/home/estatistica/populacao/trabalhoerendimento/pnad2009/tabelas_pdf/brasil_1_2.pdf

² <http://www.indec.mecon.ar/>

³ Подробнее см.: Концепции историко-культурной самобытности Латинской Америки. М., 1978.

⁴ Цит. по: Шейнбаум Л.С. Аргентинский этнос. М., Наука, 1984, с. 74.

⁵ Согласно концепции Д.Ф.Сармьенто, Аргентина в первой половине XIX в. стала ареной двух развивавшихся почти одновременно «войн»: одна – это война, которую вели города – носители и проводники европейской культуры, «цивилизация» – против испанских колонизаторов и их наследия; вторая – это война отсталой деревни, мятежных каудильо – носителей и выразителей «варварства» – против города с целью освободиться от какой-либо гражданской цивилизации и сохранить свою автономию и местные привилегии.

⁶ Сармьенто Д.Ф. Цивилизация и варварство. Жизнеописание Хуана Фаундо Кироги, а также физический облик, обычаи и нравы Аргентинской республики. М., Наука, 1988, с. 186.

⁷ Там же, с. 187.

⁸ Очерки истории Аргентины. М., Издательство социально-экономической литературы, 1961, с.215-216.

⁹ Escudé С. La educación patriótica: Respuesta a la nueva crisis identitaria de la comunidad imaginada de los argentinos. – http://www.argentina-reee.com/documentos/cultura_escude.htmhttp://www.argentina-reee.com/documentos/cultura_escude.htm

¹⁰ Шейнбаум Л.С. Аргентинский этнос. М., Наука, 1984, с. 94-95.

¹¹ Цит. по: Indigenous or Criollo: The Myth of White Argentina in Tucumán's Calchaquí Valley. – <http://hahr.dukejournals.org/cgi/content/short/88/1/71>

¹² Ibidem.

¹³ The Paradox of Transnational Indigenous Identities in Argentina. – <http://lanic.utexas.edu/project/etext/llilas/ilassa/2007/adkin.pdf>

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Indigenous Land Regularization in Latin America. – <http://www.nativeweb.org/papers/essays/crain.html>

¹⁶ Indian Institutes in Argentina: From Paternalism to Autonomy. – <http://www.culturalsurvival.org/ourpublications/csq/article/indian-institutes-argentina-from-paternalism-autonomy>

¹⁷ Северо-восток: провинции Чако, Формоса, Мисьонес и Санта-Фе; этносы мбия-гуарани, мокови, пилагá, тоба, вилела и уичи.

Северо-запад: провинции Катамарка, Жужуй, Ла Риоха, Сальта, Сан Хуан, Сантьяго дель Эстеро и Тукуман; этносы атакама, авá-гуарани, чанé, чороте, чулупи, диагита-кальчаки, колья, омагуака, тапете, тоба, тупи-гуарани, уичи.

Юг: провинции Чубут, Неукен, Санта Крус и Огненная Земля; этносы мапуче, óна, теуэльче, ямана.

Центральный регион: провинции Буэнос-Айрес, Ла-Пампа и Мендоса; этносы атакама, авá-гуарани, диагита-кальчаки, уарпе, колья, мапуче, ранкульче, тоба, тупи-гуарани.

¹⁸ Indigenous Land Regularization in Latin America. – <http://www.native-web.org/papers/essays/crain.html>

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Indígenas tobas, en la provincia argentina del Chaco, «al borde del exterminio». – <http://www.jornada.unam.mx/2007/08/30/index.php?section=mundo&article=027n1mun>

²¹ Present Situation of Indigenous Populations in Argentina. – http://www.soc.unicen.edu.ar/newsletter/nro7/nuestros_docentes/7culturlink.pdf

²² Ibidem.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Освещение ключевых моментов этнополитического развития коренного населения стран Латинской Америки, предпринятое авторами сборника, представляет попытку восполнить тот пробел, который образовался в отечественной науке за последние 20 лет. Различные трактовки и интерпретации *индейского вопроса*, предложенные авторами, представляют не только теоретический, но и немалый практический интерес, так как позволяют выделить необходимые слагаемые успешной государственной политики и определить просчеты, мешающие национальному строительству. Прослеживая особенности социального и экономического положения индейских народов и основные векторы развития этнических движений, авторы стремились показать рельефную панораму современного индейского мира.

Анализ воздействия эндогенных и экзогенных факторов на традиционные институты и механизмы их взаимодействия с властными структурами на национальном, провинциальном и локальном уровнях имел целью обозначить узловые моменты, характерные для современного этапа этносоциальных, этнополитических и культурных процессов. Представленные в сборнике статьи были призваны в своей совокупности показать то многообразие проблем, с которыми сталкиваются сегодня индейские народности, отстаивающие свои права на автономию, равноправие и развитие в условиях модернизации.

При этом выявлены существенные различия в поведении коренных народов в зависимости от этнического состава той или иной страны и их статуса – национальных меньшинств, как в Чили и Венесуэле, или большинства нации, как в Боливии и Гватемале. В последней в результате длительного внутригосударственного конфликта демографическая статистика оказалась недостаточно достоверна, хотя, даже по официальным данным, индейские народности составляют там свыше 45% населения. Соответственно удельному весу того или иного этноса, нали-

чию или отсутствию координирующих организаций и их связей с политическими партиями и международными структурами значительно варьируются программы индейских объединений, а также тактика их действий, нацеленных на решение жизненно важных проблем.

Гетерогенный состав индейского социума, насчитывающего десятки народов и народностей, говорящих на разных языках, закономерно препятствует межнациональному общению и затрудняет выработку общей региональной или субрегиональной стратегии. Правда, с распространением двуязычного образования (испанский и какой-либо из индейских языков) наметилась тенденция к улучшению межэтнических коммуникаций. При этом фактором, негативно влияющим на координацию действий индейских объединений, является дисперсное расселение коренных народностей, следствие которого – частое несовпадение их интересов, существенно затрудняющее выработку общей повестки борьбы за экономические и социальные права. В связи с этим трудно ожидать в обозримом будущем объединения этнических организаций и движений в региональном масштабе.

Рассмотрение авторами политики государства в индейском вопросе позволило выявить корреляцию между уровнем развития демократии и эффективностью мер по дезактивации очагов напряженности в межэтнических отношениях. От способности власти к диалогу с восставшими индейцами и лидерами протестных акций во многом зависят перспективы достижения межнационального согласия и мирного урегулирования спорных вопросов. Об этом говорит и опыт разрешения конфликта в Чьяпасе, и меры чилийского правительства по кооптации индейского населения в общенациональный проект развития.

Иная модель взаимоотношений государства с индейским населением представлена в странах «боливарианского круга» – Венесуэле, Боливии и Эквадоре. Если в Венесуэле правительство делает акцент на оказание помощи малочисленным индейским поселениям, рассчитывая таким образом обеспечить их лояльность режиму, то в Боливии правительство Эво Моралеса

занято перераспределением доходов от газовой ренты в пользу индейского большинства. Однако основными бенефициариями при получении государственной помощи стали индейцы аймара, к которым принадлежит и сам президент Моралес, тогда как кечуа и гуарани получают меньшую поддержку, что чревато в будущем усилением межэтнических трений. В Эквадоре правительство «гражданской революции», занятое укреплением властной вертикали, предоставляет помощь отдельным малым народностям, но игнорирует требования крупнейшей индейской организации, касающиеся принятия мер по охране окружающей среды в Амазонии. Как видим, ориентация «боливариЙцев» на «социализм XXI века» совсем не гарантирует продуманной политики в национальном вопросе, а нередко и продуцирует рост межэтнической напряженности.

Вопрос о положении амазонских индейцев вообще является одним из тех, которые могут привести к серьезным внутри- и внешнеполитическим осложнениям уже в среднесрочный (до 10 лет) период. И это касается даже не столько рассматриваемых в сборнике таких амазонских стран, как Венесуэла, Эквадор и Перу, сколько латиноамериканского гиганта, 52% территории которого занято амазонскими лесами, – Бразилии. Очевидно, что рассмотрение положения индейского населения в этом труднодоступном ареале должно стать предметом отдельной работы. В этой связи представлялось бы необходимым осветить и другие стороны индейской проблемы, которые обычно не выносятся на передний план в дискуссиях, однозначно сориентированных на защиту прав индейцев и вопросах их подключения к политической и хозяйственной жизни своих стран. Это – *способность и желание самих индейцев*, которые представляют, как известно, самостоятельный, *цивилизационно и генетически* отличный от белого человека тип людей, к политически, экономически и *этически* оправданному «подключению» такого рода. Другая проблема – насколько *особые качества* индейских этносов: их «созерцательное» восприятие жизни, «сыновнее» отношение к природе, уважение к традициям и наследию предков, моральная чистоплотность, отсутствие

культы материального и т.д., могут оказаться востребованными в мире, где кризис *материалистической и гедонистической цивилизации* стал свершившимся фактом.

При этом также пока не найдено ответа на вопрос (частично он затронут на страницах сборника) о том, как в условиях сложившейся в международном праве дихотомии между принципами соблюдения прав человека и самоопределения, с одной стороны, и суверенитета и территориальной целостности, с другой, примирить стремление индейских общин к автономизации (до каких пределов?) и необходимость экономического развития отсталых территорий. Как в эту дихотомию вписать законное стремление латиноамериканских государств к обеспечению своей *национальной безопасности и территориальной целостности*? Сегодня такие вопросы наиболее остро встают как раз в отношении Бразилии, правительства которой давно озабочены проблемой хозяйственного развития Амазонии, рассматривающейся иногда в западных СМИ как «ничейная территория» или «общее достояние человечества». Здесь не до конца ясен вопрос с правами индейцев – яномами, проживающими на границе с Венесуэлой. Ряд бразильских политических деятелей и представителей академического мира, видимо, не случайно обеспокоены чрезмерно «широкой» трактовкой их прав западными СМИ и НПО. Очевидно, что «индейский ренессанс», используемый в эгоистических целях *за спиной самих индейцев*, может привести к повторению в Латинской Америке сценариев, наподобие Косово, Афганистана, Ирака или Ливии.

Но, несмотря на возросший мобилизационный потенциал этнических движений, пока еще преждевременно делать вывод о преодолении маргинального положения коренного населения в большинстве государств региона. Тем не менее – и это очевидный факт! – индейская карта все чаще разыгрывается претендентами на президентское кресло, а роль индейского электората становится более значимой, особенно в периоды избирательных компаний. Да и случаи избрания индейцев на высшие государственные посты сначала в Перу, а затем и в Боливии,

как и использование традиционных ритуалов посвящения в вожди при процедурах инаугурации президентов, подтверждают наметившуюся тенденцию к возрастанию влияния индейского традиционализма на современные политические процессы.

В контексте процессов демократизации становится все более заметным участие представителей коренного населения в органах местного самоуправления на постах алькальдов и членов муниципальных советов. Таким образом, артикулируются и транслируются вверх социальные и природоохранные требования жителей индейских поселений, заинтересованных в приобщении к национальным программам развития.

Однако возможности позитивного взаимодействия представителей индейских организаций и общин зачастую ограничиваются отсутствием у центральных властей политической воли и желания наладить продуктивный диалог с индейскими лидерами и участниками протестных акций. Нередко ответом государства становится подавление индейских выступлений и отказ от диалога. Следовательно, коренное население и в дальнейшем не гарантировано от рецидивов силовых акций правительственных войск, дающих краткосрочный эффект, а в среднесрочной перспективе ведущих к обострению межэтнических противоречий и радикализации индейских масс, что в свою очередь несет с собой риски социально-политической дестабилизации и (что отнюдь не исключено!) вмешательства «третьих» сил.

В конечном счете, перспективы всестороннего развития индейского социума взаимосвязаны с политикой государства, с его способностью стимулировать устойчивое развитие и гарантировать неотъемлемые права индейского населения с учетом его исторической и цивилизационно-культурной специфики.

Уважаемые читатели!
Институт Латинской Америки РАН
планирует выпустить в свет в 2011 г. следующие книги:

- Дабагян Э.С. Венесуэла: траектория политического процесса.
- Латинская Америка из века в век. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Телерман В.А. Латинская Америка: эволюция взаимоотношений государства и частного сектора.
- Латинская Америка в российской печати. Составители: Горохова А.М. (отв. ред.), Ипполитова В.Ф.

**По вопросам приобретения через систему «Книга почтой»
обращаться в Институт Латинской Америки
(E-mail: iberoamerica@ilaran.ru, факс 953-40-70);
в Издательство УРСС (тел: +7 (499) 135-44-23, E-mail: urss@urss.ru),
а также в магазины:**

«Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, 6. Тел. (495) 925-2457)
«Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)
«Аргумент» (м. Университет, 2 гум. корп. МГУ. Тел. (495) 939-2206)
«Гилея» (м. Профсоюзная, ИНИОН, 2 эт. Тел. 8-499-724-61-67)

**В магазинах торговой фирмы «Академкнига»
(адрес фирмы: 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7,
тел. (499) 124-55-00, E-mail: akadkniga@voxnet.ru)
можно приобрести следующие публикации ИЛА РАН**

- Латинская Америка в современной мировой политике. Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- Коваль Б.И. Трагическая героика XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса.
- Трансграничный терроризм: угроза безопасности и императивы международного сотрудничества (латиноамериканский вектор). Отв. ред. *Мартынов Б.Ф.*
- Латинская Америка XX века. Социальная антропология бедности. Отв. ред. Коваль Б.И.

**ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ РАН
РЕАЛИЗУЕТ СВОИ КНИГИ ЧЕРЕЗ МЕЖИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ДИСТРИБЬЮТЕРСКИЙ ЦЕНТР ПРИ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ УРСС**
ТЕЛ.: +7 (499) 135-42-46, +7 (499) 135-44-23 E-mail: urss@urss.ru <http://urss.ru>

- *Давыдов В.М.* Эффект адаптационного реформирования: от Латинской Америки к России.
- *Сила права или право силы? Международная безопасность (латиноамериканский ракурс).* Отв. ред. *Мартынов Б.Ф.*
- *Бобровников А.В.* Макроциклы в экономике стран Латинской Америки.
- *Испания: траектория модернизации на исходе двадцатого века.* Отв. ред. *Давыдов В.М.*
- *Латинская Америка: проблемы модернизации в контексте устойчивого развития.* Отв. ред. *Теперман В.А.*
- *Малые страны Латинской Америки: смена экономической модели.* Отв. ред. *Теперман В.А., Шереметьев И.К.*
- *Лезгинцев Ю.М.* Перу: особенности современного хозяйственного комплекса.
- *Чумакова М.Л.* Колумбийская драма: разлом общества, эскалация террора, поиски мира.
- *Давыдов В.М.* Цивилиография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки.
- *Страны Латинской Америки и Карибского бассейна в ВТО.* Отв. ред. *Клочковский Л.Л.*
- *Шелешнева-Солодовникова Н.А.* Латиноамериканское искусство сквозь призму постмодернизма.
- *Аналитические тетради ИЛА РАН. Вып. 20. Константинова Н.С., Мартынов Б.Ф.* Имидж России в Бразилии: укоренившиеся стереотипы и факторы оптимизации.
- *Аналитические тетради ИЛА РАН. Вып. 21. Чумакова М.Л. и др.* Изменение геополитической ситуации в латиноамериканском регионе.
- *Яковлев П.П.* Аргентинская экономика перед вызовами модернизации.
- *Облик России — взгляд из Латинской Америки.* Отв. ред. *Сударев В.П.*
- *Холодков Н.Н.* Латинская Америка: финансовая либерализация и перестройка национальных банковских систем. Итоги и проблемы.
- *Ибероамериканский мир в начале XXI века. В 2-х частях. Сборник докладов.*
- *Мартынов Б.Ф.* Бразилия — гигант в глобализирующемся мире.
- *Давыдов В.М., Бобровников А.В.* Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении).
- *Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации. В 2-х частях.* Отв. ред. *Чумакова М.Л.*
- *«Альянс цивилизаций» (трудный диалог в условиях глобализации).* Отв. ред. *Яковлев П.П.*
- *Красильщиков В.А.* Человеческое развитие и изменения в мировой системе.
- *Белякова Е.И.* «Русский» Амаду и бразильская литература в России.
- *Яковлев П.П.* Испания в мировой политике.
- *Испания и Латинская Америка: динамика культурных процессов в конце XX — начале XXI веков.* Отв. ред. *Константинова Н.С.*

**ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Основанный в 1961 г., ИЛА РАН является ныне крупнейшим европейским центром, ведущим комплексные фундаментальные исследования экономических, социально-политических, международных и культурологических аспектов современного развития государств и народов Латино-Карибской Америки, а также стран Иберийского полуострова – Испании и Португалии.

Институт изучает актуальные проблемы сотрудничества России с указанными странами, разрабатывает перспективные направления оптимизации отношений с ними на двусторонней и многосторонней основе.

ИЛА занимается также консультационной работой по заказам государственных, общественных и частных организаций, культурно-просветительской, образовательной и издательской деятельностью.

За годы своего существования Институтом выпущено более 500 монографий и сборников статей. Ежегодно публикуется в среднем около 10 различных наименований. ИЛА издает ежемесячный журнал «Латинская Америка» и ежеквартальный журнал «Iberoamérica» на испанском языке. Периодически публикуется научный бюллетень «Аналитические тетради ИЛА РАН». Библиотека Института, насчитывающая около 100 тыс. томов, является одной из самых крупных в мире по современной проблематике Латино-Карибской Америки.

ИЛА РАН поддерживает связи с более чем 200 зарубежными научными центрами, осуществляет свыше 40 соглашений и программ о научном сотрудничестве с университетами и исследовательскими центрами Латино-Карибской Америки, США, Европы и Азии.

В Институте ежемесячно проводятся научные конференции, симпозиумы, круглые столы и семинары с участием российских и зарубежных ученых. Осуществляется подготовка специалистов высшей квалификации на уровне кандидата и доктора наук.

Адрес: Москва, 115035, Б. Ордынка, д. 21
Тел.: (495) 951-5323, 953-4639, факс: (495) 953-4070

E-mail: ilac-ran@mtu-net.ru

<http://www.ilaran.ru>

ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Основанный в 1961 г., ИЛА РАН является ныне крупнейшим европейским центром, ведущим комплексные фундаментальные исследования экономических, социально-политических, международных и культурологических аспектов современного развития государств и народов Латино-Карибской Америки, а также стран Иберийского полуострова – Испании и Португалии.

Институт изучает актуальные проблемы сотрудничества России с указанными странами, разрабатывает перспективные направления оптимизации отношений с ними на двусторонней и многосторонней основе.

ИЛА занимается также консультационной работой по заказам государственных, общественных и частных организаций, культурно-просветительской, образовательной и издательской деятельности.

За годы своего существования Институтом выпущено около 500 монографий и сборников статей. Ежегодно публикуется в среднем около 10 различных наименований. ИЛА издает ежемесячный журнал «Латинская Америка» и ежеквартальный журнал «Iberoamérica» на испанском языке. Периодически публикуется научный бюллетень «Аналитические тетради ИЛА РАН». Библиотека Института, насчитывающая около 100 тыс. томов, является одной из самых крупных в мире по современной проблематике Латино-Карибской Америки.

ИЛА РАН поддерживает связи с более чем 200 зарубежными научными центрами, осуществляет свыше 40 соглашений и программ о научном сотрудничестве с университетами и исследовательскими центрами Латино-Карибской Америки, США, Европы и Азии.

В Институте ежемесячно проводятся научные конференции, симпозиумы, круглые столы и семинары с участием российских и зарубежных ученых. Осуществляется подготовка специалистов высшей квалификации на уровне кандидата и доктора наук.

Адрес: Москва, 115035, Б. Ордынка, д. 21
Тел.: (495) 951-5323, 953-4639, факс: (495) 953-4070

E-mail: ilac-ran@mtu-net.ru

<http://www.ilaran.ru>

Ф. СП-1

Министерство связи РФ
ГПС "Моспочтамт"

АБОНЕМЕНТ на журнал
Латинская Америка

70497

(индекс издания)

(наименование издания) Количество комплектов:

на 200 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

доставочная карточка
на журнал 70497

(индекс издания)

ПВ место ля-тер

Латинская Америка
(наименование издания)

Стои-мость по каталогу руб. коп. Кол. комп. доставка за руб. коп.

на 200 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

Уважаемый читатель!

Приглашаем Вас подписаться на наш журнал.
Подписка принимается в любом
отделении связи по Каталогу ФУПС. Индекс 70497.
В розницу журнал не распространяется.

Латиноамериканская Америка

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНЫЙ
И СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

10
2003

